

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 1 / 2022

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЕВРЮГИНА Ольга Александровна	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Olga A. SEVRYUGINA	Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Гийо Д. <i>Об украинском кризисе: хотят ли русские войны?</i>	5
Третьяков И. Л. <i>Нацистская психиатрия: массовые убийства психически больных</i>	10
Кузнецова Е. Н. <i>Великая Отечественная война: взгляд сквозь призму власти</i>	20

РАКУРС

Сафронова Е. В., Кравец К. В. <i>Теория пересечения права и морали И. В. Михайловского</i>	25
---	----

РОССИЯ

Скоробогатов А. В. <i>Детерминанты бюрократизации права в российском обществе</i>	32
Багдасарян С. Д. <i>Эволюция института частного обвинения в России</i>	41

МИР

Королев П. Е. <i>Абсолютизм во Франции: историко-правовой взгляд</i>	53
---	----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Самойлова А. А. <i>Понятие, признаки, правовая природа спортивного спора</i>	63
Дельнова А. Д., Старшинова К. Я. <i>Основания недействительности сделки, совершенной под влиянием насилия или угрозы</i>	71
Кулакова Е. А. <i>Заключение мирового соглашения по групповым искам в гражданском процессе: в поисках баланса интересов</i>	76

CONTENTS

TRENDS

- Guyot D.** *The Ukrainian Crisis: Do the Russians Want War?* 5
- Tretyakov I. L.** *Nazi Psychiatry: Mass Killings of the Mentally Ill* 10
- Kuznetsova E. N.** *The Great Patriotic War: A View Through the Prism of Power* 20

FOCUS

- Safronova E. V., Kravets K. V.** *The Theory of Intersection of Law and Morality in Works by J. V. Mikhailovskiy* 25

RUSSIA

- Skorobogatov A. V.** *Determinants of Bureaucratization of Law in Russian Society* 32
- Bagdasaryan S. D.** *Evolution of the Institute of Private Prosecution in Russia* 41

WORLD

- Korolev P. E.** *Absolutism in France: A Historical and Legal View* 53

POINT OF VIEW

- Samoylova A. A.** *The Concept, Signs, Legal Nature of a Sports Dispute* 63
- Delnova A. D., Starshinova K. Ya.** *Grounds for Invalidation of a Transaction Made under the Influence of Violence or Threat* 71
- Kulakova E. A.** *Settlement Agreement in Class Actions in Civil Proceedings: In Search of a Balance of Interests* 76

DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.005-009

ОБ УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ: ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Гийо Даниэль, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, член Французского общества сравнительного права
109012, Россия, Москва, ул. Ильинка, 6/1, с. 1
daniel.guyot@hotmail.fr

© Гийо Д., 2022

Аннотация. Статья раскрывает авторскую позицию на проблему взаимоотношений России и Украины, движение последней в сторону вестернизации, уход от исторических реалий в сторону утопии несбыточной демократии, а также преднамеренный разрыв с Русским миром. Кроме того, представлены оценки по данному вопросу лидеров двух государств. Для понимания сложившейся ситуации автор полагает, что необходимо сначала комплексно рассмотреть события, которые продолжают разворачиваться вокруг Украины. Судя по французской прессе, комментарии наблюдателей свидетельствуют прежде всего об их полной слепоте или, по крайней мере, об их плохом зрении. Автор полагает, что зарубежные специалисты находятся в плену своих собственных прихотей. Из-за того, что они читают слишком внимательно, у них искажено видение вещей. Они видят только лист бумаги, к которому прикасаются носом, и который мешает им видеть, происходящее вокруг.

Ключевые слова: история государства и права, история, государство, власть, кризис, конфликт, война, Вторая мировая война, Россия, Украина, НАТО.

THE UKRAINIAN CRISIS: DO THE RUSSIANS WANT WAR?

Guyot Daniel, Arbitrator, International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation; Member, Paris French Society of Comparative Law
ul. Ilyinka, 6/1, 1, Moscow, Russia, 109012
daniel.guyot@hotmail.fr

Abstract. The article reveals the author's attitude to the problem of relations between Russia and Ukraine, the Ukrainian movement towards Westernization, transition away from historical realities towards the utopia of unrealizable democracy, as well as a deliberate break with the Russian world. In addition, the author analyzes the leaders of the two States concerning this issue. To understand the current situation, the author believes that it is necessary, first, to comprehensively examine the events that continue to unfold around Ukraine. Judging by the French press, the observers' comments indicate, first of all, their complete blindness or, at least, their poor eyesight. The author believes that foreign experts are in thrall to their own whims. Since they read too carefully, their vision of things is distorted. They only see a piece of paper,

which they touch with their nose, and which prevents them from seeing what is happening around.

Keywords: *history of the state and law, history, State, government, crisis, conflict, war, World War II, Russia, Ukraine, NATO.*

В плохом видении Украины виноваты журналисты, консультанты и эксперты всех областей, являющиеся нынешними источниками информации. Как правило, они не знают всей истории региона. Это очень сложная и противоречивая история, история, в которой В. В. Путин во время своего телевыступления 21 февраля 2022 г. выдвинул версию, далеко не единогласно принятую историками, в том числе и в России. Версию о том, что рождение украинского государства было творением большевиков и самого В. И. Ленина. В своей длинной преамбуле к истории Украины В. В. Путин ничего не говорит о том, что произошло в 1991 г. и о решениях, принятых в то время лидерами, главной заботой которых был захват власти и скорейшее избавление от М. С. Горбачева. Именно гонка между М. С. Горбачевым, сторонником возрождения советского государства, и командой амбициозных политиков во главе с Б. Н. Ельциным привела к принятию текста из нескольких страниц, наспех составленного безответственными людьми в начале зимы в изолированной резиденции, находящейся в сердце белорусского леса. Катастрофические последствия этого документа проявляются и по сей день.

Украинское повествование В. В. Путина, каким бы исторически неполным оно ни было, имеет преимущество в том, что представляет во всем многообразии страну, территория которой менялась с течением времени, в том числе и в недавнем прошлом, если признавать с точки зрения вечности, что окончание Второй мировой войны и 1945 г. были вчера, а распад СССР в 1991 г. был сегодня утром.

В Украине само население разнообразно, большинство составляют украинцы, но в нем также представлены различные меньшинства, такие как русские, русины и другие, поэтому в своих комментариях специалисты по Украине подчеркивают языковые, культурные и религиозные различия, а также они любят противопоставляют Западную Украину и Восточную Украину, находящуюся ближе к России. Эти различия вполне реальны, но так ли они важны?

После указания на различия, и в частности на разницу в языке, мало что было объяснено. Что касается религиозных различий, то в обществах, которые далеки от учения христианской религии и в которых, как и везде, доминируют потребительство, атеизм и самый вульгарный материализм. Так ли важны эти различия? Эти различия, несомненно, достаточно важны, чтобы быть использованными политиками и породить новые расколы, не имеющие ничего общего с догмой.

У В. В. Путина совершенно другой взгляд на вещи. Он объяснил это в длинном тексте, опубликованном в июне 2021 г., на тему исторического единства русских и украинцев. Напоминая об общей истории, статья Президента России заключала, что Россия открыта для диалога, готова обсуждать самые сложные вопросы, признает легитимность Украины в защите своих национальных интересов и завершалась успокаивающими словами: «Россия никогда не была и не будет «анти-Украиной». А какой быть Украине — решать ее гражданам»¹. Украинский Президент немедленно ответил на это в заявлении: «Давайте, наконец-то, расставим точки над «i». Мы точно не один народ. Так, у нас есть много общего. У нас общая часть истории, память, соседство, родственники, общие победа над фашизмом и общие трагедии. Да, все это крайне важно, и мы об этом помним. И возможно, что-то общее у нас будет в будущем, если еще не поздно остановить тотальное разделение между нашими странами. Но мы, повторю еще раз, не один народ. Были бы одним народом, то в Москве, скорее всего, ходили бы гривны, а над Государственной думой развивался желто-голубой

¹ Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев (12 июля 2021 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

флаг. Так что, мы точно не один народ. У каждого из нас свой путь»². Таким образом, существуют два различных видения истории, которые противопоставляют друг другу (как недавно отметила К. д'Анкокс).

По правде говоря, между позициями В. В. Путина и В. А. Зеленского нет выбора: в их концепциях истории отсутствует существенный элемент, который заключается в том, что они оба смотрят не на прошлое, а на развитие настоящего. Это растущая вестернизация общества. Украинскую молодежь, даже наименее националистически настроенную, неудержимо влечет к западному обществу. Она заявляет о своей принадлежности к Западу, требует принятия Украины в западные структуры, в Европейский Союз и НАТО. Что удивительно так это то, что часть российской молодежи разделяет примерно те же стремления. Страна, оказывающая наибольшую привлекательность, что, конечно, США — мир, в котором разрушена всякая мораль, мир, граждане которого превращаются в роботов, мир, обусловленный ложью и пропагандой. Однако США тем не менее остается для многих страной всех надежд и иллюзий и самой могущественной державой.

Вестернизация — новая утопия. Но привлекательность утопии заключается в ее иллюзорном и привлекательном характере. Вестернизация — самая большая опасность для человечества, потому что она дегуманизирует людей и затрагивает самое глубокое и уважаемое в человеке, а именно то, что лежит в основе российской цивилизации и духовности — поиск добра и истины. Интерес, который проявляют «первые вестернизированные», олигархи всех стран к Л. Н. Толстому и Н. А. Бердяеву, к сожалению, весьма ограничен.

Взгляд западных людей на текущие события еще более искажен. Комментарии, которые следуют один за другим во французской прессе, на телеканалах и в социальных сетях, чаще всего свидетельствуют об ужасающем незнании истории, в том числе и недавней. В. В. Путина, признавшего независимость сепаратистских республик Донбасса, теперь обвиняют в том, что он сделал невозможным выполнение Минских соглашений. Те, кто обвиняет его — это те же самые люди, которые в течение последних восьми лет находили любые предлоги для того, чтобы не выполнять эти соглашения. Совсем недавно Э. Макрон, которого несправедливо и бесполезно обвинять в поиске личной политической выгоды, и чьи усилия по поиску мирного и дипломатического решения кризиса можно только похвалить, вернулся из Москвы и Киева, думая, что добился от украинского Президента обязательства соблюдать Минские соглашения.

На следующий день после визита Э. Макрона, окружение В. А. Зеленского сообщило: Украина отказывается выполнять соглашения, предусматривающими прямой диалог между украинскими властями и лидерами самопровозглашенных республик Донбасса, а также предоставление автономного статуса региону Донбасса. Да, Э. Макрона в каком-то смысле предали или даже разочаровали, но это было не со стороны В. В. Путина, а со стороны украинских лидеров, которые сами подвергались давлению со стороны ультранационалистов и их иностранных спонсоров. Удивительно, что французская дипломатия не осознавала, что происходит на ее глазах. Это слепота французской дипломатии, которая хочет видеть и слышать только то, что ей подходит.

Противникам России модно говорить о защите украинской демократии. Могут ли они искренне говорить о демократии в Украине, когда в Киеве орудуют вооруженные банды, такие как батальон «Азов» и другие, носящие знаки отличия, напоминающие свастику, марширующие с факелами под портретами Бандеры и терроризирующие население? У них сломаны очки, и они действительно ничего не видят или это настоящее лицемерие?

Среди журналистов слепота распространена не меньше. Эта слепота не недавняя, она длится уже очень долго, и она продолжается. Мало кто из французских

² Эксклюзивное интервью Президента Украины Владимира Зеленского агентству «Интерфакс-Украина» (1 июля 2021 г.) // Интерфакс-Украина. URL: <https://interfax.com.ua/news/interview/753029.html> (дата обращения: 01.03.2022).

журналистов обратил внимание на бомбежки и обстрелы, которые продолжаются в регионе Донбасса уже много лет, приводя к многочисленным жертвам среди мирного населения. Российское население обычно описывается как «русскоговорящее», что является эвфемизмом, который выдает желание не отклоняться от доминирующего западного мышления. За некоторыми исключениями, в частности за исключением Spiegel, который нельзя назвать самым читаемым еженедельником во Франции, пресса практически молчала о событиях, произошедших в Одессе 2 мая 2014 г., и о расправе украинских националистов над примерно пятьюдесятью людьми, запертыми в горящем помещении профсоюзного центра.

В целом Запад, включая Европейский Суд по правам человека, проявил полное безразличие к русскому населению, проживающему в бывших советских республиках и являющемуся жертвами ограничений, иногда жертвами поборов, наиболее символическим из которых является запрет на использование русского языка.

Когда В. В. Путин, обсуждая на недавней встрече с Э. Макроном ситуацию на Донбассе, заговорил о «геноциде», Запад в заявлениях своих лидеров, представителей НАТО и своей прессе иронизировал и назвал термин «геноцид» преувеличенным и смешным. Это, действительно, преувеличенный термин, так как массового уничтожения русских не было.

Если нет геноцида, то есть желание уничтожить все русское. Когда в последние дни стрельба и бомбежки усилились, и была предпринята эвакуация гражданского населения в сторону России, политики и пресса заговорили о российской «инсценировке». Однако, когда те же люди узнают об «эвакуации» американского посольства в Киеве, которое явно не бомбили, и его перемещении во Львов или даже в Польшу, они не находят никаких претензий. Эти же люди являются свидетелями саботажа в отношении населения, которое лишено водоснабжения и электричества, но они, как правило, ничего не говорят.

Когда В. В. Путин после восьми долгих лет ожидания решил признать независимость сепаратистских республик Донбасса, его решение было представлено как решение сумасшедшего диктатора, «параноика», как могли бы сказать в Елисейском дворце. Некоторые, возможно, задались вопросом о пользе такого решения, которое де-факто мало что меняет в реальной ситуации, то есть о близком присутствии российской армии и о поддержке, которую она в состоянии оказать сторонникам независимости Донбасса.

Почему следует осуждать решение России признать республики Донбасса, выступающие за независимость, в то время как западные страны без колебаний признали Косово, оторванное от Сербии, само по себе разрушенное под бомбами НАТО?

Решение В. В. Путина, независимо от того, одобряют его или нет, не является решением одного человека. Президенту РФ уже давно было предложено принять это решение, а также это было сделано совсем недавно в резолюции, принятой российской Думой. В. В. Путин принял это решение после консультаций в Совете Безопасности России в прямом эфире, в ходе которых все высокопоставленные российские чиновники (председатели законодательных собраний, министры, директора спецслужб, военные представители) единогласно и публично рекомендовали немедленное признание Россией республик Донбасса. Вечером, после длинной речи, включающей важный исторический обзор, В. В. Путин объявил о своем решении, которое нельзя назвать ни решением сумасшедшего, ни решением диктатора. Затем состоялось заседание Думы, которое единогласно и без воздержавшихся одобрило Указ Президента РФ О признании независимости республик³. Среди депутатов, проголосовавших за, были все без исключения оппозиционные депутаты, включая депутатов-коммунистов, которые, как известно, критикуют политику Кремля как

³ Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Российская газета. 2022. № 8687. URL: <https://rg.ru/2022/02/22/prezident-ukaz-donetsk-site-dok.html>; Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 72 «О признании Луганской Народной Республики» // Российская газета. 2022. № 8687. URL: <https://rg.ru/2022/02/22/prezident-ukaz-lugansk-site-dok.html>.

историческую интерпретацию Президента В. В. Путина. Это не означает, что признание Россией независимости республик Донбасса продиктовано исключительно гуманитарными целями и не означает, что оно требует согласия всего населения Российской Федерации. Конечно, есть и противники этой меры.

Тем не менее это свидетельствует о широком чувстве сострадания россиян к народу Донбасса и причиняемых ему страданий. Это чувство выходит за рамки всех политических разногласий и национальностей. Именно это сострадание западные люди не способны понять. Западническая холодность, индивидуализм, безразличие к несчастью других и проявление лицемерных чувств, те черты вестернизации, которые А. А. Зиновьев осудил в книге «На пути к сверхобществу»⁴. Лучший ответ русских на мировую милитаризацию в словах популярной песни советской эпохи «Хотят ли русские войны»:

Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю горькую свою.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М. : Изд-во Центрполиграф, 2000. 637 с.
2. *Путин В. В.* Об историческом единстве русских и украинцев (12 июля 2021 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.
3. Эксклюзивное интервью Президента Украины Владимира Зеленского агентству «Интерфакс-Украина» (1 июля 2021 г.) // Интерфакс-Украина. URL: <https://interfax.com.ua/news/interview/753029.html>.

REFERENCES

1. Zinovyev A [The Myth of absolutism: Na puti k sverkhobshchestvu [On the way to a super-society]. Moscow: Tsentrpoligraf Publishing House; 2000 (In Russ.).
2. Putin V. V. Ob istoricheskom edinstve russkikh i ukraintsev [About the historical unity of Russians and Ukrainians (July 12, 2021)]. Official website of the President of the Russian Federation. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (Accessed: 04.04.2022) (In Russ.).
3. Exclusive interview of the President of Ukraine Vladimir Zelensky to the Interfax-Ukraine Agency (July 1, 2021). Interfax-Ukraine. Available at: <https://interfax.com.ua/news/interview/753029.html> (Accessed: 01.03.2022) (In Russ.).

⁴ См.: *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М. : Изд-во Центрполиграф, 2000. 637 с.

НАЦИСТСКАЯ ПСИХИАТРИЯ: МАССОВЫЕ УБИЙСТВА ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ

Третьяков Иван Львович, профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук
195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
mail@tretyakov.su

© Третьяков И. Л., 2022

***Аннотация.** Целесообразность написании данной статьи связана с необходимостью противодействия попыткам фальсификации истории Второй мировой войны и стремлением ряда зарубежных политиков реабилитировать нацизм, создать идеальные условия для очередной («цифровой») сегрегации населения планеты с использованием новейших информационных технологий. В статье рассматриваются основные положения социального дарвинизма, которые позволили нацистам «обосновать целесообразность» массовых убийств душевнобольных. Приводятся данные о формах уничтожения пациентов психиатрических клиник в фашистской Германии и на оккупированных территориях. Анализируются воззрения немецких психиатров, криминологов, генетиков, которые предоставляли официальную науку и здравоохранение Германии в двадцатых-сороковых годах прошлого века. Эмпирической базой для данного исследования стали публикации западноевропейских и российских авторов, посвященные актуальным проблемам немецкой судебной психиатрии и криминологии в период господства национал-социализма. В результате проведенного анализа делается ряд выводов, в частности обосновывается положение о том, что любая сегрегация (в том числе осуществляемая по признакам выраженности психической патологии или учитывающая уровень интеллектуального развития субъекта, его «социальный рейтинг», национальную принадлежность, уровень дохода и т.д.) приводит к массовым нарушениям прав человека, дискриминации. Кроме того, прерывается функциональное единство морали и права, а само право лишается важнейших моральных свойств — свободы, равенства, справедливости. Аргументируется мысль о том, что в эпоху «постправды» только объективное осмысление исторического опыта может помочь человечеству избежать трагических ошибок прошлого, усилить позиции противников ультралиберальных, неоконсервативных и т.д. идей, отстоять систему традиционных ценностей.*

Ключевые слова: история, нацизм, немецкая психиатрия, биологизаторство, психическая патология, душевнобольные, социальный дарвинизм, евгеника, массовые убийства, активная эвтаназия, сегрегация, постправда.

NAZI PSYCHIATRY: MASS KILLINGS OF THE MENTALLY ILL

Ivan L. Tretyakov, Dr. Sci. (Law), Professor; Department of Criminal Law, Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Humanitarian Institute of Peter the Great, St. Petersburg Polytechnic University
ul. Politechnicheskaya, d. 29, St. Petersburg, Russia, 195251
mail@tretyakov.su

Abstract. *The relevance of this article is associated with the need to counter attempts to falsify the history of the Second World War and the desire of a number of foreign politicians to rehabilitate Nazism, to create ideal conditions for the next («digital») segregation of the world's population using the latest information technologies. The article examines the main provisions of social Darwinism that allowed the Nazis to «justify the expediency» of mass killings of the mentally ill. The author provides us with the data on the forms of destruction of psychiatric patients in nazi Germany and in the occupied territories. The paper analyzes the views of German psychiatrists, criminologists, geneticists who provided official science and healthcare in Germany in the twenties and forties of the last century. The empirical basis for this study was the publications of Western European and Russian authors devoted to the current problems of German forensic psychiatry and criminology during the reign of National Socialism. As a result of the analysis, a number of conclusions are drawn, in particular, the position is substantiated that any segregation (including those carried out on the basis of the severity of mental pathology or taking into account the level of intellectual development of the subject, his «social rating», nationality, income level, etc.) leads to massive violations of human rights, discrimination. In addition, the functional unity of morality and law is broken, and the law itself is deprived of the most important moral properties, namely; freedom, equality, justice. The idea is justified that in the era of «post-truth» only an objective understanding of historical experience can help humanity avoid the tragic mistakes of the past, strengthen the positions of opponents of ultra-liberal, neoconservative, etc. ideas, defend the system of traditional values.*

Keywords: *history, Nazism, German psychiatry, biologization, mental pathology, the mentally ill, social Darwinism, eugenics, mass murder, active euthanasia, segregation, post-truth.*

Одной из наиболее существенных причин, способствующих возникновению цивилизационных кризисов, следует считать иррациональное «развитие» гуманитарных знаний. Этот периодически возникающий всплеск деструктивной интеллектуальной активности нередко сопровождается распространением идей о расовом превосходстве (генетическом, медико-биологическом, интеллектуальном и т.д.) какой-либо этнической группы, обсуждением наиболее быстрых («эффективных») способов по социальной сегрегации населения (в основе подобной «сортировки» граждан лежит их дифференциация на людей «полноценных и неполноценных», благонадежных и неблагонадежных, на представителей коренных народов и «пришлых»), а также повсеместно фиксируется пренебрежительное отношение к историческому наследию, к опыту предыдущих поколений (причем во многих случаях это пренебрежение носит умышленный, продуманный, целенаправленный характер)¹.

¹ См.: *Беседин П.* Матрица 4,0 // Литературная газета. 2020. № 44 (6759). С. 7 ; *Дынкин А.* Антикризисное меню // Российская газета. 2021. 8 июня. С. 1, 4 ; *Керимов А. Д.* Несколько замечаний об обществе грядущей эпохи // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 178–184 ; *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика — психология — прогнозирование): пособие для вузов. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Изд-во Мир, 2004. С. 25–38. С. 156–157.

Очередной цивилизационный кризис, который мы наблюдаем в течение последних десятилетий вне всяких сомнений, является экзистенциальным, поскольку затрагивает глубинные основы человеческого бытия. Очевидно, что «эпоху-пост» (которую характеризуют такие надуманные концепты, как постистория, постмодерн, постдемократия, постправда, постнравственность, пострелигия и т.д.) сотрясают не только экономические противоречия, но и идеологические войны ультралиберальных интеллектуалов с защитниками традиционных ценностей².

«Расщепить» общественное сознание можно путем планомерной дезинформации и манипулятивной психологической обработки, в том числе за счет искажения исторической правды, формирования, так называемых, конфабуляторных механизмов («галлюцинаций памяти»), связанных с культивированием ложных представлений «О том, что было и чего не было». В результате человек сам, добровольно и весьма активно включается в процесс распространения псевдоисторического контента. Иными словами, человек, лишенный знаний о личном и коллективном прошлом, не способен к адекватному восприятию и мышлению. У него нет перспективы. Это некий голем, «лишенный души» и подвластный лишь своему создателю (хозяину)³.

В этой связи вполне уместно обратиться к пророческому роману советского писателя Ч. Айтматова «И дольше века длится день», а конкретно — к древней легенде о манкуртах, некогда свободных людях, которых захватчики, путем применения жестоких пыток, лишили памяти (индивидуальной, культурно-исторической) и превратили в рабов, влачащих полуживотное существование⁴. В «цифровом» обществе пытки уже не нужны — человека можно «зомбировать», используя информационно-коммуникационные технологии.

С течением времени оценка любых исторических событий (независимо от их масштабности, значимости и т.д.) претерпевает значительные изменения, к тому же очень ограниченному числу историков удастся сохранять беспристрастность. Однако историческая наука должна опираться на факты, а значит-быть объективной. К сожалению, жизненные реалии таковы, что в современном мире большинство историков политизированы, зависимы от конъюнктуры и недостаточно компетентны, к тому же виртуальное пространство стало идеальной средой для размножения и воспроизводства фейковых новостей, «альтернативных» (псевдоисторических) воззрений или развенчанных официальной наукой мифологем⁵.

Особую обеспокоенность у руководства нашей страны вызывают участвовавшие попытки враждебных России сил «обелить» Третий рейх, например напомнив о «заслугах» фашистских ученых перед человечеством и об их вкладе в мировую науку (ядерную физику, химию, ракетостроение, медицину и т.д.). При этом умалчивается информация о сотнях тысяч узниках концентрационных лагерей, которые умирали от непосильного труда, голода, болезней в шахтах и на заводах, становились жертвами чудовищных экспериментов.

Сегодня отстаивание исторической истины о зарождении фашизма, о событиях, происходящих в Европе, начиная с 20-х гг. и заканчивая Нюрнбергским процессом, ведется как на внешнем, так и на внутреннем контуре Российской Федерации.

² Дугин А. Г. Русский Логос-Русский Хаос. Социология русского общества. М. : Академический проект, 2015. С. 228–231 ; Рябов О. От постмодернизма к хакенкройцу // Литературная газета. 2021. № 16 (6781). С. 11.

³ См.: Иванов Н. Г. Правовое значение цифровой агрессии // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 2. С. 80–81.

⁴ См. подробнее: Айтматов Ч. И дольше века длится день. СПб. : Азбука-классика, 2006. 480 с.

⁵ См.: Глезеров С. Истории «с чистого листа не бывает» // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. 20 января. С. 4 ; Коткин К. Я. Некоторые аспекты взаимосвязи личностного и социального начал в философской проблематике памяти // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2011. № 5 (118). С. 94–97 ; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 М. : ГУ ВШЭ, 2003. С. 3–5, 39–43.

Между тем в США, Англии, Германии, Прибалтике, Украине и т.д. преступлениям нацистов против мирного населения уже длительное время отводится второстепенное, периферийное значение, при этом тематика превентивной войны западной цивилизации с советским агрессором постоянно муссируется в либеральных СМИ, в «авторитетных» научных изданиях, на площадках международных форумов. По мнению российских дипломатов и журналистов-международников, юристов порой складывается впечатление, что в толерантной Европе совершенно отсутствует цензура на пропаганду и на мифологизацию неонацизма, но действует негласный запрет (причем довольно жесткий) на публикации объективной информации (исторической правды) о Второй мировой войне⁶. Все вышесказанное подтверждают и зарубежные коллеги. В частности, профессор новейшей истории университета Д. Дидро (Франция) А. Лакруа-Риз в одном из своих резонансных интервью заявила: «Возвращаясь к вопросу об исторической правде, я еще раз подчеркиваю, что на Западе все прекрасно известно и достаточно детально изучено. Только этой правде не оставлено никаких шансов прорваться к людям»⁷.

Между тем великий немецкий философ, врач-психиатр, общественный деятель К. Ясперс считал, что изначальное измерение осмысленного человеческого бытия невозможно без учета Истории (исторического опыта в широком смысле). По мнению ученого, между такими понятиями, как человек и История существует глубокая органическая связь⁸. В предисловии к своей научной работе «Истоки истории и ее цель» К. Ясперс, в частности, писал, что «настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействия которого мы постоянно ощущаем в себе»⁹.

В контексте рассматриваемых нами вопросов необходимо напомнить об уроках Нюрнберга. Так, анализ событий, связанных с подготовкой судебного процесса над ближайшими единомышленниками А. Гитлера, демонстрирует, что еще задолго до начала работы Нюрнбергского процесса союзники СССР по антигитлеровской коалиции не скрывали стремления дать собственную оценку и Второй мировой войне, и злодеяниям нацистов. Однако, несмотря на множество разногласий (процессуального, политического и т.д. характера) судьи пришли к единогласному мнению о виновности руководителей Третьего рейха в преступлениях против мира, человечности, в нарушении законов войны, а также в заговоре с целью совершения указанных деяний. Следует признать, что Нюрнбергский процесс не только заклеил преступный режим, но и ознаменовал собой новый этап консолидации демократических сил, подъема мирового антифашистского движения. В то же время на фоне обострившейся международной ситуации (связанной с объявлением «холодной войны»), стали набирать оборот реваншистские настроения. Начиная с 5 марта 1946 г. (когда У. Черчиллем была произнесена знаменитая Фултонская речь), эрозия обвинений, выдвинутых судьями Международного военного трибунала, усиливалась год от года¹⁰. В 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ «уравнивала» фашизм и коммунизм, а Европарламент объявил, что за развязывание Второй мировой войны СССР несет такую же ответственность, как и Германия.

Выбор темы данной статьи обусловлен не только стремлением автора внести свою лепту в процесс защиты (отстаивания) исторической правды о фашистском

⁶ Новоселова Е. Нюрнберг-2020 // Российская газета. 2020. 20 ноября. С. 11 ; Тринкер А. Капля правды в море лжи. Как подпитывают неофашизм в Германии // Литературная газета. 2020. № 48 (6763). С. 6.

⁷ Цит. по: Чижов М. Оккупанты или спасители? // Литературная газета. 2020. № 38 (6753). С. 20.

⁸ Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin ; Leipzig, 1932. S. 15.

⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем., 2-е изд. М. : Республика, 1994. С. 28.

¹⁰ Глезеров С. Нюрнбергский компромисс // Санкт-Петербургские ведомости. 2020. 9 декабря. С. 6 ; Звягинцев А. Нюрнбергский эпилог // Российская газета. 2016. 2 ноября. С. 19 ; Набиев Р. Ф. Победа во Второй мировой войне: идеологема и арена политического противостояния (факты против фальсификации) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 8–18.

режиме, но и стремлением осветить малоизвестные страницы истории, связанные с целенаправленным уничтожением нацистами лиц, страдающих хроническими психическими заболеваниями.

Многочисленные источники сохранили миф о том, что поводом для «милосердного умерщвления» неизлечимых больных, инвалидов по психическому заболеванию (в рамках Программы принудительной эвтаназии, более известной как «Акция Т-4») стало личное обращение в 1939 г. к А. Гитлеру родителей тяжелобольного ребенка (с множественной патологией внутренних органов и глубокой умственной отсталостью). По некоторым данным, при рождении ребенку был выставлен диагноз идиотия. Пациент постоянно находился в университетской клинике города Лейпциг. Просьба заключалась в том, чтобы сделать ребенку смертельную инъекцию, избавив самого несчастного, его близких от страданий, а общество в целом от ненужных проблем, затрат на содержание. А. Гитлер удовлетворил данную просьбу, предварительно поручил проработать данный вопрос своему врачу К. Брандту. В результате на свет появился подробный отчет с соответствующими выводами и рекомендациями, а главное — были созданы условия для планомерного уничтожения «неполноценных», с точки зрения нацистов, детей (в том числе и с учетом национальной принадлежности, критериев «расовой гигиены»). Со временем в центре Берлина внушительное здание заняла «Имперская комиссия по научному учету тяжелых наследственных и врожденных заболеваний»¹¹.

Вся информация о детях с выраженными отклонениями, неспособных к «нормальному» развитию, самообслуживанию и т.д. (как их называли врачи-нацисты, «монстрах») стекались в Имперскую комиссию. Решение об активной эвтаназии («ликвидации») пациента принималось заочно, комиссией из трех врачей. Заключение выглядело предельно лаконично: 1) жизнь; 2) смерть; 3) решение не принято, вернуться к рассмотрению позднее.

Если первоначально «детские акции» были рассчитаны на новорожденных и малолетних пациентов, то начиная с 1941 г. умерщвлению подлежали инвалиды с психоневрологическими диагнозами в возрасте до 18 лет. На Нюрнбергском процессе была озвучена цифра — 5 тысяч загубленных детских жизней. Спустя годы в прессе стали фигурировать данные о значительно большем количестве жертв эвтаназии. Убийства совершались путем внутривенного введения смертельной дозы морфия или фенола, а также перорального приема люминала, скополамина, морфина¹².

Разумеется, вышеописанные события не случайны. Им предшествовала длительная работа партийных функционеров и врачей-нацистов, многие из которых являлись офицерами СС.

Сам же А. Гитлер шел к идее уничтожения «лишних» людей долгие годы. Еще во времена Веймарской республики, будучи безработным ветераном первой мировой, он познакомился с работами английских и немецких популяризаторов евгеники, цитировал их во время публичных выступлений, рассуждая о чистоте арийской крови, о необходимости борьбы за оздоровление немецкого народа. В частности, настольной книгой А. Гитлера была монография К. Биндинга, известного в свое время правоведа, философа, криминолога, профессора Фрайбургского университета, а также яростного сторонника ломброзианства (спустя годы имя Ч. Ломброзо окажется под запретом в связи с государственным антисемитизмом) и врача-клинициста, судебного психиатра, физиолога, патоморфолога А. Гохе (Хохе), опубликованная в 1920 г. Монография имела характерное название «Разрешение на уничтожение недостойных жизни душ». В дальнейшем, после незначительных правок, привнесенных И. Геббельсом, книга неоднократно переиздавалась в Германии, Англии, США.

¹¹ Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 115–117.

¹² См. подробнее: *Psychiatrie im Nationalsozialismus: Ein Tagungsbericht des Landes wohlfahrtsverbandes Hessen*. Kassel: Eigenverlag des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen, 1989. 136 S.

Фактически в фашистской Германии евгеника стала претендовать на роль новой религии, «затмившей» собой христианство. Касаясь истории появления и распространения евгеники, следует указать, что данный термин был предложен в 80 гг. XIX в. английским аристократом, основателем психогенетики, естествоиспытателем Ф. Гальтоном. Евгеника сразу привлекла к себе внимание тем, что давала надежду на улучшение человеческой популяции путем принятия грамотных политических решений, масштабных социальных, психолого-педагогических мероприятий, способных повлиять и на поведение человека, и на отягощенную наследственность. Истоки данного учения проистекали из социального дарвинизма. Социал-дарвинизм создал картину биологических видов, разделенных на отдельные разновидности, расы. Эти разновидности, считали дарвинисты, никогда не должны смешиваться. Чистота расовой принадлежности рассматривалась как незыблемый закон. Скрещивание, якобы, противоречило самой природе и разрушало генофонд. Однако уже в то время нашлось значительное число ученых, которые выступили против расового антагонизма, они заявили, что человечество принадлежит к одному виду, к единой семье, причем вне зависимости от физических особенностей, цвета кожи, «ареала обитания» (проживания) и т.д. В дальнейшем было установлено: отсутствуют данные, которые могли бы свидетельствовать о том, что гены, определяющие цвет кожи, каким-то образом связаны с генами «ответственными» за умственные способности, моральные качества, склонность к насилию¹³.

Если тема евгеники постоянно присутствовала в средствах массовой информации, то «акции» по умерщвлению детей не афишировались, проводились скрытно, в специально создаваемых при крупных больницах отделениях, куда доступ был строго ограничен. Сотрудники подобных отделений являлись членами НСДАП и давали подписку о неразглашении сведений, касающихся их служебной деятельности. Следует также уточнить, что такая одиозная организация, как Национал-социалистический союз немецких врачей была создана в 1929 г. (задолго до принятия решения об убийстве ребенка из Лейпцига) по инициативе убежденного нациста Л. Либля и под патронажем самого А. Гитлера. Организация собиралась избавить Германию от «человеческого балласта», от материальных издержек (связанных с социальным и медицинским обслуживанием инвалидов), от нежелательных элементов, «дармоедов». Конечной целью членов Союза, как указывалось в уставе, было стремление «очистить» генофонд германской нации (оградив «арийцев» от вредных, чужеродных влияний, «кровосмешений», от любого присутствия на территории Рейха лиц, которым отказано в праве на жизнь). Нельзя игнорировать и тот факт, что все программы, связанные с евгеникой, щедро финансировались фондом Рокфеллера, связанными с ним структурами¹⁴.

Отдельного внимания заслуживают массовые убийства взрослых пациентов психиатрических клиник, обитателей домов для престарелых, интернатов для «психохроников», частных санаториев, лечебниц, функционирующих при религиозных организациях. «Акция Т-4» (ее аббревиатура соответствует первой букве названия улицы, где находилась «Благотворительная организация по уходу и лечению за стационарными больными» — Тиргартенштрассе, 4). Программа Т-4 состояла из двух этапов: официального, который был завершен в августе 1941 г. (в связи с массовыми протестами населения, заявлениями католического епископа Мюнстера К. А. фон Галена, ряда влиятельных членов НСДАП) и неофициального, который продолжался вплоть до падения фашистского режима. Жертвами программы

¹³ Зорин Н. А. Психиатрия нацистской Германии // Дневник психиатра. Дайджест («Гранка») / глав. ред. проф. П. В. Морозов. М. : ММА «МедиаМедика», 2017. С. 25–32 ; Мерсер Э. Терпимость: единство среди различий. Роль психиатров // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 1994. № 1. С. 132.

¹⁴ Мейер-Линденберг Й. Унижение больных и немецкая психиатрия // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 1992. № 4. С. 139–148 ; Сургуладзе В. Ш. Идеология и практика немецкого национал-социализма: когда нация определяется по расовым признакам // Вопросы национализма. 2019. № 1 (32). С. 200–222.

T-4 стали более 270 тыс. человек (как в самой Германии, так и за ее пределами). Больных расстреливали, умерщвляли в газовых камерах, делали летальные инъекции, отказывали в приеме пищи (существовал официальный термин-голодное содержание). В первую очередь уничтожению подлежали представители «низших рас», гомосексуалисты, склонные к насилию и к криминальной активности, ранее судимые пациенты, признанные судом невменяемыми, а также лица с эндогенными психозами, слабоумием, сифилисом мозга, прогрессивным параличом и т.д. Кроме того, на отдельных больных ставились жестокие эксперименты, а некоторых убивали ради анатомического коллекционирования черепов или получения «тонких срезов» головного мозга (самая внушительная коллекция препаратов, полученных из мозговой ткани убитых детей хранилась в Гейдельбергской университетской неврологической клинике¹⁵).

После начала Второй мировой войны массовые расстрелы душевнобольных происходили регулярно по всей Центральной и Восточной Европе. Трагическую известность получили события, произошедшие на территории СССР: расстрел пациентов Колмовской психиатрической больницы (г. Великий Новгород, 1941 г.), умерщвление лиц, находящихся на стационарном лечении в поселке Лотошино (Московская область, 1941 г.), смертельные отравления, летальные инъекции и расстрелы пациентов психиатрических больниц Псковской, Курской, Ленинградской, Воронежской областей (1941–1943 гг.). Более двух тысяч душевнобольных были уничтожены во время оккупации Крыма в 1942 г. Аналогичные акции осуществлялись в Риге, Минске, Могилеве, Харькове, Виннице, Полтаве, Днепропетровске, селе Преслав Запорожской области. Братской могилой для пациентов Киевской психиатрической больницы стал Бабий Яр.

Подводя итог сказанному и давая оценку программе T-4, связанной с уничтожением душевнобольных, важно отметить, что руководство Третьего рейха прекрасно осознавало противозаконность своих действий. Именно поэтому соблюдалась максимально возможная скрытность, а в официальных документах использовалось выражение — активная эвтаназия (ее регламентировало не общегерманское законодательство, а известный узкому кругу лиц указ А. Гитлера о «милосердной смерти»). Кроме того, органы власти руководствовались «расово-идеологическими» установками и экономической целесообразностью. Действия медицинского персонала и военнослужащих нацистской Германии в отношении душевнобольных ни в коей мере нельзя признать эвтаназией, так как эвтаназия проводится в соответствии с просьбой неизлечимо больного (не только детально информированного о данной процедуре, но и в полной мере понимающего смысл происходящего) прекратить физические и психические страдания. Эвтаназия не может «ставиться на поток» и применяться в евгенических целях.

Во время проведения Нюрнбергского процесса ни разу не прозвучало слово «геноцид», хотя очевидно, что нацистские преступники занимались именно геноцидом, то есть истребляли мирных граждан как по национальным, этническим, расовым, религиозным признакам, так и по наличию у потенциальных жертв психоневрологических аномалий, хронических заболеваний, инвалидности. Псевдонаучные идеи социального дарвинизма, евгеники, мифологизированный и искусственно насаждаемый страх перед вырождением нации и еще одним возможным крахом в борьбе за мировое господство — все это позволяло манипулировать общественным сознанием, блокировать протестные настроения, создавали атмосферу нетерпимости

¹⁵ См. подробнее: *Дргонец Я., Холлендер П.* Современная медицина и право / пер. со словац. М. : Юрид. лит., 1991. С. 14 ; *Катц Дж.* Защита испытуемых и пациентов: уроки Нюрнберга // *Биоэтика: принципы, правила, проблемы* / отв. ред. и сост. проф. Б. Г. Юдин. М. : Эдиториал УРСС, 1998. С. 178–190 ; *Крылова Н. Е.* Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М. : Инфра-М, 2006. С. 26 ; *Семенков В. Е.* Социально-психологические эксперименты над людьми: этическая дилемма // *Ученые записки Санкт-Петербургского гос. института психологии и социальной работы.* 2016. Т. 25. № 1. С. 148–158.

к расово- и генетически «неполноценным» людям, проводить, так называемую, селекцию населения.

Анализ существования фашистского государства позволяет сформулировать вывод о том, что любая сегрегация (в том числе осуществляемая по признакам выраженности психической патологии или учитывающая уровень интеллектуального развития субъекта, или его «социальный рейтинг», национальную принадлежность и т.д.) неминуемо приводит к массовым нарушениям прав человека, к дискриминации. Кроме того, прерывается функциональное единство морали и права, а само право лишается важнейших моральных свойств — свободы, равенства, справедливости.

В эпоху «постправды» только объективное осмысление исторического опыта может помочь человечеству избежать трагических ошибок прошлого, усилить позиции противников ультралиберальных, неоконсервативных и т.д. идей, отстоять систему традиционных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Айтматов Ч.* И дольше века длится день. — СПб. : Азбука-классика, 2006. 480 с.
2. *Беседин П.* Матрица 4,0 // Литературная газета. — 2020. — № 44 (6759). — С. 7.
3. *Глезеров С.* Истории «с чистого листа не бывает» // Санкт-Петербургские ведомости. — 2021. — 20 января. — С. 4.
4. *Глезеров С.* Нюрнбергский компромисс // Санкт-Петербургские ведомости. — 2020. — 9 декабря. — С. 6.
5. *Дргонец Я., Холлендер П.* Современная медицина и право / пер. со словац. — М. : Юрид. лит., 1991. — 336 с.
6. *Дугин А. Г.* Русский Логос-Русский Хаос. Социология русского общества. — М. : Академический проект, 2015. — С. 228–231.
7. *Дынкин А.* Антикризисное меню // Российская газета. — 2021. — 8 июня. — С. 1, 4.
8. *Звягинцев А.* Нюрнбергский эпилог // Российская газета. — 2016. — 2 ноября. — С. 19.
9. *Зорин Н. А.* Психиатрия нацистской Германии // Дневник психиатра. Дайджест («Гранка») / глав. ред. проф. П. В. Морозов. — М. : ММА «МедиаМедика», 2017. — С. 25–32.
10. *Иванов Н. Г.* Правовое значение цифровой агрессии // Вестник Московского ун-та МВД России. — 2020. — № 2. — С. 80–81.
11. *Катц Дж.* Защита испытуемых и пациентов: уроки Нюрнберга // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. и сост. проф. Б. Г. Юдин. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — С. 178–190.
12. *Керимов А. Д.* Несколько замечаний об обществе грядущей эпохи // Юридическая наука: история и современность. — 2020. — № 6. — С. 178–184.
13. *Коткин К. Я.* Некоторые аспекты взаимосвязи личностного и социального начал в философской проблематике памяти // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. — 2011. — № 5 (118). — С. 94–97.
14. *Крылова Н. Е.* Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. — М. : Инфра-М, 2006. — 320 с.
15. *Мейер-Линденберг Й.* Унижение больных и немецкая психиатрия // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. — 1992. — № 4. — С. 139–148.
16. *Мерсер Э.* Терпимость: единство среди различий. Роль психиатров // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. — 1994. — № 1. — С. 131–136.
17. *Набиев Р. Ф.* Победа во Второй мировой войне: идеологема и арена политического противостояния (факты против фальсификации) // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2020. — № 1 (39). — С. 8–18.
18. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика — психология — прогнозирование): пособие для вузов. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Изд-во Мир, 2004. — 365 (2) с.

19. Новоселова Е. Нюрнберг-2020 // Российская газета. — 2020. — 20 ноября. — С. 11.
20. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 44 с.
21. Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — С. 115–117.
22. Рябов О. От постмодернизма к хакенкройцу // Литературная газета. — 2021. — № 16 (6781). — С. 11.
23. Семенков В. Е. Социально-психологические эксперименты над людьми: этическая дилемма // Ученые записки Санкт-Петербургского гос. института психологии и социальной работы. — 2016. — Т. 25. — № 1. — С. 148–158.
24. Сургуладзе В. Ш. Идеология и практика немецкого национал-социализма: когда нация определяется по расовым признакам // Вопросы национализма. — 2019. — № 1 (32). — С. 200–222.
25. Тринкер А. Капля правды в море лжи. Как подпитывают неофашизм в Германии // Литературная газета. — 2020. — № 48 (6763). — С. 6.
26. Чижов М. Оккупанты или спасители? // Литературная газета. — 2020. — № 38 (6753). — С. 20.
27. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем., 2-е изд. — М. : Республика, 1994. — С. 28.
28. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin ; Leipzig, 1932. — S. 15.
29. Psychiatrie im Nationalsozialismus: Ein Tagungsbericht des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen. — Kassel: Eigenverlag des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen, 1989. — 136 S.

REFERENCES

1. Aitmatov Ch. I dolshe veka dlitsya den [And the day lasts longer than a century]. St. Petersburg: ABC Classics; 2006 (In Russ.).
2. Besedin P. Matritsa 4,0 [Matrix 4,0]. *Liternaturnaya gazeta*. 2020;44(6759):7 (In Russ.).
3. Glezerov S. Istorii «s chistogo lista ne byvaet» [History «does not happen from scratch»]. St. Petersburg Vedomosti. 2022 Jan 20, p. 4 (In Russ.).
4. Glezerov S. Nyurnbergskiy kompromiss [The Nuremberg compromise]. St. Petersburg Vedomosti. 2020 Dec 9. p. 6 (In Russ.).
5. Drgonets Ya, Hollender P. Sovremennaya meditsina i pravo [Modern medicine and law]. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1991 (In Russ.).
6. Dugin AG. Russkiy Logos-Russkiy Khaos. Sotsiologiya russkogo obshchestva [Russian Logos Russian Chaos. Sociology of Russian Society]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2015 (In Russ.).
7. Dynkin A. Antikrizisnoe menyuu [Anti-crisis menu]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021 Jun 8. p.1, 4 (In Russ.).
8. Zvyagintsev A. Nyurnbergskiy epilog [The Nuremberg Epilogue]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2016 Nov 2. p. 19 (In Russ.).
9. Zorin NA. Psikhatriya natsistskoy Germanii [Psychiatry of Nazi Germany]. In: Morozov PV, editor. The Diary of a Psychiatrist. Digest («Proofs»). Moscow: MMA «MediaMedika» Publ.; 2017 (In Russ.).
10. Ivanov NG. Pravovoe znachenie tsifrovoy agressii [Legal Significance of Digital Aggression]. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;2:80-81 (In Russ.).
11. Kats J. Zashchita ispytuemykh i patsientov: uroki Nyurnberga [Protection of Subjects and Patients: Lessons of Nuremberg]. In: Yudin BG, editor. Bioethics: Principles, Rules, Problems. Yudin BG. Moscow: Editorial URSS Publ.; 1998 (In Russ.).
12. Kerimov AD. Neskolkko zamechaniy ob obshchestve gryadushchey epokhi [A few remarks about the society of the coming era]. *Legal Science: History and the Presense*. 2020;6:178-184 (In Russ.).
13. Kotkin KYa. Nekotorye aspekty vzaimosvyazi lichnostnogo i sotsialnogo nachal v filosofskoy problematike pamyati [Some aspects of the relationship between personal and social

- principles in the philosophical problems of memory]. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011;5(118):94-97 (In Russ.).
14. Krylova NE. Ugolovnoe pravo i bioetika: problemy, diskussii, poisk resheniy [Criminal law and bioethics: problems, discussions, search for solutions]. Moscow: INFRA-M Publ.; 2006 (In Russ.).
 15. Meyer-Lindenberg J. Unizhenie bolnykh i nemetskaya psikhatriya [Humiliation of patients and German psychiatry]. *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 1992;4:139-148 (In Russ.).
 16. Mercer E. Terpimost: edinstvo sredi razlichiy. Rol psikhiatrov [Tolerance: Unity among Differences. The role of Psychiatrists]. *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 1994;1:131-136 (In Russ.).
 17. Nabiev RF. Pobeda vo Vtoroy mirovoy voyne: ideologema i arena politicheskogo protivostoyaniya (fakty protiv falsifikatsii) [Victory in the Second World War: ideologeme and arena of political confrontation (facts against falsification)]. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2020;1(39):8-18 (In Russ.).
 18. Nazaretyan AP. Tsvivilizatsionnye krizisy v kontekste universalnoy istorii (sinergetika — psikhologiya — prognozirovaniye): posobie dlya vuzov [Civilizational crises in the context of universal history (synergetics — psychology — forecasting): A textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: Mir Publishing House; 2004 (In Russ.).
 19. Novoselova E. Nyurnberg-2020 [Nuremberg-2020]. *Rossiyskaya Gazeta*. 2020 Nov 20. p. 11 (In Russ.).
 20. Repina LP. Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Preprint WP6/2003/07. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2003 (In Russ.).
 21. Romanovsky GB. Gnoseologiya prava na zhizn [Epistemology of the right to life]. St. Petersburg: Publishing house «Yuridicheskiy tsentr Press»; 2003 (In Russ.).
 22. Ryabov O. Ot postmodernizma k khakenkroytsu [From postmodernism to hackenkretz]. *Literaturnaya gazeta*. 2021;16(6781):11 (In Russ.).
 23. Semenov VE. Sotsialno-psikhologicheskie eksperimenty nad lyudmi: eticheskaya dilemma [Socio-psychological experiments on people: an ethical dilemma]. *Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. 2016;25(1):148-158 (In Russ.).
 24. Surguladze VSh. Ideologiya i praktika nemetskogo natsional-sotsializma: kogda natsiya opredelyaetsya po rasovym priznakam [Ideology and practice of German National Socialism: when a nation is defined by racial characteristics]. *Voprosy natsionalizma*. 2019;1(32):200-222 (In Russ.).
 25. Trinker A. Kaplya pravdy v more lzhi. Kak podpityvayut neofashizm v Germanii [A drop of truth in a sea of lies. How neo-fascism is fueled in Germany]. *Literaturnaya Gazeta*. 2020;48(6763):6 (In Russ.).
 26. Chizhov M. Okkupanty ili spasiteli? [Invaders or saviors?]. *Literaturnaya Gazeta*. 2020;38(6753):20 (In Russ.).
 27. Jaspers K. Istoki istorii i ee tsel [The origins of history and its purpose]. In: Jaspers K. *The Meaning and Purpose of History*. 2nd ed. Moscow: Respublika Publ.; 1994 (In Russ.).
 28. Jaspers K. *Die geistige Situation der Zeit*. Berlin-Leipzig; 1932 (In Russ.).
 29. *Psychiatrie im Nationalsozialismus: Ein Tagungsbericht des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen*. Kassel: Eigenverlag des Landeswohlfahrtsverbandes Hessen; 1989 (In Germ.).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЛАСТИ

Кузнецова Елена Николаевна, доцент кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, кандидат юридических наук, доцент 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, д. 34
kuznetsova_e_n@bk.ru

© Кузнецова Е. Н., 2022

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа событий Великой Отечественной войны в контексте существовавшей в то время модели власти. При этом модель власти рассматривается как проявление политической традиции, в силу чего может оставаться неизменной при смене государственных форм. По мнению автора, модель власти, связанная с советской системой, позитивно сказалась на мобилизации людских и материальных ресурсов в период войны. Этому способствовала ее экономическая основа в виде огосударствления всех средств производства. Вместе с тем в период войны продолжала функционировать репрессивная государственная машина, что не способствовало борьбе за независимость страны. В статье акцентируется внимание на том, что государственный произвол продолжался и после Великой Победы, примером чего может служить «ленинградское дело». По мнению автора, основным направлением научных исследований, посвященных Великой Отечественной войне, должно служить определение цены победы, всех ее жертв. В связи с этим необходимо иметь в виду влияние на события военного времени государственного управления, характерного для существовавшей тогда модели власти.

Ключевые слова: история, Великая Отечественная война, победа, народ, государство, власть, модель власти, государственное управление, экономика.

THE GREAT PATRIOTIC WAR: A VIEW THROUGH THE PRISM OF POWER

Elena N. Kuznetsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Administrative Law, Korolev Samara National Research University
Moskovskoe shosse, d. 34, Samara, Russia, 443086
kuznetsova_e_n@bk.ru

Abstract. The article attempts to analyze the events of the Great Patriotic War in the context of the existing model of power at that time. At the same time, the model of power is considered as a manifestation of political tradition, which is why it can remain unchanged when changing state forms. According to the author, the model of power associated with the Soviet system had a positive impact on the mobilization of human and material resources during the war. This was facilitated by its economic basis in the form of nationalization of all means of production. At the same time, during the war, the repressive state machine continued to function, which did not contribute

to the struggle for the independence of the country. The article focuses on the fact that state arbitrariness continued even after the Great Victory, an example of which is the «Leningrad case». According to the author, the main direction of scientific research devoted to the Great Patriotic War should be the determination of the price of victory, all its victims. In this regard, it is necessary to bear in mind the influence on the events of the wartime state administration, characteristic of the then existing model of power.

Keywords: *history, Great Patriotic War, victory, people, state, power, model of power, public administration, economy.*

Лучшая память о Великой Отечественной войне — знание всей правды о ней. История этой войны — история государственной трагедии. Измерить во времени трагедию такого масштаба с точностью до дня невозможно. В данном смысле ее началом не было 22 июня 1941 г., как и концом — 9 мая 1945 г.

Свидетельств того, что в конце 30-х гг. страна войну имела в виду и к ней готовилась, достаточно. Как такую подготовку можно расценивать войну с Финляндией 1939–1940 гг., причиной которой стало стремление отодвинуть финскую границу от Ленинграда (ныне Санкт-Петербург) с целью укрепить безопасность северо-западных границ СССР. «Фундаментальные причины войны лежали за пределами контекста советско-финляндских отношений», — пишет А. Г. Донгаров¹.

Как свидетельство подготовки к войне может рассматриваться и заключение пакта Молотова-Риббентропа. Вопрос о том, не являлось ли это ошибкой советского государства, поставил сам И. В. Сталин — такой вывод следует из выступления вождя на радио 3 июля 1941 г. Вот выдержка из него: «Как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка?»². Прозвучало и то, что используется сторонниками заключения данного пакта: «Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии»³.

Война началась и продолжалась в условиях сложившейся в СССР модели власти. Понятие «модель власти» позволяет видеть за официально провозглашенной и законодательно закрепленной государственной формой специфику фактического государственного управления. Модель, которую можно назвать самовластной, отдавая же дань дореволюционному прошлому — самодержавной, и которая «вписалась» в советскую систему, окончательно утвердилась в 1930-е гг. Ее особенности — отсутствие разделения государственной власти на ветви, неограниченность верховной власти, безответственность, максимальная централизация, репрессивный характер — сказались на самых разных событиях военного времени. Данная модель способствовала мобилизации имеющихся ресурсов. В условиях огосударствления всех средств производства, перехода к плановой экономике, централизованному государственному регулированию, прямому регламентированию процесса производства, договорным отношениям не было места⁴. Прямое директивное руководство областью, именуемой народным хозяйством, отвечало задаче ускорения его перестройки применительно к условиям военного времени. Отсюда мнение исследователей, что

¹ Донгаров А. Г. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 1. С. 153.

² Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Сочинения. М. : Писатель, 1997. Т. 15. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000. С. 39–80.

победа СССР в Великой Отечественной войне в значительной мере связана с преимуществами советской экономической системы военного времени по сравнению с системой нацистской Германии, где А. Гитлеру приходилось договариваться с собственниками средств производства⁵.

Но направленные на победу усилия не мог не тормозить репрессивный характер государственного управления. Структуры, с ним связанные, продолжали свою «работу» — более того, Особое совещание НКВД получило право вынесения смертных приговоров. Политические репрессии по-прежнему касались разных социальных слоев. О. В. Будницкий приводит такие данные: за «контрреволюционные преступления» в 1941–1945 гг. были осуждены 640 629 человек, из них расстреляны не менее 42 149⁶.

Предательство и измена сурово карались во все времена. Не стал исключением и период Великой Отечественной войны. Совершившие такие преступления были осуждены морально и юридически, понесли заслуженные наказания. Но вот о каких целях перешедшей на сторону врага власовской армии говорилось в политической программе, изложенной в Манифесте 14 ноября 1944 г.: уничтожение режима террора и насилия, ликвидация колхозов и передача земли крестьянам, предоставление народам России демократических прав и свобод⁷. При всем негативном отношении к изменникам Родины трудно не признать: в данном Манифесте нашло отражение то, с чем были не согласны многие жившие в СССР.

Великая победа — и в этом ее непреходящее значение — не только сохранила, но и упрочила независимость страны. Вместе с тем она укрепила диктатуру Сталина⁸. Народ-победитель, избавивший Отечество от внешнего врага, в очередной раз не смог защитить себя от государственного произвола. Подтверждением может служить «ленинградское дело»⁹. Власть — тоже в очередной раз — продемонстрировала стремление сохранить ее существующую модель. Анализ обвинительного заключения и приговора главным фигурантам по данному делу позволил сделать вывод: Сталин и его «ближний круг» усмотрели в послевоенной деятельности А. А. Кузнецова и его сторонников угрозу существованию системы необъятной, подавляющей все и всех власти центра. При этом поисками доказательств того, являлась ли эта угроза реальной, имела ли она вообще, они себя не утруждали¹⁰. «Ленинградское» дело свидетельствует о том, что основной задачей власти оставалось не общее благо, но стремление любой ценой сохранить ее существующую модель. Решая ее, власть была готова жертвовать и теми, кто принадлежал к ее рядам. Так, жертвами «ленинградского дела» стали почти все те, кто героически руководил городом во время блокады, почти все руководители Ленинграда военного периода — вплоть до районного уровня. Из нескольких сотен человек, проходивших по «ленинградскому делу» в 1950 г. 26 были расстреляны; другие были репрессированы в иных формах¹¹.

⁵ Хайкин М. М., Благих И. А., Рудник С. Н., Газизуллин Н. Ф. Экономические основы Великой Победы СССР во Второй мировой войне // Проблемы современной экономики. 2020. № 2 (74). С. 10.

⁶ Будницкий О. Ответ на вопрос: Каковы точные цифры людских потерь СССР в войне? Можно ли отделить от них жертв сталинских репрессий во время войны? Узнаем ли мы это когда-нибудь? // Дилетант. 2020. № 053. С. 87.

⁷ Александров К. (Кирилл). Ответ на вопрос: Почему генералу Власову удалось объединить под знаменами РОА большое количество советских солдат? И, кстати, какое количество? // Дилетант. 2020. № 053. С. 60.

⁸ Извеков П. А., Филонов Г. А. Экономика в годы Великой Отечественной войны // Территория науки. 2015. № 4. С. 12.

⁹ Болдовский К., Бранденбергер Д., Пивоваров Н. За что расстреляли руководителей-блокадников? Мифы и документы о «Ленинградском деле», сфабрикованном 70 лет назад // Родина. 2019. № 6. С. 130–133.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же. С. 130.

Модель власти, в условиях которой не государство для человека, а человек для государства, интересы государства абсолютно приоритетны в сравнении с интересами индивида, можно видеть даже в отношении государства к павшим на поле боя и оказавшимся в плену. Например, исследователи обращают внимание на такой исторический факт: после окончания войны Наркомат обороны СССР проигнорировал свойственную цивилизованным народам нравственную, гуманистическую традицию, согласно которой списки погибших и пленных должны быть поименно опубликованы¹².

Вопрос о необходимости уточнения цифры людских потерь в период военных действий продолжает оставаться архиактуальным. Шесть лет прошло со времени опубликования статьи, в которой констатируется неизвестность точного числа павших военнослужащих, пленных, распределения боевых потерь по периодам войны, видам вооруженных сил, фронтам, армиям, операциям. Но данная проблема не решена по сей день. Свою роль в этом сыграли и стереотипы мышления. Так, государственная измена командующего 2-й Ударной армии способствовала временному забвению подвига воевавших под его началом, хотя руководство Власова длилось считанные месяцы¹³.

История Великой Отечественной войны, при немалом количестве посвященных ей трудов, все же еще не написана. Следует согласиться с авторами, которые первоочередной проблемой считают определение цены победы, измеряемой прежде всего человеческими жизнями¹⁴. Отсюда другая проблема — усвоения исторических уроков Великой Отечественной войны. Решая ее, необходимо учитывать степень зависимости хода войны от государственного управления, характерного для существовавшей тогда модели власти. Представляется, что для продолжения работы над историей Великой Отечественной войны такой подход может и должен иметь методологическое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров К. Ответ на вопрос: Почему генералу Власову удалось объединить под знаменами РОА большое количество советских солдат? И кстати, какое количество? // Дилетант. — 2020. — № 053. — С. 60–61.
2. Болдовский К., Бранденбергер Д., Пивоваров Н. За что расстреляли руководителей-блокадников? Мифы и документы о «Ленинградском деле», сфабрикованном 70 лет назад // Родина. — 2019. — № 6. — С. 130–133.
3. Будницкий О. Ответ на вопрос: Каковы точные цифры людских потерь СССР в войне? Можно ли отделить от них жертв сталинских репрессий во время войны? Узнаем ли мы это когда-нибудь? // Дилетант. — 2020. — № 053. — С. 87.
4. Донгаров А. Г. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Россия и современный мир. — 2017. — № 1. — С. 153–171.
5. Извеков П. А., Филонов Г. А. Экономика в годы Великой Отечественной войны // Территория науки. — 2015. — № 4. — С. 11–19.
6. Невежин В. А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М. : АИРО-XX; СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 544 с.
7. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. — Вып. 4. — М., 2000. — С. 39–80.
8. Сталин И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Сочинения. — М. : Писатель, 1997. — Т. 15. — С. 56–61.

¹² Извеков П. А., Филонов Г. А. Экономика в годы Великой Отечественной войны. С. 13.

¹³ Чагадаева О. Еще семнадцать вернулись... // Родина. 2021. № 6. С. 51–52.

¹⁴ Извеков П. А., Филонов Г. А. Экономика в годы Великой Отечественной войны. С. 12.

9. Хайкин М. М., Благих И. А., Рудник С. Н., Газизуллин Н. Ф. Экономические основы Великой Победы СССР во Второй мировой войне // Проблемы современной экономики. — № 2 (74). — 2020. — С. 6–11.
10. Чагадаева О. Еще семнадцать вернулись... // Родина. — 2021. — № 6. — С. 51–52.

REFERENCES

1. Aleksandrov K. Otvet na vopros: Pochemu generalu Vlasovu udalos obedinit pod znamenami ROA bolshoe kolichestvo sovetских soldat? I, kstati, kakoe kolichestvo? [The answer to the question: Why did General Vlasov manage to unite a large number of Soviet soldiers under the banner of the Russian Liberation Army? And, by the way, what number?]. *Diletant*. 2020;053:60-61 (In Russ.)
2. Boldovskiy K, Brandenberger D., Pivovarov N. Za chto rasstrelyali rukovoditeley-blokadnikov? Mify i dokumenty o «Leningradskom dele», sfabrikovannom 70 let nazad [Why were the blockade leaders shot? Myths and documents about the «Leningrad case» fabricated 70 years ago]. *Rodina*. 2019;6:130-133 (In Russ.)
3. Budnitskiy O. Otvet na vopros: Kakovy tochnye tsifry lyudskikh poter SSSR v voyne? Mozhno li otdelit ot nikh zhertv stalinskikh repressiy vo vremya voyny? Uznaem li my eto kogdanibud? [Answer to the question: What are the exact figures of human losses of the USSR in the war? Is it possible to separate from them the victims of Stalin's repressions during the war? Will we ever find out?]. *Diletant*. 2020;053:87 (In Russ.)
4. Dongarov A. G. Sovetsko-finlyandskaya voyna 1939-1940 gg. [The Soviet-Finnish War of 1939-1940]. *Russia and the Contemporary World*. 2017;1:153-171 (In Russ.)
5. Izvekov PA, Filonov G [The Myth of absolutism: Ekonomika v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Economy during the Great Patriotic War]. *Territoriya nauki*. 2015;4:11-19 (In Russ.)
6. Nevezhin V. [The Myth of absolutism: Zastolnye rechi Stalina: Dokumenty i materialy [Stalin 's table speeches: Documents and materials]. Moscow: AIRO-XX Publ.; St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ.; 2003 (In Russ.)
7. Sokolov A (research experience)]. Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 — seredina 1930-kh godov) [Soviet policy in the field of motivation and stimulation of labor (1917 — mid-1930s)]. *Economic History. Review*. 2000;4:39-80 (In Russ.)
8. Stalin I. V. Vystuplenie po radio 3 iyulya 1941 g. [Speech on the radio on July 3, 1941]. In: Essays. Vol. 15. Moscow: Pisatel Publishing House; 1997 (In Russ.)
9. Khaykin MM, Blagikh I A, Rudnik SN, Gazizullin NF. Ekonomicheskie osnovy Velikoy Pobedy SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne [Economic Foundations of the Great Victory of the USSR in the Second World War (Russia, St. Petersburg)]. *Problems of Modern Economics*. 2020;2(74):6-11 (In Russ.)
10. Chagadaeva O. Eshche semnadtsat vernulis... [Seventeen more returned...]. *Rodina*. 2021;6:51-52 (In Russ.)

ТЕОРИЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ И. В. МИХАЙЛОВСКОГО

Сафронова Елена Викторовна, руководитель Центра трансграничных правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор
308000, Россия, Победы ул., д. 85
elena_safronova_2010@mail.ru

Кравец Константин Викторович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
308000, Россия, Победы ул., д. 85
kravets_k@bsu.edu.ru

© Сафронова Е. В., Кравец К. В., 2022

Аннотация. В статье анализируется оригинальная концепция пересечения права и морали Иосифа Викентьевича Михайловского (1868–1921) — известного российского правоведа, профессора Императорского Томского университета. И. В. Михайловский не разделял ни одной доктрины, сравнивающей право и мораль в сфере социального регулирования, распространенной в правовой науке (в частности: теорию отождествления права и нравственности, теорию разграничения права и морали, теорию права как части нравственности). В статье доказывается, что В. И. Михайловский предложил новый подход к проблеме соотношения права и морали. Михайловский пришел к выводу о существовании абсолютных начал нравственности, обладающих характеристиками изначальности, вечности и неизменности, что не исключало наличия личных субъективных взглядов на мораль и существования общественной нравственности как воплощения так или иначе понятых социумом абсолютных начал. Он полагал, что правовая, моральная и религиозная нормативно-регулятивные системы будучи самостоятельными (несовпадающими, но пересекающимися) есть проявления высшего этического порядка. Право без нравственного наполнения есть форма без содержания, смысла и ценности. Право призвано регулировать свободу человека во внешней сфере; определять пределы и сферы власти; стремиться к внешним результатам. Нравственность призвана определять пределы внутренней свободы, регулировать отношения человека с Абсолютом, устремлять к внутреннему преобразению. Право и мораль, считал он, служат Добру, как единой системе абсолютных разумно-этических начал. Михайловским считал безусловным взаимовлияние права и нравственности, а принципами их взаимодействия считал, с одной стороны, недопустимость антинравственных правовых предписаний; а с другой, неприемлемость и предписаний о совершении нравственных поступков.

Ключевые слова: И. В. Михайловский, теория, учение, концепция, право, мораль, нравственность, религия, норма, этическая система, социальное регулирование, соотношение права и морали

THE THEORY OF INTERSECTION OF LAW AND MORALITY IN WORKS BY J. V. MIKHAILOVSKIY

Elena V. Safronova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Cross-Border Legal Studies; Professor, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University
ul. Pobedy, d. 85, Belgorod, Russia, 308000
elena_safronova_2010@mail.ru

Konstantin V. Kravets, Postgraduate Student, Department of Theory and History of the State and Law, Belgorod State National Research University
ul. Pobedy, d. 85, Belgorod, Russia, 308000
kravets_k@bsu.edu.ru

Abstract. *The article analyzes the original concept of the intersection of law and morality in the works by Joseph Vikentievich Mikhailovsky (1868-1921), a well-known Russian jurist, professor at the Imperial Tomsk University. I. V. Mikhailovsky did not share a single doctrine comparing law and morality in the field of social regulation wide-spread in legal science (In particular: the theory of identification of law and morality, the theory of differentiation of law and morality, the theory of law as part of morality). The article proves that V. I. Mikhailovsky proposed a new approach to the problem of the correlation of law and morality. Mikhailovsky came to the conclusion about the existence of absolute principles of morality, which have the characteristics of primordially, eternity and immutability, which did not exclude personal subjective views on morality and the existence of public morality as the embodiment of absolute principles understood by society in one way or another. He believed that the legal, moral and religious regulatory systems, being independent (mismatched, but overlapping), are manifestations of the highest ethical order. Law without moral content is a form without content, meaning and value. The law is designed to regulate human freedom in the external sphere; to determine the limits and spheres of power; to strive for external results. Morality is designed to determine the limits of inner freedom, regulate a person's relationship with the Absolute, and strive for inner transformation. Law and morality, he believed, serve the Good as a single system of absolute rational and ethical principles. Mikhailovskiy considered the mutual influence of law and morality to be unconditional, and considered the principles of their interaction, on the one hand, the inadmissibility of anti-moral legal prescriptions; and, on the other, the unacceptability of prescriptions for moral acts.*

Keywords: *I. V. Mikhailovskiy, theory, doctrine, concept, law, morality, religion, norm, ethical system, social regulation, the relationship of law and morality*

Проблема соотношения нормативно-регулятивных систем — религии, морали и права волновала научную мысль со времени ее зарождения. В отечественной дореволюционной науке к этой теме обращались практически все видные правоведы. Одной из самых интересных и логически обоснованных теорий соотношения права и морали выступает малоизученная концепция И. В. Михайловского (1868–1921) — известного российского правоведа, профессора Императорского Томского университета.

Немалая часть монографии И. В. Михайловского «Очерки философии права»¹ посвящена этой проблеме. Обращение к теме соотношения права и нравственности, было вызвано, по его мнению, необходимостью постижения сущности права и его

¹ Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск : Тип. С. П. Яковлева, 1914. 640 с.

устойчивых характеристик. И. В. Михайловский не разделял ни одной теории, сравнивающей право и мораль в сфере социального регулирования, распространенной в теоретико-правовой науке. Ученый выделял три основных подхода к вопросу взаимоотношения права и морали.

Во-первых, это идея отождествления права и нравственности, в рамках которой ключевой выступала мысль об отсутствии между ними принципиальной разницы. «Каждое требование нравственности может быть облечено в форму юридической нормы; только эта форма и создает право»². К данному направлению И. В. Михайловский относил и эмоциональную теорию Л. И. Петражицкого, считавшего, что право и нравственность в широком смысле однородны по своей психической природе. Такой подход Михайловский считал ошибочным, ведущим к расширению государственного произвола и вмешательству государства в личную жизнь.

Во-вторых, идея разграничения права и морали, наиболее последовательно отстаиваемая немецким философом И. Фихте, который выводил право из человеческой природы и естественной потребности в социальном взаимодействии, регулирование которого обеспечивается юридическими нормами. Однако тождественность содержания целого ряда правовых и нравственных норм свидетельствует о несостоятельности идеи их разграничения.

В-третьих, идея права как части нравственности. Теорию этического минимума (Г. Еллинека и В. С. Соловьева) И. В. Михайловский считал самой последовательной и аргументированной. Мысль В. С. Соловьева, что общественная нравственная жизнь возможна лишь в организованном посредством права государстве. Юридическая норма воплощает минимальную степень нравственной. «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, недопускающего известных проявлений зла»³. Обоснованность идеи В. С. Соловьева подтверждается дополнительными аргументами Г. Еллинека и А. Н. Яценко. В частности, историческим фактом превращения нравственных норм в юридические; обусловленностью соблюдения и правовых норм и норм морали внутренним убеждением; значимостью мотива при совершении действия (и в нравственной и в правовой сфере); отсутствием безнравственных правовых предписаний.

Однако, несмотря на обоснованность аргументации, теория этического минимума, по мнению И. В. Михайловского, имеет целый ряд слабых сторон. «Теория этического минимума, более приблизившись к истине, чем теория первых двух типов, тем не менее не может быть принята, так как заключает в себе хотя и большую, чем предыдущие, но все-таки лишь часть истины»⁴.

К числу основных аргументов против теории этического минимума И. В. Михайловский относил факт наличия в праве огромного количества этически нейтральных юридических норм. В качестве обоснования правовых норм, не связанных с нравственностью, сторонники идеи права как реализации минимума добра приводили следующие аргументы:

- совокупность таких норм — есть часть единого права, призванного обеспечивать этический порядок и служить добру.
- этически нейтральные нормы не самостоятельны и часто носят технико-юридический характер;
- при детальном анализе многие этически-безразличные нормы обладают нравственным значением.

При всей верности высказанных аргументов они не подтверждают того факта, что право и нравственность тождественные системы и назначение права обеспечить в обществе минимум добра. Так, аргумент, что право — часть общего этического порядка, Михайловским принимался, однако он не считал возможным «отождествлять понятия общего этического порядка и нравственности как части этого порядка. А самое главное — из того, что право в целом служит добру, вовсе не следует, что все без исключения юридические нормы имеют нравственное содержание»⁵.

² Михайловский И. В. Указ. соч. С. 143.

³ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 146.

⁴ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 148.

⁵ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 149.

Не разделялся им и второй аргумент, что нравственно-безразличные нормы вторичны. Он приводил совершенно верные примеры из сферы государственного права о наличии норм, определяющих основы государственного строя, но этически безразличных. По поводу третьего аргумента, замечал, что при детальном рассмотрении немного норм этически безразличных окажутся нравственными.

Кроме того, в системе права немало норм противных морали. К таким нормам относятся юридические нормы, регламентирующие, например, деятельность публичных домов и занятий проституцией. Торговля женщиной своим телом с точки зрения морали занятие безнравственное, однако государство разрешает и регламентирует занятие проституцией. Но это не означает, по ироничному выражению И. В. Михайловского, реализации «минимума половой нравственности». Коллизии нравственных и юридических норм не устранимы, они коренятся в природе этих видов социальных норм.

Вслед Б. Н. Чичериным, И. В. Михайловский интересовался, каков смысл дефиниции «минимум нравственности»: это то, что значимо для общества или наоборот?

Ни один из выбранных вариантов не свидетельствовал в пользу концепции В. С. Соловьева. В любом случае принуждение к нравственности безнравственно. Все вопросы морали решаются на уровне совести, которая по своей сущности свободна. Вмешательство государства в вопросы совести есть внешнее принуждение, которое никак не связано с нравственностью человека. И. В. Михайловский поставил важнейший вопрос, которым Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер и др. не задавались: где искать источник и основы нравственности. И наука и практика, включая самонаблюдение, едины во мнении, что нравственные веления имеют внутренний источник. Его авторитетность обеспечивается ни внешним принуждением со стороны государства, церкви, общественного мнения, научного сообщества, а голосом совести. Положительный поступок, совершенный под внешним давлением, нравственным не является. Голос совести в человеке, по мнению И. В. Михайловского, есть проявление его духовной сущности. «Совесть есть отражение в нашем духе абсолютных разумно-этических начал»⁶.

Мысль о том, что нравственность зависит от эволюции человеческого разума, И. В. Михайловский отвергал, однако допускал идею развития мирового этического порядка, не отождествляя при этом понятия нравственности и этического порядка.

Существующие в науке эволюционные теории (Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесона, Дж. Батлера, Г. Спенсера, Ч. Дарвина, П. А. Крапоткина и др.) не давали ответа на вопрос об источнике нравственности. Большинство эволюционистов отрицали наличие абсолютных принципов нравственности, доказывая их изменчивость и динамику. Большинство теорий эволюционной этики признавали источником нравственности природу человека. Одна из биологических теорий морали (в частности, О. Конта) отстаивала постулат о наличии в природе человека альтруистических чувств, которые постепенно в результате многовековой эволюции преобразуются в нравственность. Над идеей эволюции эгоизма в альтруизм иронизировал еще Б. Н. Чичерин, отмечая, что, если допустить мысль о возможности безграничного развития физических сил человека, то логическим выводом будет появление такой силы у современного человека, которая даст ему возможность поднимать горы.

И. В. Михайловский считал нелепой идеей духовной наследственности. Не разделял он концептов теории этического релятивизма, отстаивавших мысль об отсутствии универсальных моральных принципов и считавших, что мораль — это явление сугубо индивидуальное (сословное, классовое и пр.), а также социальный продукт. Если признать нравственность продуктом социального развития, следование принципам которой есть порождение бытующих в обществе этических правил, то мораль это внешняя сила, призванная регулировать отношения в обществе.

Видными предстателями теории этического релятивизма были А. Менгер и К. Каутский, а в русском правоведении Г. Ф. Шершеневич. А. Менгер доказывал, что универсальные нравственные нормы отсутствуют, а совесть есть стремление поступать в соответствии с господствующим общественным мнением⁷. Этих идей

⁶ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 152.

⁷ Менгер А. Новое учение о государстве / под ред. Б. Кистяковского, перевод с немецкого П. Тучапского, 2-е изд. М. : Издание С. Скимунта, 1906. 280 с.

придерживался и К. Каутский⁸, видевший в морали общепризнанные общественные требования. Эти идеи были распространены в русской правовой науке. Так, известный российский цивилист Г. Ф. Шершеневич писал: «Нормы нравственности — это требования, обращенные к человеку извне. Нравственный закон не в нас, а вне нас... История и этнография разрушают иллюзию абсолютной нравственности и устанавливают изменчивость нравственных норм, относительность нравственных понятий. <...> Обстоятельством, которое придает нравственный характер поведению, является общественная полезность действий»⁹.

Идей этического релятивизма И. В. Михайловский не разделял. Он был убежден в наличии абсолютных начал нравственности, имеющих высший разумный первоисточник. Вслед за Е. Н. Трубецким, утверждавшим, что меняется не истина, а человеческие представления о ней. «Свойство всех вообще вечных законов, вечных истин таково, что они существуют совершенно независимо от того, сознаются или не сознаются они человеком»¹⁰.

Будучи человеком с религиозным мировоззрением И. В. Михайловский отвергал материалистическую идею, что духовная жизнь это следствие функционирования мозга и нервной системы. Физиологическое обоснование нравственности убедительно опровергалось немецким физиологом и психологом В. Вундтом, на которого ссылался Михайловский. Вундт доказывал, что развитие — есть самораскрытие духовной природы человека. Вклад в сокровищницу мировой истории определяется вкладом в духовное развитие человечества.

Исследование природы человека приводили Вундта к убеждению, что этическую проблему надо решать в религиозной плоскости. «Чистый материализм, — писал И. В. Михайловский, — уже сдан в архив науки; его в настоящее время могут признавать лишь полные невежды в философии. А если мы припомним то, что говорилось раньше о духовной субстанции человека, этой бессмертной, единичной сущности, то мы поймем всю колоссальную нелепость утверждения, что эта монада получила свою духовную жизнь, свои идеи от другой такой же монады: ведь тогда эта другая монада была бы творцом ее. <...> Во всяком случае, несомненно одно: в глубине своего духа человек носит искру Божию. <...> Развивается нечто, а не ничто»¹¹.

Наиболее глубоко мысль о связи человеческой нравственности с разумным миропорядком, по И. В. Михайловскому, выражена у И. Канта. «Только поставивши нравственный закон в связь с Абсолютной Первоосновой мира, мы можем понять безусловный характер его, можем понять тот его характер, который дал основание Канту назвать нравственные законы категорическими императивами»¹². И. В. Михайловский приходил к выводу о существовании абсолютных начал нравственности, обладающих характеристиками изначальности, вечности и неизменности. Однако это не исключает наличия личных субъективных взглядов на мораль и существования общественной нравственности как воплощения так или иначе понятых определенным социумом абсолютных начал. Отражением в духовной природе человека извечных нравственных начал выступает совесть, которая не может быть объектом внешнего принуждения. Эти заключения были положены ученым в основу новой теории соотношения права и нравственности. По его мнению, если использовать геометрическую терминологию (права и мораль — две окружности), можно выделить четыре основных подхода: совпадающий; разделенный; концентрический; пересекающийся. Правильным он считал подход, рассматривающий право и нравственность, как две пересекающиеся окружности. «Право в целом и служит добру, хотя и право, и нравственность проистекают из одного и того же источника и ведут к одной и той

⁸ Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории : (Опыт исслед.) / пер. с нем. К. Когана и Б. Яковенко; Карл Каутский. СПб. : В. И. Яковенко, 1906. 134 с.

⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910. С. 176.

¹⁰ Цит. по: Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск : Тип. С. П. Яковлева, 1914. С. 157 ; Трубецкой Е. Н. Нравственность и эволюция // Энциклопедия права. СПб., 1907. С. 35–50.

¹¹ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 154.

¹² Михайловский И. В. Указ. соч. С. 159.

же цели, но оба порядка друг от друга независимы, каждый из них ведет к общей цели различными путями, при помощи различных средств»¹³.

И. В. Михайловский считал юридические нормы разновидностью этических, однако понятия «нравственность» и «этика» он не отождествлял. Под этическими нормами понимались любые правила поведения, которые призваны служить добру, а под нравственностью — поступки, обусловленные свободной совестью. Так, понятие «справедливость» есть понятие правовое и этическое, но не нравственное. С точки зрения права неоказание материальной помощи обеспеченному нуждающемуся правомерно, но безнравственно.

Специфика правовых и нравственных переживаний имеет отражение в человеческой психике. Выявление этих особенностей заслуга Л. И. Петражицкого. Право призвано регулировать свободу человека во внешней сфере; определять пределы и сферы власти; стремиться к внешним результатам. Нравственность, напротив, управляет внутренней свободой; регулирует отношения человека с Абсолютом; стремится к внутреннему преображению. Для права ключевым выступает действие (поступок). Мотив поступка имеет значение лишь в уголовном праве при определении тяжести правонарушения. Для морали, напротив, мотив, внутреннее настроение имеет основное значение. Благородный поступок, совершенный под внешним давлением, для нравственности безразличен или даже безнравственен (например, оказание помощи в ожидании внешней похвалы и общественного одобрения). Для права целью выступает результат (причем внешний), а способы его достижения могут быть различными, включая государственное принуждение. Допустимость принуждения в сфере исполнения правовых обязанностей ключевой постулат права. В нравственной области внешнее принуждение принципиально неприменимо. Нравственными признаются поступки, совершенные лишь под давлением совести.

Еще одним признаком, отличающим право и мораль, выступает возможность представительства интересов, которое допускается лишь в юридической сфере.

Право отличается от морали формальной определенностью (точностью) предписаний и ограниченностью, предъявляемых требований. Нравственные нормы, напротив, не формализованы. Каждый конкретный случай сугубо индивидуален, как индивидуальна и реализация нравственных обязанностей, не знающая границ. «Отмеченное различие между правом и нравственностью вытекает из различия основных принципов этих областей и из свойственных праву внешних гарантий в виде принуждения. В самом деле: принцип права — «каждому свое» — допускает самое точное определение «своего» в каждом конкретном случае, между тем как принцип нравственности: «братья, любите и помогайте друг другу» — не терпит никаких границ, никаких точных и постоянных шаблонов»¹⁴.

В. И. Михайловский полагал, что сфера действия права уже, чем нравственности, регулирующей отношения с Богом, самим собой, с другими людьми, а также отношения к животным, растительному миру и даже вещам. При этом нравственность может входить в противоречие с правом, когда воспрещает пользование своим правом, могущим причинить страдание другим. Право же волнует лишь внешнее поведение; оно допускает свободу быть безнравственным.

Однако делать вывод о полном антагонизме права и нравственности не допустимо. И правовые, и моральные, и религиозные нормы будучи самостоятельными, по И. В. Михайловскому, есть проявления высшего этического порядка. Право без нравственного наполнения есть форма без содержания, смысла и ценности.

И. В. Михайловским полагал безусловным взаимовлияние права и нравственности, а принципами их взаимодействия считал, с одной стороны, недопустимость антинравственных правовых предписаний; а с другой, неприемлемость и предписаний о совершении нравственных поступков. Однако право может и должно способствовать развитию общественной нравственности. И. В. Михайловский придавал большое значение воспитательной функции права. Оно, подкрепленное внешними принудительными гарантиями, призвано минимизировать зло в его

¹³ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 160.

¹⁴ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 164.

внешнем проявлении, но победить его без религии и нравственности ему не в силу, что не снижает самостоятельной этической ценности права. Ученый видел, право призвано гарантировать личную свободу. Он разделял идеи правового государства, призванного обеспечивать права и свободы гражданина и сдерживать произвол государственной власти. Принципы полицейского государства, устанавливающие тотальный контроль над личностью, приводят, по его мнению, к деспотизму власти. Результатом практики государственно-правовой регламентации благочестия зачастую оборачивается полицейским произволом. Право, отмечал он, не должно играть служебной роли по отношению к нравственности. Назначение права обеспечивать и охранять общественный порядок. В. И. Михайловский, пришел к неоспоримому, на наш взгляд, заключению: «право должно быть сильным, но для того, чтобы быть сильным, оно должно быть правом»¹⁵.

В. И. Михайловский предложил новый подход к проблеме соотношения права и нравственности. Он считал эти явления самостоятельными этическими регуляторами, несовпадающими, но пересекающимися. Право призвано регулировать свободу человека во внешней сфере; определять пределы и сферы власти; стремиться к внешним результатам. Нравственность, напротив, управляет внутренней свободой; регулирует отношения человека с Абсолютом; стремится к внутреннему преобразению. Но и право и мораль служат Добру, как единой системе абсолютных разумно-этических начал.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Каутский К.* Этика и материалистическое понимание истории : (Опыт исслед.) / пер. с нем. К. Когана и Б. Яковенко; Карл Каутский. — СПб. : В. И. Яковенко, 1906. — 134 с.
2. *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2019. — 400 с.
3. *Менгер А.* Новое учение о государстве / под ред. Б. Кистьяковского, перевод с немецкого П. Тучапского. — М. : Издание С. Скимунта, 1906. — 280 с.
4. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. — Т. 1. — Томск : Тип. С. П. Яковлева, 1914. — 640 с.
5. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. — М. : Типография «Русский Труд», 1907. — 229 с.
6. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Т. 1 : Вып. 1–4. — М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910. — 839 с.

REFERENCES

1. Kautskiy K. Etika i materialisticheskoe ponimanie istorii: (Opyt issled.) [Ethics and materialistic understanding of history : (research experience)]. Kogan and B. Yakovenko; Karl Kautsky. St. Petersburg: V. I. Yakovenko; 1906 (In Russ.).
2. Maltsev G. V. Nrvastvennye osnovaniya prava: monografiya [Moral foundations of law: monograph]. Moscow: Norm: INFRA-M Publ.; 2019 (In Russ.).
3. Menger A. Novoe uchenie o gosudarstve [The new doctrine of the state]. Moscow: Edition by S. Skirmunt; 1906 (In Russ.).
4. Mikhailovsky IV. Oчерki filosofii prava [Essays on the Philosophy of law]. Vol. 1. Tomsk: S. P. Yakovlev Publ. House; 1914 (In Russ.).
5. Trubetskoy EN. Entsiklopediya prava [Encyclopedia of Law]. Moscow: «Russkiy trud» Publishing House; 1907 In Russ.).
6. Shershenevich GF. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. Vol.1: Issues 1-4. Moscow: The Bashmakovs' Brothers Publishing House; 1910 (In Russ.).

¹⁵ *Михайловский И. В.* Указ. соч. С. 169.

ДЕТЕРМИНАНТЫ БЮРОКРАТИЗАЦИИ ПРАВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Скоробогатов Андрей Валерьевич, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент
420111, Россия, Казань, ул. Московская, д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2022

***Аннотация.** В статье анализируется категория бюрократизации права, которая рассматривается как процесс увеличения количества, объема и детализации нормативных правовых актов, рационализации, формализации и конкретизации нормативного массива, направленный на конструирование максимально возможной в условиях данного социокультурного хронотопа беспробельной и бесколлизивной правовой реальности. Предпринята попытка исследования данной категории не только онтологически, но и аксиологически. Это позволило выявить взаимосвязь процесса бюрократизации с национальной системой правовых ценностей и сделать вывод, что характер и направление бюрократизации права определяются не только внутренней логикой развития правовой системы, но и ценностными факторами, на первом месте среди которых следует назвать господствующий в России нормативистский тип правопонимания и правовой архетип этатизма, характерный для российского общества.*

***Ключевые слова:** позитивное право, бюрократизация права, правовая бюрократизация, правовая реальность, аксиология права, правовой архетип.*

DETERMINANTS OF BUREAUCRATIZATION OF LAW IN RUSSIAN SOCIETY

Andrey V. Skorobogatov, Dr. Sci. (History), Associate Professor; Professor, Department of Theory of the State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovation University named G. Timiryasov
ul. Moskovskaya, d. 42, Kazan, Russia, 420111
av.skorobogatov@mail.ru

***Abstract.** The article analyzes the category of bureaucratization of law, which is considered as a process of increasing the number, volume and detail of normative legal acts, rationalization, formalization and concretization of the normative array, aimed at constructing the maximum possible in the conditions of this socio-cultural chronotope of a seamless and conflict-free legal reality. An attempt is made to study this category not only ontologically, but also axiologically. This made it possible to identify the relationship of the bureaucratization process with the national system of legal values and to conclude that the nature and direction of the bureaucratization of law are determined not only by the internal logic of the development of the legal system,*

but also by value factors, among which the normative type of legal understanding prevailing in Russia and the legal archetype of statism characteristic of Russian society should be named first.

Keywords: *positive law, bureaucratization of law, legal bureaucratization, legal reality, axiology of law, legal archetype.*

Развитие правовой реальности в условиях постмодерна характеризуется транзитивностью¹. Это ярко проявляется в сочетании двух тенденций. С одной стороны, происходит рост саморегуляции и усиление значения социального права, особенно в виртуальном пространстве². С другой стороны, потребности обеспечения правопорядка и преодоления конфликтов предполагают необходимость унифицированного подхода к поведению субъекта. Следствием этого становится расширение роли позитивного права и верховенства закона в регулировании общественных отношений³, хотя осуществление этой тенденции в различных правовых системах существенно отличается. Это ставит на повестку дня исследование вопроса трансформации правового регулирования не только онтологически, но и аксиологически, в контексте социокультурного развития и учета мировоззренческих оснований реальности.

В современной России происходит расширение государственного вмешательства в регулирование и охрану общественных отношений путем увеличения числа формализованных правил поведения, обеспечивающих определенность правового регулирования. Определенность имманентно присуща позитивному праву. Объективно она отражает условия функционирования механизма правового регулирования в нормативно организованном обществе и опосредована обязанностью государства обеспечить реализацию юридических норм в соответствии с их местом в системе права. Субъективно правовая определенность отражает интересубъективную роль позитивного права в обеспечении правопорядка, ориентацию государства на единообразное понимание юридических норм всеми участниками правовых отношений⁴.

Обеспечение определенности позитивного права тесно связано с его формализацией и может быть обозначено как бюрократизация права. При этом необходимо различать понятия «правовая бюрократизация» и «бюрократизация права».

Правовая бюрократизация — это состояние правовой системы, характеризующееся формализацией правовых норм и избыточным правовым регулированием (профицитом права).

Бюрократизация права — процесс увеличения количества, объема и детализации нормативных правовых актов, рационализации, формализации и конкретизации нормативного массива, направленный на конструирование максимально возможной в условиях данного социокультурного хронотопа беспробельной и бесколлизивной правовой реальности⁵. Исследованию именно этой категории и посвящено дальнейшее изложение.

Целью бюрократизации права является придание нормативным правовым актам определенности не только онтологически путем установления рациональных правил поведения субъектов, но и аксиологически в форме определения пределов правового воздействия на сознание и поведение субъектов, используя не только юридические

¹ Матвеева Л. Г. Особенности законотворчества в транзитивном обществе // *Legea și viața*. 2015. № 8/3. С. 49–53.

² Талапина Э. В. Права человека в Интернете // *Журнал российского права*. 2019. № 2. С. 41–54.

³ Stromseth J. E. Post-Conflict Rule of Law // *Meierhenrich J., Loughlin M. (eds.) The Cambridge Companion to the Rule of Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. . P. 513–537.

⁴ Ávila H. *Certainty in Law*. Cham: Springer International Publishing Switzerland, 2016. XVIII, 520 p.

⁵ Подробнее о дефиниции категории «бюрократизация права» см.: Щелоков К С Понятие бюрократизации права // *История государства и права*. 2007. № 1 2. С. 1719.

средства, но и психологические, в равной степени нормированные в законодательстве. Речь при этом идет о повышении эффективности правового регулирования через придание ему не только качества, но и стабильности. Благодаря усилению нормативности регулирования общественных отношений более строго обеспечивается их обезличенность и единообразие в применении. Однако это предполагает необходимость существенного снижения роли усмотрения правоприменителя и учета субъективных обстоятельств при рассмотрении правовых споров.

Усиление определенности правового регулирования в процессе бюрократизации права предполагает учет как материальных, так и процессуальных требований к нормативным правовым актам. Материальные требования преимущественно касаются качества актов, хотя заключаются не только в соблюдении требований юридической техники (особенно языковых и логических⁶), но и в ориентации на беспробельность регулирования (с учетом его системности и соответствия правовой цели) и точное определение содержания правил поведения. Процессуально определенность связана с соблюдением порядка принятия и вступления в действие нормативных правовых актов, прежде всего их опубликованием, а также формализации процедуры их изменения, дополнения и замены. Следствием этого должно стать усиление целенаправленности функционирования правовой реальности, связанное с расширением ее прогнозируемости как юридически, так и идеологически.

В конечном итоге любая правовая система стремится к беспробельности. Однако если в англо-американской правовой семье это связано с механизмом восполнения пробелов правового регулирования в судебной деятельности, то в романо-германской семье, наряду с восполнением пробелов в процессе правоприменения, широко применяется правотворчество как средство преодоления пробелов⁷. При господстве в правотворчестве нормативистского подхода (даже в его интегральном варианте) это выражается в стремлении законодателя дать формальный, строго определенный ответ на каждый юридический вопрос, сузив (или ликвидировав) возможность усмотрения правоприменителя. В этом контексте восприятие судами первой инстанции решений высших судов в качестве актов, обладающих нормативными свойствами⁸, свидетельствует не столько о расширении роли судебной практики (как формы права) в правовом регулировании, сколько о бюрократизации права. Однако это не является новеллой для российской правовой системы и соответствует восприятию судебной функции как вторичной по отношению к исполнительной, выступающего как часть распространенного в России архетипа этатизма.

Бюрократизация права предполагает не только увеличение предметов правового регулирования в связи с появлением новых общественных отношений, но и большую детализацию и конкретизацию имеющихся предметов. Речь идет о юридизации, которую мы вслед за В. М. Барановым понимаем как «целенаправленный процесс придания правовой формы деятельности, которая иными управленческими средствами может быть регламентирована, но эффективно функционировать не будет»⁹.

Во-первых, расширение роли актов стратегического планирования в правовом регулировании усиливает ценностный аспект определения пределов правового регулирования¹⁰.

⁶ Балахонский В. В., Марков С. М. Денотация и коннотация как прием юридической техники // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 10–17.

⁷ Краснов А. В. К вопросу о пробелах в праве и способах их восполнения и преодоления // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2018. Т. 14. С. 19–27.

⁸ Селивановский И. С. Акты, обладающие нормативными свойствами: благо или ошибка правового регулирования (признание квазинормативных актов в правовой системе России) // Юридическая мысль. 2018. № 5 (109). С. 55–61.

⁹ Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. М. : Блок-Принт, 2022. С. 12.

¹⁰ Ладейнова О. С. Правовая природа программно-стратегических документов // Образование и право. 2019. № 3. С. 19–24.

Во-вторых, при возникновении пробелов их стараются не столько восполнить, сколько преодолеть путем внесения изменений в действующие акты или принятия новых нормативных правовых актов, регулирующих пробельные отношения. Следствием этого является не только увеличение общего числа нормативных правовых актов, но и существенный рост числа законов о внесении изменений в предыдущие нормативные правовые акты, которые в несколько десятков раз преобладают над оригинальными актами.

В-третьих, увеличивается число подзаконных и локальных актов, которые приобретают все более детализированный характер¹¹. Однако данная тенденция не является новшеством для российской правовой реальности. Она полностью соответствует традиционной для отечественной правовой системы пирамидальной модели правотворчества. По словам Д. А. Пашенцева, такая модель «связана с иерархическим развитием системы нормативных правовых актов, которая может быть представлена в виде пирамиды. В основании такой пирамиды находится огромный массив подзаконных нормативных актов, а на вершине - Конституция как основной закон, обладающий высшей юридической силой»¹². Несмотря на влияние процесса цифровизации, ориентированного на усиление горизонтальности правовой коммуникации, правовое регулирование в России по-прежнему ориентировано на запретительный тип правового регулирования, предполагающий акцент на определяющую роль нормативных правовых актов в обеспечении правопорядка.

В-четвертых, больше внимания стало уделяться регулированию процессуальных действий. Это видно как на примере регламентов государственных органов¹³, так и в факте принятия Кодекса административного судопроизводства¹⁴.

Данная логика развития правового регулирования предполагает наличие кодифицированного акта, посвященного вопросам правового регулирования, который может определить онтологические и аксиологические пределы правового регулирования и урегулировать вопросы правотворчества, юридической техники и разграничения компетенции субъектов правотворчества. В качестве такого акта может быть принят Федеральный закон «О нормативных правовых актах»¹⁵.

Бюрократизация права тесно связана с его формализацией, которая является завершающим этапом правообразования и связана с приданием юридическим нормам вербализованной формы, предполагающей соблюдение формальных требований юридической техники¹⁶, которые в данном случае выступают непременным атрибутом качества нормативного правового акта и его легальности. Главным при этом становится не только соблюсти формальные требования, но и придать большую логичность (в позитивистском понимании) как отдельным актам, так и всему нормативному массиву. Высшей точкой такой бюрократизации может рассматриваться

¹¹ *Абрамова А. И.* Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 25–35.

¹² *Пашенцев Д. А.* Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. 2021. № 5. С. 73.

¹³ См., например: приказ Минобрнауки России от 07.12.2020 № 1500 «Об утверждении Регламента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.03.2021 № 62878) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.03.2021.

¹⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

¹⁵ См., например: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона) / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2021. 96 с.

¹⁶ *Радейко Р. І.* Особливості формалізації права як стадії правотворчого процесу // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія «Юридичні науки». 2014. № 801. С. 81–85.

появление легальной дефиниции справедливости, т.е. полное стирание грани между моральным и правовым регулированием. Рядом современных российских ученых заявляется, что подобное действие можно рассматривать в качестве признака повышения эффективности правового регулирования¹⁷. Это свидетельствует, что одним из факторов бюрократизации является внутренняя логика развития правовой системы. Чем больше учитываются требования юридической техники (в ее позитивистском понимании) при создании нормативных правовых актов, тем более формализованным (а, следовательно, бюрократизированным) является право.

Усложнение социальных отношений предполагает необходимость бюрократизации не только путем формализации и рационализации права, но и путем его профессионализации¹⁸. Значительная часть нормативных правовых актов федерального уровня посвящена вопросам правового регулирования отдельных отраслей экономики. При этом большое внимание в них уделяется именно профессиональным, а не общерегулятивным вопросам¹⁹, что видно при анализе легальных дефиниций, созданных в значительной мере на основе отраслевой, а не правовой доктрины. Ярким примером является Федеральный закон «О пчеловодстве в Российской Федерации»²⁰, регулирующий «отношения, возникающие в связи с осуществлением видов деятельности в сфере пчеловодства, а также с сохранением пчел» (п. 1 ст. 4). На первый взгляд, это вызвано стремлением усилить легитимацию нормативного массива и повысить эффективность правового регулирования, сделав нормативные положения более точными и адаптированными к разнообразию жизненных ситуаций и пониманию без каких-либо семантических расхождений субъектом, не имеющим специального юридического образования. Однако в действительности, на наш взгляд, речь идет об усилении легальности государственного регулирования данной сферы и, как следствие, ее бюрократизации.

В своих истоках бюрократизация права восходит к рациональным идеям юридического позитивизма, предполагающего возможность упорядочивания правовой реальности исключительно правовыми средствами²¹. Нормативный правовой акт при этом воспринимается как первопричина, порождающая правоприменительные и правореализационные акты²², легальность которых процессуально основана на соблюдении требований законодательства к форме актов и порядке их принятия и действия, а материально на основанности их содержания на норме позитивного права, конкретизируемой применительно к отдельному субъекту или отдельной ситуации.

Следствием позитивистского подхода к правообразованию в России является его осуществление в форме не столько правосанкционирования, сколько конструирования новых правил поведения, которые необходимы по мнению законодателя. Поэтому усиление вертикали во властной организации (например, Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской

¹⁷ См., например: *Катомина В. А.* Формализация справедливости в российском законодательстве // *Язык. Право. Общество* : сборник статей V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барабаш. Пенза: Пензенский государственный университет, 2018. С. 197–200.

¹⁸ Профессионализация права понимается в данном случае в контексте его ориентированности на использование в понятийном аппарате законодательства терминологии, характерной для иных сфер общественной жизни.

¹⁹ *Стоцкий А. П.* Использование неюридической терминологии в правовых актах России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 2 (86). С. 48–56.

²⁰ Федеральный закон от 30.12.2020 № 490-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О пчеловодстве в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 04.01.2021. № 1 (Ч. 1). Ст. 29.

²¹ *Kirste S.* The German Tradition of Legal Positivism // *Spaak T., Mindus P.* (eds.) *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 105–121.

²² *Kaaij H. D. S.* *The Juridical Act: A Study of the Theoretical Concept of an Act that aims to create new Legal Facts*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. 184 p.

Федерации»²³) и в правовой системе (расширение роли Конституции РФ²⁴ в правовом регулировании при одновременном снижении значения международного права, приведение в соответствие с новеллами Конституции РФ нормативного массива на федеральном и региональном уровне²⁵, усиление роли актов стратегического планирования как источников права не только доктринального, но и нормативного характера²⁶) выступает не только средством систематизации и формализации российского законодательства, но и призвано нормативно обеспечить его конкретизацию. Закон при этом используется как средство конститутивной легитимации управления обществом²⁷.

Хотя в настоящее время правовое регулирование предполагает учет не только легальности, но и легитимности нормативных правовых актов, зачастую государство в процессе правового конструирования устанавливает правила, которые являются новеллами не только онтологически, но и аксиологически, поскольку направлены на регулирование отношений, не только не существующих в действительности, но и не предполагаемых в социальной среде на уровне правовых ценностей. Примером попытки ценностной перестройки национального правосознания может служить проводимая в России антикоррупционная политика, нормативно рассматриваемая как важнейший элемент обеспечения безопасности не только государства, но и общества (п. 3 ст. 25 Стратегии национальной безопасности²⁸).

В определенной степени подобная деятельность основана на механистических идеях Нового времени о возможности не только рационального познания мира, но и построить новую социальную реальность на рациональных началах. Применительно к законодательству это выражается в господстве требований формальной логики²⁹, теоретически обосновываемой в юридической технике, и осуществлении юридической практики исключительно в форме применения нормативных правовых актов, ориентированных на минимально возможный уровень усмотрения правоприменителя.

В некоторой степени это соотносится с правовыми архетипами российского общества. Так, архетип соборности не только предполагает ориентацию на коллегиальное принятие решений, но и признание равенства субъектов горизонтальной коммуникации между собой и по отношению к адресанту в вертикальной коммуникации. Следовательно, идущая от адресанта правовая информация в равной степени подлежит реализации всеми субъектами коммуникации. Архетип этатизма также ориентирован на максимальное подчинение индивида государству, которое выступая в качестве адресанта коммуникации, воздействует на сознание и поведение

²³ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>,

²⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

²⁵ *Игнатенко В. А.* Конституционная реформа 2020 года и ее влияние на правовую жизнь российского общества // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 4 (94). Ч. 2. С. 88–91.

²⁶ *Ладейнова О. С.* Правовая природа программно-стратегических документов // *Образование и право*. 2019. № 3. С. 19–24.

²⁷ *Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Eckert Ju.* Chapter 1. Rules of Law and Laws of Ruling: Law and Governance between Past and Future // *Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Eckert Ju. (eds.) Rules of Law and Laws of Ruling: On the Governance of Law*. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2009. P. 1–30.

²⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 05.07.2021. № 27 (Ч. 2). Ст. 5351.

²⁹ *Klimczyk J.* Chapter 8. Normativity and Rationality: Framing the Problem // *Araszkiwicz M., Banaś P., Gizbert-Studnicki T., Płaszka K. (eds.) Problems of Normativity, Rules and Rule-Following* Cham: Springer International Publishing Switzerland, 2015. P. 95–112.

субъектов путем создания нормативных правовых актов, обеспечивая не только их охрану и поддержание правопорядка, но и удовлетворение их интересов, понимание которых властью обусловлено ее сакральным статусом.

Легитимность права при этом будет выражаться не столько в том, что отдельные законы регулируют отношения, связанные с удовлетворением социальных потребностей, сколько в издании их инстанцией, имеющей санкцию на осуществление действий, связанных с удовлетворением социальных интересов (заботой о гражданах). Данная санкция, хотя и опосредована социальной поддержкой в ходе избирательной кампании, носит сакральный характер, придающий правотворцу черты богоизбранности, отстраненности от основной массы народа и невозможности выступать в качестве адресата коммуникации. Однако этот образ не носит обобщенный характер и персонифицирован в личности Президента РФ³⁰. При этом как показывают социологические опросы потребность в сильной власти, а следовательно, и расширении государственного вмешательства в общественную жизнь остается на высоком уровне³¹.

Бюрократизация права представляет собой процесс увеличения количества, объема и детализации нормативных правовых актов, рационализации, формализации и конкретизации нормативного массива, направленный на конструирование максимально возможной в условиях данного социокультурного хронотопа беспроблемной и бесколлизивной правовой реальности. Характер и направление бюрократизации права определяются не только внутренней логикой развития правовой системы, но и ценностными факторами, на первом месте среди которых следует назвать господствующий в России нормативистский тип правопонимания и правовой архетип этатизма, характерный для российского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова А. И.* Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. — 2019. — № 8. — С. 25–35.
2. *Балахонский В. В., Марков С. М.* Денотация и коннотация как прием юридической техники // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 4 (92). — С. 10–17.
3. *Баранов В. М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. — М. : Блок-Принт, 2022. — 176 с.
4. Государство и общество: цели, приоритеты, императивы: Аналитический обзор // Официальный сайт ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 01.03.2022).
5. *Игнатенко В. А.* Конституционная реформа 2020 года и ее влияние на правовую жизнь российского общества // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — № 4 (94). Ч. 2. — С. 88–91.
6. *Катомина В. А.* Формализация справедливости в российском законодательстве // Язык. Право. Общество : сборник статей V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барабаш. Пенза: Пензенский государственный университет, 2018. — С. 197–200.

³⁰ *Суздальцева В. Н.* Образ власти в современных российских СМИ: вербальный аспект. М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. 252 с.

³¹ В феврале 2021 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел исследование взглядов россиян на цели и задачи государства в текущей ситуации, согласно которому «с утверждением, что главная обязанность государства - всегда заботиться обо всех и оказывать социальную поддержку, согласились 96 % опрошенных». При этом 65 % заявили, что роль государства в жизни общества должна вырасти (Государство и общество: цели, приоритеты, императивы: Аналитический обзор // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 01.03.2022).

7. *Краснов А. В.* К вопросу о пробелах в праве и способах их восполнения и преодоления // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. — 2018. — Т. 14. — С. 19–27.
8. *Ладейнова О. С.* Правовая природа программно-стратегических документов // Образование и право. — 2019. — № 3. — С. 19–24.
9. *Матвеева Л. Г.* Особенности законотворчества в транзитивном обществе // *Legea și viața*. — 2015. — № 8/3. — С. 49–53.
10. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона) / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2021. — 96 с.
11. *Пашенцев Д. А.* Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. — 2021. — № 5. — С. 72–75.
12. *Радейко Р. І.* Особливості формалізації права як стадії правотворчого процесу // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія «Юридичні науки». — 2014. — № 801. — С. 81–85.
13. *Селивановский И. С.* Акты, обладающие нормативными свойствами: благо или ошибка правового регулирования (признание квазинормативных актов в правовой системе России) // Юридическая мысль. — 2018. — № 5 (109). — С. 55–61.
14. *Стоцкий А. П.* Использование неюридической терминологии в правовых актах России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 2 (86). — С. 48–56.
15. *Суздальцева В. Н.* Образ власти в современных российских СМИ: вербальный аспект. — М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. — 252 с.
16. *Талапина Э. В.* Права человека в Интернете // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 41–54.
17. *Щелоков К. С.* Понятие бюрократизации права // История государства и права. — 2007. — № 12. — С. 17–19.
18. *Ávila H.* Certainty in Law. — Cham : Springer International Publishing Switzerland, 2016. — XVIII, 520 p.
19. *Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Eckert Ju.* Chapter 1. Rules of Law and Laws of Ruling: Law and Governance between Past and Future // *Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Eckert Ju. (eds.) Rules of Law and Laws of Ruling: On the Governance of Law.* — Farnham : Ashgate Publishing Limited, 2009. — P. 1–30.
20. *Kaaij H. D. S.* The Juridical Act: A Study of the Theoretical Concept of an Act that aims to create new Legal Facts. — Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. 184 p.
21. *Klimczyk J.* Chapter 8. Normativity and Rationality: Framing the Problem // *Araszkiwicz M., Banaś P., Gizbert-Studnicki T., Płeszka K. (eds.) Problems of Normativity, Rules and Rule-Following.* — Cham : Springer International Publishing Switzerland, 2015. — P. 95–112.
22. *Kirste S.* The German Tradition of Legal Positivism // *Spaak T., Mindus P. (eds.) The Cambridge Companion to Legal Positivism.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — P. 105–121.
23. *Stromseth J. E.* Post-Conflict Rule of Law // *Meierhenrich J., Loughlin M. (eds.) The Cambridge Companion to the Rule of Law.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — P. 513–537.

REFERENCES

1. *Abramova AI.* Podzakonnoe pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy [By-Law-Making in the Modern Understanding: Realities and Prospects]. *Journal of Russian Law.* 2019;8:25-35 (In Russ.).
2. *Balakhonsky VV, Markov SM.* The Denotation and the Connotation as a Logic Method in Legal Technique [Denotation and Connotation as a Method of Legal Technique]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii.* 2021;4(92):10-17 (In Russ.).
3. *Baranov VM.* «Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost»: sporny kontsept, mnimaya praktika, virtualnaya tekhnika: monografiya [«Positive legal responsibility»: controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph]. Moscow: Blok-Print Publ.; 2022 (In Russ.).

4. Gosudarstvo i obshchestvo: tseli, priority, imperativy: Analiticheskiy obzor [State and society: goals, priorities, imperatives: Analytical review]. Official website of Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-priority-imperativy> (Accessed: 01.03.2022) (In Russ.).
5. Ignatenko VA. Konstitutsionnaya reforma 2020 goda i ee vliyaniye na pravovuyu zhizn rossiyskogo obshchestva [Constitutional Reform 2020 and its Influence on the Legal Life of the Russian Society]. *International Research Journal*. 2020; 4(94):88-91 (In Russ.).
6. Katomina VA. Formalizatsiya spravedlivosti v rossiyskom zakonodatelstve [Formalization of justice in Russian legislation]. In: Barabash OV, editor. Language. Law. Society. Collection of articles of the 5th International Scientific and Practical Conference. Penza: Penza State University; 2018 (In Russ.).
7. Krasnov AV. K voprosu o probelakh v prave i sposobakh ikh vospolneniya i preodoleniya [To a question on blanks in the law and ways of their completion and overcoming]. *Proceedings of the Kazan branch of the Russian State University of Justice*. 2018;14:19-27 (In Russ.).
8. Ladeynova OS. Pravovaya priroda programmno-strategicheskikh dokumentov [Legal Nature of Program and Strategic Documents]. *Education and Law*. 2019;3:19-24 (In Russ.).
9. Matveeva L. G. Osobennosti zakonotvorchestva v tranzitivnom obshchestve [Features of lawmaking in a transitive society]. *Leges ni viaja*. 2015;8/3: 49-53 (In Russ.).
10. Khabrieva TYa, Tikhomirov YuA, et al. O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiyskoy Federatsii (proekt federalnogo zakona) [On regulatory legal acts in the Russian Federation (draft federal law)]. 6th ed. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2021 (In Russ.).
11. Pashentsev DA. Modeli pravotvorcheskoy deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovizatsii [Models of Law-Making Activity in the Conditions of Digitalization]. *Education and Law*. 2021;5: 72-75 (In Russ.).
12. Radeyko RI. Osoblivosti formalizatsii prava yak stadii pravotvorchogo protsesu [Special formalization of the law as a stage of the law-making process]. *Bulletin of the National University «Lviv Politechnika». Ser. Legal Sciences*. 2014;801: 81-85 (In Ukr.).
13. Selivanovsky IS. Akty, obladayushchie normativnymi svoystvami: blago ili oshibka pravovogo regulirovaniya (priznanie kvazinormativnykh aktov v pravovoy sisteme Rossii) [Acts having normative properties: the benefit or error of legal regulation (recognition of quasi-normative acts in the legal system of Russia)]. *Juridicheskaya mysl*. 2018;5(109): 55-61 (In Russ.).
14. Stotskiy AP. Ispolzovanie neyuridicheskoy terminologii v pravovykh aktakh Rossii [Use of non-Legal Terminology in Legal Acts of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*. 2020;2(86): 48-56 (In Russ.).
15. Suzdaltseva VN. Obraz vlasti v sovremennykh rossiyskikh SMI: verbalnyy aspekt [The image of power in modern Russian media: a verbal aspect]. Moscow: Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University; 2017 (In Russ.).
16. Talapina EV. Prava cheloveka v Internetе [Human Rights on the Internet]. *Journal of Russian Law*. 2019;2:41-54 (In Russ.).
17. Shchelokov KS. Ponyatie byurokratizatsii prava [The concept of bureaucratization of law]. *History of the State and Law*. 2007;12:1719 (In Russ.).
18. Ávila H. Certainty in Law. Cham: Springer International Publishing Switzerland; 2016.
19. Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Eckert Ju. Chapter 1. Rules of Law and Laws of Ruling: Law and Governance between Past and Future. In: Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Eckert Ju., editors. Rules of Law and Laws of Ruling: On the Governance of Law. Farnham: Ashgate Publishing Limited; 2009. 1—30.
20. Kaaij H D S. The Juridical Act: A Study of the Theoretical Concept of an Act that aims to create new Legal Facts. Cham: Springer Nature Switzerland AG; 2019.
21. Klimczyk J. Chapter 8. Normativity and Rationality: Framing the Problem. In: Araszkievicz M., Banaś P., Gizbert-Studnicki T., Pleszka K, editors. Problems of Normativity, Rules and Rule-Following. Cham: Springer International Publishing Switzerland; 2015.
22. Kirste S. The German Tradition of Legal Positivism. In: Spaak T, Mindus P, editors. The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press; 2021.
23. Stromseth JE. Post-Conflict Rule of Law. Meierhenrich J, Loughlin M, editors. The Cambridge Companion to the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press; 2021.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИИ

Багдасарян Сусанна Джамиловна, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института, доктор исторических наук, доцент
127427, Россия, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4
bsd73@mail.ru

© Багдасарян С. Д., 2022

***Аннотация.** Статья посвящена историко-правовой эволюции института частного обвинения в российской правовой системе. Цель исследования проследить развитие право человека на защиту личности, своих интересов в судебном процессе в историко-правовой перспективе. Судебной реформе в России уже более 30 лет, анонсирована была еще Правительством РСФСР с целью демократизировать процессуальное законодательство в соответствии с преобразованиями в стране и необходимостью повышения правовой культуры граждан, законности и правопорядка. В дальнейшем судебная реформа воплотилась в систему юридических документов для реализации государственной стратегии. Исследование подчеркивает определенные успехи в развитии правотворчества, особенностей применения уголовно-процессуальных норм, что позволяет актуализировать рассмотрение института частного обвинения в современном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, как развитие состязательного начала и реализацию принципа равенства сторон. Рассматривается эволюция института частного обвинения в уголовном законодательстве страны от момента формирования в древнерусском законодательстве, развитии в судебниках 1497 г., 1550 г., Соборном уложении 1649 г. и первом Уголовном кодексе Российской империи 1845 г. Автор выделяет в XX в. четыре хронологических этапа: 1917–1923 гг.; 1923–1960 гг.; 1960–1997 гг. и современный этап с принятием в 2001 г. уголовного процессуального кодекса. Историко-правовой обзор позволил проанализировать эволюцию института частного обвинения в отдельный вид уголовно-процессуальной деятельности для защиты прав и свобод личности, реализации право на отстаивание своих интересов в судебном порядке.*

***Ключевые слова:** эволюция, российская правовая система, уголовно-процессуальное законодательство, институт частного обвинения, права и свободы граждан.*

EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF PRIVATE PROSECUTION IN RUSSIA

Susanna Dz. Bagdasaryan, Dr. Sci. (History), Associate Professor; Professor, Department of Theory of Law and State-Legal Disciplines, International Law Institute
ul. Kashenkin lug, d. 4, Moscow, Russia, 127427
bsd73@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and legal evolution of the institution of private prosecution in the Russian legal system. The purpose of the study is to trace the development of the human right to protect the individual, his interests in the judicial process in a historical and legal perspective. Judicial reform in Russia has been more than 30 years old, it was announced by the Government of the RSFSR in order to democratize procedural legislation in accordance with the transformations in the country and the need to improve the legal culture of citizens, law and order. Further, the judicial reform was embodied in a system of legal documents for the implementation of the state strategy. The study highlights certain successes in the development of law-making, the peculiarities of the application of criminal procedural norms, which makes it possible to actualize the consideration of the institution of private prosecution in the modern criminal procedural legislation of the Russian Federation, as the development of the adversarial principle and the implementation of the principle of equality of the parties.

The article considers the evolution of the institution of private prosecution in the criminal legislation of the country from the moment of formation in the Old Russian legislation, the development in the court books of 1497, 1550, the Cathedral Code of 1649 and the first Criminal Code of the Russian Empire of 1845. The author identifies four chronological stages in the 20th century: 1917 — 1923; 1923 — 1960; 1960 — 1997 and the modern stage with the adoption of the Criminal Procedure Code in 2001. The historical and legal review made it possible to analyze the evolution of the institution of private prosecution into a separate type of criminal procedural activity for the protection of individual rights and freedoms, the realization of the right to defend their interests in court.

Keywords: evolution, Russian legal system, criminal procedure legislation, institute of private prosecution, rights and freedoms of citizens.

Исторический обзор развития российского уголовно-процессуального законодательства позволяет проследить становления современных институтов правовой системы. Институт частного обвинения реализует право граждан на защиту своих интересов в публичном и частном пространстве, отсюда его исследование остается актуальным¹ в условиях развития демократического правового государства.

Рассмотрим дискуссию о его проекции в российском уголовном процессуальном законодательстве. Правовыми источниками судебного преследования на территории древнерусских земель исторически принято определять Русскую Правду, как свод правовых обычаев и судебных прецедентов; дошедшие договоры между Древней Русью и Византией, а также удельные уставные грамоты.

Е. А. Рубинштейн в своем диссертационном исследовании провел анализ развития института и указал², что начальным звеном развития института примирения надо считать побратимство в целях ограничения закона кровной мести в общинном устройстве, зафиксированное в ранних летописных источниках. Исследователь О. Х. Гаева³ пишет, что данное правовое явление получило властную реализацию при становлении государственного начала и ограничения самосуда. Для оформления судебной власти были созданы предпосылки, при которых подразумевались несколько возможностей отправления иска: например, действия мстительного характера с потерпевшей стороны считалась вполне в русле закона, и не рассматривалось

¹ Игнатова Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики : монография. М. : Юрлитинформ. 2020. С. 200.

² Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 11.

³ Гаева О. Х., Хайрусов Д. С. Историко-правовой аспект развития института примирения // История государства и права. 2008. № 6 С. 30.

обратное действие со стороны преступника, также была определена защита властных структур относительно договоренности между нарушившим закон человеком и его жертвой.

А. Л. Корякин⁴, исследовавший источники раннего феодального периода, подчеркнул, что Русская Правда явилась новым актом правового урегулирования. Главная особенность судебного разбирательства, что его участники являлись физическими лицами, государство не понималось как субъект права.

Согласно Русской Правде правонарушения рассматривались, как действия определенного человека, повлекшие причинение материального, физического или морального ущерба лицу. В Правде присутствует институт примирения сторон в присутствии судьи (князя, наместника), который брал в свою пользу судебную пошлину за разбор дела. Потерпевшая сторона в случае положительного судебного решения получала возмещение ущерба в 12 гривен.

Во втором источнике Псковской судной грамоте удельного периода, совершение преступных действий в общественном месте не обязательно влекло судебное разбирательство, если стороны приходили к примирению пишут исследователи Звонов и Журавлева⁵. В подобных ситуациях участники конфликтной ситуации были освобождены от выплаты штрафа.

Согласно нормам Двинской уставной грамоты конца XIV в. Московского княжества примирение сторон разрешалось сразу после насильственных действий в случае публичных действий, т.е. совершенных в общественном месте. В случае спорной ситуации привлекались княжеские наместники, которые за судебное разбирательство требовали оплатить судебные пошлины в казну⁶.

В конце XV в. после политической раздробленности общерусском Судебнике 1497 г. в целях унификации законодательства и введения единой системы судов такой институт применялся в случае, когда противодействующие оппоненты сами объявляли об этом на процессе. В таком случае к ответственности ни одна сторона не привлекалась, а противники обязаны были оплатить лишь судебные издержки. Факт взаимного примирения сторон становился легитимным и до процессуального действия без вызова судебного пристава, но с оплатой пошлин.

В судебниках Московского государства (1497, 1550) описывались этапы судебного разбирательства по преследованию людей, подозреваемых в грабеже, татьбе и оскорблении других лиц. В подобных случаях для открытия судебного процесса являлся лишь иск от потерпевшей стороны. Во втором Царском Судебнике вводилась ст. 26 «об оскорблении лиц»⁷, которая позволяла применить примирение сторон только до суда или в самом процессе, но с участием государства. Царский Судебник закрепил розыскной процесс, как ведущий и примирение сторон было исключением для дел по жалобам потерпевших⁸. Эта практика сохранялась в последующих этапах развития уголовного права и процесса XVII–XVIII вв., не менялось сущность обвинительного процесса.

Новый этап развивался в условиях проведения кодификационной работы во второй четверти первой половине XIX в. на основе анализа российской практики и иностранных источников и увенчался выпуском в 1845 г. «Уложения о наказаниях

⁴ Корякин А. Л. История развития и становления института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3. С. 229.

⁵ Звонов А. В., Журавлева Ю. В. Система уголовных наказаний по законодательству Древней Руси // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 2. С. 57.

⁶ Шараева Я. А. Примирение как культурно-исторический феномен // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 641.

⁷ Омельченко С. С. Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI–XVII вв. // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 242.

⁸ Ананьева Н. Г. Ответственность за деяния, нарушающие частный интерес, по Судебнику 1550 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». Тольятти 2011. № 3. С. 14.

уголовных и исправительных», который стал фактически первым уголовным кодексом. Именно в общей части и раскрывались права физического лица, ставшего потерпевшим в случае различных оскорблений (ст. 1533, 1534), навета (ст. 1535)⁹ на обращение в суд и выступление в качестве обвинителя. Следующей вехой в развитии российского процессуального права главной вехой стала судебная реформа 1864 г., которая закрепила демократические принципы: независимость суда, отделение его от администрации, гласность, состязательность, несменяемость судей. Одним из достижений стало создание института мирового судопроизводства. По Уставу 1864 г.¹⁰ дела о формах оскорбления личности, ее чести и достоинства, унижении, оценка насилия могла производиться с процедурой примирения сторон.

В 1891 г. в рамках проведения судебной реформы Александром III примирительное производство стало компетенцией земских участковых начальников и судебных следователей, что нарушало принцип отделения суда от администрации¹¹. И только в 1913 г. мировое судопроизводство было восстановлено с правом рассмотрения дел с частным обвинением.

Революция 1917 г. привела к оформлению советской судебной системы, которая отказалась от предшествующей правовой практики и принципов уголовного судопроизводства по судебной реформе 1864 г.

Понятие качества частных процессуальных дел было упомянуто в первых материалах советского законодательства. В Формуляре Кассационного отдела ВЦИК от 06.10.1918¹² давалось указание на то, что процессы, которые могут возбуждаться лишь по иску потерпевшей стороны, впредь будут подвергаться рассмотрению судами на местах, если не будет доказан бандитский заговор подобных правонарушений, или смогут доказать их цель, направленную на уничтожение Советской власти средством оскорбительных действий и принижения ее представителей¹³. В 1918 г. был опубликован Декрет «О третейском суде»¹⁴, в связи с данным документом все преступные дела частного характера должны передаваться на дальнейшее рассмотрение третейских судов. Кроме того, была допущена возможность рассмотрения ситуаций частного обвинения общественными судами¹⁵.

Кодификация права 1922–1923 гг. восстановила институты прокуратуры, адвокатуры на основе советских идеологических и концептуальных подходах в трактовании сущности уголовного права. Согласно УПК РСФСР 1922 г. дела частного обвинения (угрозы, оскорбления и др.) могли быть по заявлению потерпевшей стороны, которая получила право поддерживать обвинение в товарищеских судах. Практика частного обвинения прекращалась, если потерпевшая сторона шла на примирение. В кодексе

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 174–309.

¹⁰ *Минулин Р. М.* Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон по Уставу уголовного судопроизводства / Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень : Издательство Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, 2016. С. 247.

¹¹ *Александрова О. П., Борвичкова Н. В.* Историко-правовые основы формирования и развития уголовного судопроизводства по делам частного обвинения и примирительных процедур по ним // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика. Право. Управление». 2016. № 3. С. 132.

¹² Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: Сб. документов. М., 1955. С. 58–59.

¹³ *Жирова М. Ю.* Развитие представлений о частном обвинении в истории российского уголовного процесса (советский период) // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1–2. С. 136.

¹⁴ Декрет ВЦИК от 16.02.1918 «О третейском суде» // Сб. документов. М., 1955. С. 366.

¹⁵ *Дорошков В. В.* Частное обвинение и этапы его развития в России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 67.

уже четко указывались правила вынесения судебного решения по таким делам и участие прокурора в целях защиты прав советских граждан.

В 1929 г. в производственных организациях, различных советских учреждениях были созданы товарищеские суды, чтобы разбирать конфликты на месте. В компетенцию отнесли оскорбления, клевету на рабочих местах и измены в семейно-бытовой сфере служащих и рабочих.

Следующий этап это судебная реформа 1930 гг. Указом ВЦИК, СНК РСФСР от 30.06.1931 «Об организации товарищеских судов»¹⁶ при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах предшествующие комиссии прекращали работу и все бытовые коммунальные споры советских граждан передавались вновь организованным товарищеским судам. Если в такие дела по жалобам советских граждан подключались органы прокуратуры, то отмечает А. А. Гайдуков в своем исследовании¹⁷, процесс уже не будет завершаться примирением сторон. Им же подчеркнута, что кодификация права 1960 гг. и принятие УПК РСФСР 1960 г. процедуру не изменило. На основании проведенного историко-правового анализа развития уголовно-процессуального законодательства советского государства можно констатировать, что основополагающим было развитие института общественного участия.

Исследователи резюмируют, что новый этап уже связан с судебной реформой современной России и введением УПК РФ в 2001 г. В соответствии со ст. 25 УПК РФ¹⁸ участники конфликта могут воспользоваться институтом примирения по обращению потерпевшей стороны, либо ее законного представителя. В указанной статье законодатель подчеркивает, что это правонарушения малой и средней тяжести. В уголовном процессе предмет обвинения рассматривается, как ответственность соответствующих юридических институтов и представителей должностного состояния, потерпевшей стороны, либо ее законного поверенного. Цель состоит в подтверждении или доказательстве степени виновности ответчика в реализации рассматриваемого акта.

В системе обвинительного процесса часто появляются вопросы, которые в результате процесса выносятся на обсуждение представителей участвующих сторон. Значительная роль тогда и принадлежит институту обвинения частного характера. Факт обвинения предлагается определить, как подтверждение заверенных участников судебного разбирательства о причастности истца в исполнении противоправного акта и доказательство подобного заключения через систему формулирования, обоснования и представленных доказательств¹⁹.

Законодатель в зависимости от уровня предполагаемой общественной опасности правонарушения закрепляет в ст. 20 УПК РФ²⁰ формы уголовного преследования: публичный, частно-публичный и частный. На основании этого частное обвинение отнесено к праву потерпевшего реализовывать право на уголовное преследование другого лица, которое совершило в отношении его правонарушение.

¹⁶ Указ Президиума ВС РСФСР от 03.07.1961 «Об утверждении Положения о товарищеских судах». URL: <http://onsultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁷ Гайдуков А. А. Взаимодействие органов внутренних дел и товарищеских судов по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: историко-правовой аспект // Алтайский юридический вестник. Барнаул: Издательство Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации 2016. № 14. С. 56.

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-Ф (ред. 21.12.2021 № 426-ФЗ. // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 ; Российская газета. 2021. № 294. 27 декабря.

¹⁹ Чевердюк О. Г. К вопросу о понятии обвинения как правового института в современной модели российского уголовного процесса // Молодой ученый Казань. 2016. № 18 (122). С. 374.

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-Ф (ред. 21.12.2021 № 426-ФЗ. // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 ; Российская газета. 2021. № 294. 27 декабря.

В исследовательских работах последнего десятилетия предлагаются авторские дефиниции трактования и применения института частного обвинения. На взгляд автора, наиболее детальную трактовку дискурса привел в своей диссертационной работе А. Л. Корякин²¹, приведя мнения ведущих специалистов:

- «личное индивидуальное средство правовой защиты обозначенных государством составов преступлений, применение которого является субъективным специфическим правом гражданина, которым он волен распоряжаться в полном объеме, включая распоряжение предъявленным обвинением» (В. М. Савицкий);
- «особый процессуальный порядок рассмотрения дел обозначенной категории, а также как форма упрощенного производства в рамках дифференциации уголовного процесса» (Ю. К. Якимович).

Таким образом, в теории и истории правовых исследований²² частное обвинение анализируется в следующей схеме:

- во-первых, как совокупность определенных уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок уголовного преследования;
- во-вторых в рамках заявления потерпевшего лица, которое приравнивается к обвинительному акту дознавателя, которым определяются пределы судебного следствия;
- в-третьих, как специфический порядок проведения судопроизводства, в ходе которого может быть принято встречное заявление обвиняемого.

Следовательно, необходимо выделить процессуальную составляющую и уголовно-правовую для характеристики сущности института:

- потерпевшая сторона обладает возможностью лично составить обращение к судье с заявлением;
- досудебные фазы процесса не присутствуют;
- потерпевшая сторона имеет права, которые обладают диспозитивным характером;
- в судебном процессе имеет право принимать участие частный обвинитель, уполномоченный к отправлению и поддержанию обвинения именно по классам уголовных дел частного обвинения;
- потерпевшая сторона имеет право объявить об акте примирения с обвиняемой стороной, таким образом, процесс заканчивается²³.

Обеспечение возможности потерпевшей стороне лично направлять обращение в судебные инстанции позволяет гражданину апеллировать к правосудию, экономит его время, которое неизбежно будет потрачено на попытку привлечения виновной стороны к судебной ответственности.

Сроки для разрешения процессуальных дел частного обвинения могут быть значительно сокращены благодаря тому, что не возникает необходимость в досудебных этапах процессуального рассмотрения дела. Диспозитивность института частного обвинения дает возможность потерпевшей стороне в индивидуальном характере находить подходы при обращении в судебные органы, о применении к виновной стороне мер, предусмотренных уголовным законодательством либо об акте примирения с оппонентом. Подобные действия потерпевшая сторона в состоянии определять для себя без привлечения законных представителей государственных органов.

Содержание частного обвинения аналогично институту частно-публичного обвинения в том, что преследование в уголовном порядке иницируется лишь после подачи заявления в органы потерпевшей стороной.

Среди вышеуказанных институтов наблюдаются и различия: при оформлении акта о примирении потерпевшей стороны с обвиняемой производство частно-публичного

²¹ Корякин А. Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 221 с.

²² Дорошков В. В. Частное обвинение и этапы его развития в России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 66–69.

²³ Ухова Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2004. С. 110.

обвинения не заканчивается, хотя сам факт примирения сторон принимается в усмотрение при оглашении итогового решения по делу судом.

Уголовные дела частного и частно-публичного обвинения подлежат возбуждению и без заявления потерпевшей стороны, но для этого необходимы существенные обоснования, а ответственное лицо подобные обоснования называет субъективными или оценочными понятиями²⁴.

Решение о возбуждении уголовного дела частного обвинения без заявления потерпевшей стороны могут принимать следователи, руководители следственных органов и отделов, прокурор. Дознаватель тоже имеет право возбудить уголовное преследование частного обвинения без заявления потерпевшей стороны, но для этого необходима санкция прокурора, следовательно, можно понять, что дознаватель не обладает полной самостоятельностью в подобном вопросе. Разрешение законодателя, содержащееся в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, дает право соответствующим органам защищать права и интересы граждан, которые не имеют возможности самостоятельно сделать это, так считает А. Л. Корякин²⁵.

В настоящее время уголовные дела частного обвинения возбуждаются по ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ²⁶. Статья 116.1 УК РФ содержит следующую норму: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 настоящего Кодекса, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние»²⁷.

По поводу увеличения или сокращения списка категорий правонарушений частного обвинения в исследовательских работах не наблюдается единства мнений авторов²⁸. Раскроем эти противоречия на основании теоретических работ советских и российских ученых.

Под уголовными делами частного характера подразумеваются следующие следственные процессы, предусмотренные ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности), ч. 1 ст. 128.1 (клевета, т. е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию) УК РФ, которые подлежат возбуждению только в случае подачи письменного обращения потерпевшей стороны, либо законного уполномоченного. В диссертационных исследованиях юристов-процессуалистов²⁹

²⁴ *Игнатова Е. А.* Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики : монография. М. : Юрлитинформ. 2020. С. 200.

²⁵ *Корякин А. Л.* Институт частного и частно-публичного обвинения в редакции Федерального закона РФ от 03.07.2016 № 323-ФЗ. // Алтайский юридический вестник. 2017. № 18. С. 119.

²⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 28 января 2022 г. № 3-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. I). Ст. 2235 ; Российская газета. 2022. № 20. 31 января.

²⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 28 января 2022 г. № 3-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. I). Ст. 2235 ; Российская газета. 2022. № 20. 31 января.

²⁸ *Грохотова Е. А.* Социально-нравственное значение выделения уголовных дел частного обвинения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право. 2012. № 2–1. С. 54–57.

²⁹ *Мухтасипова Т. Н.* Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 20 ; *Старовойтов А. А.* Особенности производства по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 149 ; *Степанова В. Г.* Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 224 и др.

обязательно проводится анализ обстоятельств, ведущих к обсуждению проблемы возбуждения дел:

- 1) выявление правовой природы правонарушений, которые связаны с посягательством на права граждан субъективного характера, на достоинство, честь и здоровье;
- 2) невозможность четкого понимания не только угрозы для общества самого преступления и установление степени вины личности, но, как очень часто бывает — определение уровня состава преступления без учета мнения субъективного характера потерпевшей стороны;
- 3) проблему в том, что процессы частного обвинения касаются обычно интересов очерченного количества людей: членов семьи, родственников, знакомых, соседей по дому, товарищей и друзей, коллег и происходят зачастую на почве возникновения противоречий бытового характера;
- 4) отсутствие потребности в расследовании по предварительным факторам;
- 5) сам факт допущения подобных правонарушений, который может позволить самим пострадавшим, субъективно определить в каждом случившемся эпизоде, есть ли право по требованию к привлечению обвиняемой стороны к уголовному процессу, либо существует возможность выйти из конфликтной ситуации без обращения к официальным структурам;
- 6) низкий уровень владения материалами дела;
- 7) вероятно, малый уровень общественной угрозы по сравнению с правонарушениями, преследование которых осуществляется в виде обвинения государственного характера;
- 8) цель законодателя установить следующую процедуру судебного процесса, которая способна привести к наиболее объективному наказанию виновной стороны и наиболее действенную защиту законных требований потерпевшей стороны.

Свой вариант классифицирования положений для возбуждения процессуальных актов по факту обвинения частного характера предлагает Е. И. Аникина³⁰:

- соответственно, небольшой уровень тяжести и угрозы обществу подобных правонарушений;
- вышеуказанные деяния являются посягательством на права граждан субъективного характера, на их достоинство, честь и здоровье, представляют собой одинаковый вид преступного намерения;
- процессы обвинения частного порядка касаются интересов очерченного количества людей: членов одной семьи, родственников, знакомых, соседей по дому, товарищей и друзей, коллег по работе и происходят зачастую на почве возникновения противоречий бытового характера.

К материально-правовым определениям решения по вопросам обвинения частного характера в отдельный подвид уголовного преследования, а процессы обвинения частного характера в иную классификацию процессуальных актов необходимо определить предлагает В. В. Дорошкова³¹:

- особые мотивы правонарушений, затрагивающих дела по обвинению частного характера, затрагивающие главным образом не общественные, а личные интересы сторон конфликта в области определенных публичных обстоятельств (на бытовой почве, в рамках семьи, родственные споры, дружеские отношения);
- незначительный уровень общественной угрозы подобных правонарушений;
- для доказательства совершения подобного правонарушения необходимо объективное оценивание степени потерпевшей стороны;
- вероятность выхода из конфликтной ситуации обеими сторонами и избежание уголовного преследования за проступки для прекращения спора (примирение сторон) для того, чтобы не причинить гораздо значительного урона

³⁰ Аникина Е. И. Производство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2000. С. 175.

³¹ Дорошкова В. В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения : монография М. : Норма, 2001. С. 272.

пострадавшей стороне самим фактом вынесения на суд общества проступка, а не только правонарушением.

К основаниям процессуального характера В. В. Дорошков относит: вероятность представления доказательной базы без осуществления действий предварительного характера из-за привлечения в качестве доказательной базы показания очевидцев совершенного правонарушения; обязанность нести ответственность за показания потерпевшей стороны для объективного вынесения решения по процессуальному делу, ведь именно он выбирает направление процесса, выдвигает обвинение. Цель для получения объективного следования процесса через увеличение активной позиции лиц и невозможности уголовного преследования всех граждан, замешанных в правонарушении, или есть возможность предположения каких-то скрытых фактов.

Необходимо остановиться и на исследовательской работе В. В. Струковой³², которая затрагивает следующие дефиниции. Определяет — мотивы правонарушений, подтверждающими подобное определение. Один из аспектов вопроса — это концепция частного деликта, имеющая свои истоки еще в законодательстве Древнего Рима. В основе находится предположение о существовании определенного вида правонарушения, которые не обращают на себя внимание со стороны государственных органов, так как они затрагивают интересы сугубо частных людей определенного круга, т.е. не представляют угрозы для государственности. Тем не менее исследователь подчеркивает, что такая позиция несовершенна для развития правовой системы, не обеспечивает принцип законности и предлагает гипотезу выделения в отдельный вид правонарушений, не имеющих для государства опасности, но такой подход является дискуссионным.

Итогами подведения различных аспектов взгляда на проблему обвинения частного характера говорит о том, что вышеуказанные процессуальные акты вызывают неподдельный интерес у юристов и исследователей.

Следовательно развитие института частного обвинения необходимо для повышения правовой культуры граждан, так как позволяет стать механизмом защиты личности и фактором реализации конституционного права. Основным положением нам представляется стремление потерпевшей стороны для возбуждения преследования по факту правонарушения и дальнейшее совершенствование механизма применения института частного обвинения.

Вместе с тем реализация ч. 4 ст. 20 УПК РФ не возможно без профессиональной деятельности правоохранительных органов и его полномочных лиц, которые с санкции органов прокурорского надзора имеют право осуществлять расследование по факту нарушения уголовного законодательства, даже в случаях отсутствия письменного заявления потерпевшей стороны:

- 1) имело место правонарушения по отношению к гражданину, находящемуся в состоянии невозможности защитить себя, либо по иным причинам (недееспособность, состояние здоровья и др.);
- 2) лицо не знает правонарушителя, что не позволяет потерпевшей стороне приступить к самостоятельной защите своих прав и интересов. Подобный пункт уголовно-процессуального закона понимается как еще один гарант для осуществления объективного исполнения своего права на защиту. Форма упрощенного характера процессуальной практики по уголовному преследованию по факту обвинения частного характера позволяет обеспечить оперативное рассмотрение обращения лица в суд и таким образом реализовать право на защиту личности.

Наличие возможности не организовывать проведение расследования предварительного характера дает возможность ускоренного разбирательства по правонарушению по факту обвинения частного характера, таким образом предполагает наибольший эффект работы с общественностью. Относительная несложность судебного процесса, однако при четком исполнении предписанных процессуальных процедур обеспечивает населению надежность и гарантию охраны и соблюдения их

³² Струкова В. В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 123.

прав и свобод. Само существование подобного процесса дает стимул для повышения правовой культуры граждан.

Следовательно, уголовные дела обвинения частного характера обладают различиями в следующем, то, что они подлежат к производству в результате письменного обращения потерпевшей стороны, которое необходимо подать в правоохранительные органы или в судебную инстанцию. Рассмотрение дел подобного качества могут быть прекращены в итоге акта примирения конфликтующих сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александрова О. П., Борвичкова Н. В.* Историко-правовые основы формирования и развития уголовного судопроизводства по делам частного обвинения и примирительных процедур по ним // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика. Право. Управление». — 2016. — № 3. — С. 130–135.
2. *Ананьева Н. Г.* Ответственность за деяния, нарушающие частный интерес, по Судебнику 1550 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». — 2011. — № 3. — С. 12–17.
3. *Аникина Е. И.* Производство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. — Саранск, 2000. — 171 с.
4. *Гайдуков А. А.* Взаимодействие органов внутренних дел и товарищеских судов по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: историко-правовой аспект // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 14. — С. 54–61.
5. *Грохотова Е. А.* Некоторые проблемы процедуры возбуждения уголовного дела частного обвинения // Наука и современность. — 2011. — № 13–3. — С. 199–202.
6. *Дорошков В. В.* Частное обвинение и этапы его развития в России // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 3. — С. 66–69.
7. *Дорошков В. В.* Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения : монография. — М. : Норма. — 2001. — 272 с.
8. *Жирова М. Ю.* Особенности доказывания по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2012. — 272 с.
9. *Игнатова Е. А.* Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики : монография. — М. : Юрлитинформ. — 2020. — С. 200.
10. *Корякин А. Л.* Институт частного и частно-публичного обвинения в редакции Федерального закона РФ от 03.07.2016 № 323-ФЗ. // Алтайский юридический вестник. — 2017. — № 18. — С. 118–123.
11. *Корякин А. Л.* Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2016. — 221 с.
12. *Корякин А. Л.* История развития и становления института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2013. — № 3 (36). — С. 225–233.
13. *Минулин Р. М.* Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон по Уставу уголовного судопроизводства / Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Тюмень : Издательство Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, 2006. — 245–249.
14. *Мухтасипова Т. Н.* Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2004. — 143 с.
15. *Рубинштейн Е. А.* Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон : дис. ... канд. юрид. наук. — Ставрополь, 2004. — 265 с.
16. *Старовойтов А. А.* Особенности производства по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 149 с.
17. *Степанова В. Г.* Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения : дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, — 2008. — 224 с.

18. Струкова В. В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 196 с.
19. Ухова Е. В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир. — 2004. — 208 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova OP, Borvichkova NV. Istoriko-pravovye osnovy formirovaniya i razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva po delam chastnogo obvineniya i primiritelnykh protsedur po nim [Historical and legal basis of formation and development criminal proceedings in cases of private prosecution and conciliation procedures thereon]. *Vestnik of Pskov State University. Series: Economics. Law. Management*. 2016;3:130-135 (In Russ.).
2. Ananyeva NG. Otvetstvennost za deyaniya, narushayushchie chastnyy interes, po Sudebniku 1550 goda [Responsibility for acts violating private interest, according to the Court Book of 1550]. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 2011;3(3):12-17 (In Russ.).
3. Anikina EI. Proizvodstvo po delam chastnogo obvineniya [Proceedings on cases of private prosecution]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Saransk; 2000 (In Russ.).
4. Gaidukov AA. Vzaimodeystvie organov vnutrennikh del i tovarishcheskikh sudov po preduprezhdeniyu pravonarusheniy v sfere semeyno-bytovykh otnosheniy: istoriko-pravovoy aspekt [Interaction of internal affairs bodies and friendly courts for the prevention of offenses in the sphere of family and household relations: historical and legal aspect]. *Altai Law Journal*. 2016;14:54-61 (In Russ.).
5. Grokhotova EA. Nekotorye problemy protsedury vzbuzhdeniya ugovnogo dela chastnogo obvineniya [Some problems of the procedure for initiating a criminal case of private prosecution]. *Nauka i sovremennost*. 2011;13-3:199-202 (In Russ.).
6. Doroshkov VV. Rukovodstvo dlya mirovykh sudey. Dela chastnogo obvineniya: Monografiya [A guide for magistrates. Private prosecution cases: Monograph]. Moscow: Norma Publishing House; 2001 (In Russ.).
7. Doroshkov V. V. Chastnoe obvinenie i etapy ego razvitiya v Rossii [Private prosecution and stages of its development in Russia]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;3:66-69 (In Russ.).
8. Ignatova EA. Uproshchennaya forma dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu: voprosy teorii, zakonodatelstva i praktiki: Monografiya [Simplified form of pre-trial proceedings in a criminal case: issues of theory, legislation and practice: Monograph]. Moscow: «Yurlitinform» Publ.; 2020 (In Russ.).
9. Zhirova MYu. Osobennosti dokazyvaniya po delam chastnogo obvineniya. Dis... kand. yurid. nauk [Features of evidence in cases of private prosecution. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Samara; 2012 (In Russ.).
10. Koryakin AL. Institut chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya v redaktsii Federalnogo zakona RF ot 3 iyulya 2016 g. № 323-FZ. [Institute of Private and Public-Private Prosecution as amended by Federal Law of the Russian Federation No. 323-FZ of July 3, 2016]. *Altai Law Journal*. 2017;18:118-123 (In Russ.).
11. Koryakin AL. Institut chastnogo obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve. Dis... kand. yurid. nauk [Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Omsk; 2016 (In Russ.).
12. Koryakin AL. Istoriya razvitiya i stanovleniya instituta chastnogo obvineniya v ugovnom protsesse Rossii, problemy chastnogo obvineniya i puti resheniya [The history of the development and formation of the institution of private prosecution in the criminal process of Russia, the problems of private prosecution and solutions]. *Herald of Omsk University. Series: Law*. 2013;3(36):225-233 (In Russ.).
13. Minulin RM. Prekrashchenie ugovnykh del v svyazi s primirenem storon po Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva [Termination of criminal cases in connection with the reconciliation of the parties under the Statute of criminal proceedings]. In: Improving the

- activities of law enforcement agencies to combat crime in modern Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law; 2006 (In Russ.).
14. Mukhtasipova TN. Mekhanizm realizatsii funktsii chastnogo obvineniya v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve [Mechanism of implementation of the function of private prosecution in Russian criminal proceedings]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Chelyabinsk; 2004 (In Russ.).
 15. Rubinstein EA. Normativnoe regulirovanie instituta prekrashcheniya ugolovnykh del v svyazi s primireniem storon [Regulatory regulation of the institution of termination of criminal cases in connection with the reconciliation of the parties]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Stavropol; 2004 (In Russ.).
 16. Starovoitov AA. Osobennosti proizvodstva po delam chastnogo obvineniya [Features of the proceedings in cases of private prosecution]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Moscow; 2016 (In Russ.).
 17. Stepanova VG. Ugolovnoe sudoproizvodstvo po delam chastnogo obvineniya [Criminal proceedings in cases of private prosecution]. Cand. Sci. (Law) Thesis. Irkutsk; 2008 (In Russ.).
 18. Strukova VV. Ugolovnoe presledovanie, osushchestvlyаемое v chastnom poryadke (teoreticheskie osnovy i mekhanizm realizatsii). Criminal prosecution carried out in private (theoretical foundations and implementation mechanism). Cand. Sci. (Law) Thesis. Moscow; 2011 (In Russ.).
 19. Ukhova EV. Institut chastnogo obvineniya v ugolovnom sudoproizvodstve: dis... kand. jurid. nauk [Institute of Private Prosecution in Criminal Proceedings: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Vladimir; 2004 (In Russ.).

АБСОЛЮТИЗМ ВО ФРАНЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Королев Павел Евгеньевич, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
korolevmultipass@yandex.ru

© Королев П. Е., 2022

Аннотация. В статье анализируется проблема обозначения абсолютизма раннего Нового времени в историографии, что приближает к пониманию того, как сочеталась политико-правовая реальность французского абсолютистского общества с ее идеологическим обоснованием. Истинность достигается благодаря исследованию трансформации институтов государственного и общественного строя на разных этапах развития данной формы правления. В историческом контексте обнаруживаются все достоинства и недостатки сословной структуры абсолютистского общества, а также бюрократических схем государственного устройства. Несмотря на процесс централизации, ужесточение и упорядочение управления, французская монархия постепенно утрачивала прогрессивные черты, а успехи грамотной политики лучших правительств страны оказались временными. Сдерживая бурное развитие капитализма, короли продолжали защищать пережитки изживающего себя феодального строя, а социально-экономическое положение подавляющего большинства населения более и более ухудшалось.

Рассматривая различные подходы к трактовке абсолютизма, возможно проследить как вертикальные, так и горизонтальные связи абсолютистского общества. Помимо изучения внутренних социальных процессов, не менее важной видится оценка роли государственной машины в них. Работа аппарата чиновников в эпоху абсолютизма стала завершающей в истории французского феодального общества, ибо само население, доведенное до крайней степени недовольства, в конце концов, взяло на себя смелость низвержения институтов рассматриваемой формы правления. Вновь возвращаясь к предпосылкам, оказавшим влияние на становление и последующее укрепление абсолютной монархии, справедливым будет отметить, что неограниченная власть главы государства стала особым явлением переходной эпохи, сочетающей в себе традиции «старого порядка» и новые принципы управления. Истории попросту оказалось угодно так, чтобы именно Франция ранее других европейских государств встала на путь перехода к абсолютизму.

Ключевые слова: абсолютизм, абсолютная монархия, Франция, общественный строй, государственный строй, Западная Европа, королевская власть, Новое время, старый порядок, социальные связи, феодализм, капитализм.

ABSOLUTISM IN FRANCE: A HISTORICAL AND LEGAL VIEW

Pavel E. Korolev, Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
korolevmultipass@yandex.ru

Abstract. *The article analyzes the problem of the designation of absolutism of the early Modern period in historiography, which brings us closer to understanding how the political and legal reality of the French absolutist society was combined with its ideological justification. The truth is achieved through the study of the transformation of the institutions of the state and social system at different stages of the development of this form of government. In the historical context, all the advantages and disadvantages of the estate structure of an absolutist society, as well as bureaucratic schemes of government, are revealed. Despite the process of centralization, tightening and streamlining of governance, the French monarchy gradually lost its progressive features, and the successes of the competent policy of the country's best governments turned out to be temporary. Restraining the rapid development of capitalism, the kings continued to protect the remnants of the obsolete feudal system, and the socio-economic situation of the overwhelming majority of the population was deteriorating more and more.*

Considering various approaches to the interpretation of absolutism, it is possible to trace both vertical and horizontal connections of the absolutist society. In addition to studying internal social processes, it is no less important to assess the role of the state machine in them. The work of the apparatus of officials in the era of absolutism became the final in the history of French feudal society, because the population itself, brought to an extreme degree of discontent, eventually took the liberty of overthrowing the institutions of the form of government in question. Returning again to the prerequisites that influenced the formation and subsequent strengthening of the absolute monarchy, it is fair to note that the unlimited power of the head of state has become a special phenomenon of the transitional era, combining the traditions of the «old order» and new principles of governance. History simply turned out to be so that it was France that, earlier than other European states, embarked on the path of transition to absolutism.

Keywords: *absolutism, absolute monarchy, France, social system, state system, Western Europe, royalty, New Age, old order, social ties, feudalism, capitalism.*

Нельзя не согласиться с тем, что каждая страна, ведущая историю своего существования с древнейших времен, на разных этапах развития отличалась определенной формой правления. Таковая трансформация политико-правовых институтов в итоге привела к сосуществованию республик и монархий, в свою очередь, также видоизмененных и разнородных. История абсолютизма в данной эволюции заслуживает особо пристального внимания, поскольку именно период полновластия неограниченных монархов в западноевропейской цивилизации совпал с переходом от средневековых институтов к принципиально новым формам. Отдельное любопытство представляет полемика вокруг самого термина абсолютизма, такого обыденного в сегодняшней историко-правовой науке и такого далекого в Новое время, имевшее свое видение понятия абсолютного.

По мнению британского историка Н. Хеншелла, исследуемый термин является тождественным деспотии, автократии и бюрократии¹. Согласно его категоричному

¹ Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при уча-

суждению, абсолютная монархия ущемляет права и свободы подданных, монополизирует власть, отрицая диалог с обществом и отделяясь от последнего агентами, лично преданными короне. Соображение о полярности явления абсолютизма и старой Англии, однако, представляется более спорным и противоречивым. Так, отечественный историк и социолог Н. И. Кареев отмечает установление данной формы правления на Туманном Альбионе в царствование династии Тюдоров вслед за Францией и Испанией². Совсем иной вопрос ставит перед исследователями факт наличия будущего абсолютной монархии в одной стране и его отсутствия в другой...

Вновь обращаясь к трудам Н. Хеншелла, мы обнаруживаем различие в вопросе утверждения термина абсолютизма в историографии³. По мнению марксистов, ожидаемо делая акцент на социально-экономическую сферу жизни общества, неограниченная власть монарха стала механизмом угнетения крестьян знатными землевладельцами. Иные видные умы, в свою очередь, отмечают в исследуемом термине лишь юридический аспект, рожденный в ранний период Нового времени. Сторонники преобразований отмечают высокую роль боевых действий в рассматриваемую эпоху, характерное увеличение армии, а также складывание фискально-военного аппарата. Версия о логичном желании власти улучшить духовно-материальное положение подданных также имеет право на существование, однако представляется, что, так или иначе, абсолютизм вобрал в себя все вышеупомянутые черты, став комплексным и многоаспектным явлением западноевропейской истории.

Базируясь на многообразии взглядов касаясь природы абсолютной власти, отдельные исследователи вырабатывают свои собственные концепции. Особого внимания заслуживает обособление подхода структурно-функционального и социокультурного⁴. Представители первого видят главным аспектом изучения вертикальные связи абсолютистского общества. Таким образом, установившаяся форма правления является трансформацией аппарата феодального господства, связей индивидуальных в социальные. Сторонники социокультурных взглядов отстаивают решающую роль горизонтальных связей, где *individual* и *social* неразрывно связаны друг с другом. Немаловажную роль играют ментальные, культурные и психологические взаимодействия западноевропейских стран.

Тем не менее, несмотря на многовековую разницу мнений в теоретических вопросах, в представлении обывателя абсолютная монархия представляет из себя такую форму правления, при которой глава централизованного государства пользуется юридически неограниченной властью. Непосредственно верховная власть здесь имеет решающее слово во всех отраслях управления и права, ибо воля монарха возведена в закон. Приведенное определение дает возможность отдельным исследователям ставить знак равенства между западноевропейской эпохой абсолютизма и неким откатом, возвращением к политическим формам императорского Рима и деспотии Древнего Востока⁵. Однако это является не совсем верным. Справедливо отметить, что становление абсолютной власти монарха имело конечной целью не порабощение последним подданных, а продумывание действенных механизмов обеспечения своей безопасности, равно как и защиты от распрей духовенства и придворной знати путем собственного возвеличивания. Но последнее происходило

стии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова, отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. С. 8.

² Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2009. С. 71.

³ Хеншелл Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ Терехова О. Н. Абсолютная монархия в странах Западной Европы как социально-политическая система // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 54.

⁵ Кареев Н. И. Указ. соч. С. 10.

в строго определенных рамках, то есть в сфере действия закона, ибо сама корона могла быть подвержена суду⁶.

Становится вполне ясным, что по мере эволюции институтов абсолютизма заметно возрастала необходимость регламентации прав и свобод подданных. Гарантом защиты последних от своевольных землевладельцев могла бы стать только сильная и независимая, иными словами, абсолютная королевская власть. Примечательно, что именно данный компромисс, выражающийся в определении прав и свобод подданных «сверху», их признании и уважении, учитывая безграничную власть во внешней политике, армии и религии, явился главным отличием прочного абсолютизма от вспышек деспотизма.

Безусловно, для полного понимания государственного и общественного строя эпохи неограниченной власти монархов вначале следует обозначить причины упадка и последующей трансформации сословно-представительных учреждений Средневековья. Представитель отечественной школы, историк и социолог Н. И. Кареев, отождествляя договорное начало с политической надстройкой сословного строя общества, отмечает полный крах данной системы вследствие равнодушия к ней народных масс, в принципе не представленных в институтах власти⁷. Устройство последних, в свою очередь, также заслуженно подвергается критике за постоянные распри, неопределенность сроков созывов и отсутствие контролирующих органов. В сложившейся обстановке король, имея в качестве союзников силу военную и силу бюрократическую, смог получить поддержку большей части общества, выступив посредником между сельскими бедняками и их господами, горожанами и привилегированными. Третьим судьей монарх оказался даже в юридической сфере, разрешая вопросы противоборствующих кланов как правоприменитель и гарант правосудия, однако отнюдь не как всевластный законодатель.

Так, заручившись поддержкой духовенства и дворянства, верховная власть создала политико-правовую надстройку нового типа, подчинившую себе сословный строй общества изыманием политических прав, но сохранением в нем привилегий. Изменив характер социальных связей, абсолютизм смог придать им характер институциональный и унифицированный⁸. В то же время Церковь начинает утрачивать автономию, становясь частью государственной машины, а регулярная наемная армия с молниеносной быстротой набирает в численности штата. Волнения аристократов, находящихся во взаимозависимости от короля, усмиряются, что позволяет управлению наконец обрести черты централизации. Вассально-ленные отношения становились частью истории...

Более же подробно отличительные особенности становления абсолютизма в отдельно взятых западноевропейских странах можно рассмотреть на примере хроники французской монархии. Справедливым будет заметить, что ни единая форма правления в любом государстве не рождалась беспричинно. Так, одной из важнейших предпосылок возникновения абсолютизма во Франции может быть названо зарождение здесь в XVI в. мануфактуры — элемента капитализма, теснившего ремесло в крупных городах. Укрепление товарно-денежных и политических связей провинций страны способствовали оформлению единой нации, единого общенационального рынка⁹. В дальнейшем такие перемены не могли также не вызвать преобразования и в общественном строе: наравне с господствующим классом феодалов на арене появляются крупные собственники — буржуазия, выросшая из городского патрициата. Именно ей правительство, остро нуждавшееся в средствах, оказало заметную выгоду, начав «продавать» право занятия должностей в аппарате управления и суде.

⁶ Хеншелл Н. Указ. соч. С. 144.

⁷ Кареев Н. И. Указ. соч. С. 437.

⁸ Терехова О. Н. Указ. соч. С. 56.

⁹ История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / отв. ред. И. А. Исаев, Т. П. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. С. 122.

В конечном же итоге это привело к зарождению особой прослойки дворян из третьего сословия — дворянства мантии. Сохраняя связи с буржуазией, ее представители составили конкуренцию родовитому дворянству шпаги. Феод, однако, видных изменений не претерпел: право собственности на землю по-прежнему было закреплено за дворянством, а держателем сельхозземель оставался крестьянин-цензитарий¹⁰.

Проблема изучения французского абсолютизма, являющегося особым историческим образцом данной формы правления, наиболее ярко отражена в анализе различных подходов советским историком А. Д. Люблинской, долгие годы исследовавшей взаимоотношения друг с другом и правительством эксплуататорских и эксплуатируемых классов Франции¹¹. Обращая внимание на отказ зарубежной историографии от взгляда на абсолютизм как преобладания всеохватывающей воли монарха, автор отмечает справедливость высказывания Ф. Энгельса, видевшего, как в дальнейшем и иные марксисты, основой монархии такого рода именно равенство земельного дворянства и торгово-промышленной буржуазии. В свою очередь, советский медиовист С. Д. Сказкин, отождествляя абсолютизм с диктатурой класса феодалов, считал условиями для ее становления разгром бывшего союзника королей — городов. Роль абсолютных монархов, по мнению исследователя, заключалась в защите дворянства от напора буржуазии и протекции последней на определенных этапах развития общества¹². В конце концов, дворянство и буржуазия друг для друга антагонистами и не являлись, однако сам абсолютизм стал закономерным ответом на обострение классовой борьбы.

Подвергая анализу концепции советского историка Б. Ф. Поршнева и венгерского историка Э. Мольнара, возможно определить позиции доктрины касаясь задач, поставленных в свое время перед абсолютизмом. Представитель отечественной школы отмечает утверждение союза борющихся классов и отвлечение буржуазии от сближения с революцией, экономическими интересами дворянства. В то же время зарубежный автор, оперируя анализом расходной части госбюджета Франции, делает вывод о том, что фискальная политика обслуживала материальное благополучие исключительно дворянского сословия, противодействуя успехам буржуазии в борьбе за изъятие крестьянских доходов. Именно здесь становится очевидным противоречие французского абсолютизма: стремясь усилить дворянство, он в дальнейшем усилил буржуазию¹³.

Выше уже было упомянуто, что абсолютная монархия во Франции стала историческим образцом данной формы правления, ибо страна ранее других встала на путь ее утверждения. Факт первенства позволяет отдельным исследователям отмечать зарождение, развитие и отмирание историко-правовых институтов в рамках периодизации абсолютизма. Складывание и начальный этап его развития во Франции совпал со временем эволюции капиталистического уклада и появления наемного труда, когда управленческая функция средневекового монарха еще не отделялась от судебной. Второй этап в развитии французской абсолютной монархии пришелся на середину XVI — первую треть XVII в. с характерным кризисом рассматриваемой формы правления. Однако стоит заметить, что именно эти годы являются временем зарождения понятия наследственных должностей и выделения действительного административного управления. Получает историческую основу система интендантов: провинции пополняются королевскими комиссарами инспекции. Третий же этап вновь окрепшего французского абсолютизма был отмечен деятельностью кардинала Ришелье и вступлением в Тридцатилетнюю войну. Примечательно, что именно здесь суть установившейся формы правления наконец раскрылась в полной мере: монархия из судебно-административной становится административно-судебной,

¹⁰ История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. С. 123.

¹¹ Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л. : Наука, 1982. С. 217.

¹² Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 219.

¹³ Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 226.

увеличив налоговые сборы и штат госсекретариатов, утвердив интендантов юстиции, финансов и полиции¹⁴. Не стоит забывать о том, что годы французской абсолютной монархии есть время фактически непрерывных войн и внутренних междоусобиц. Так, после поражения Фронды и отъезда уступок правительства в условиях экономической и политической нестабильности особый интерес будет представлять деятельность на руководящих постах Жана-Батиста Кольбера.

В XV в., однако, до завоеваний Фронды было еще слишком далеко, и на престоле воцаряется Людовик XI, чье правление характеризуется предысторией французского абсолютизма. Его время отмечается зарождением капитализма в книгопечатании и горном деле, а класс купцов, происходивший из цеховой верхушки, легко пополнился как ремесленными выходцами из деревни, так и разорившимися дворянами. Но в отношении с последними социальный статус купцов имел четкую грань, ибо купец, сделавшийся дворянином, в лице своего сына виделся преемником высокого имени, получавшим лучшее воспитание и поступившим на службу, освобождаясь от налогов¹⁵. Такой выходец уже являлся опасным конкурентом для купца-буржуа. Несмотря на то что дворянин лишался налогового иммунитета, занимаясь торговлей, бедствующим его положение не было никогда: наравне с церковью дворянство владело земельным фондом, пополняясь путем аноблирования и выполняя важнейшую функцию — военную.

Власть правительственная в рассматриваемый период последовательно приобретает личностный характер. Король самостоятельно выполнял большую часть работы и много разъезжал по стране, в то же время давая отпор вассалам, выступившим в Лиге общественного блага. Приобретая абсолютный характер, монархия Людовика XI вынуждено считалась с наличием представительных органов власти, каковыми являлись провинциальные штаты Франции. Таким образом, начальный этап может быть отождествлен с равновесием классового общества: дворянство еще владело феодальной сеньюрией и рентой, имея свой вес в армии, а наметившиеся буржуа приобретали вслед за купечеством весомые капиталы, пользуясь привилегиями во внешней торговле и продолжая влиять на трансформацию дворянства¹⁶. Отстранив аристократов от прямого влияния на политические дела, король уже правил самолично, опираясь на бюрократический аппарат дворянства мантии.

Образовав постоянную армию, власть обрела мощное орудие исполнения своей воли, введя же постоянную подать, король как обогатился материально, так и освободился от тотального контроля сословного представительства. Уже к моменту вступления на престол Франциска I можно говорить о государственно-правовой дефеодализации страны и ее территориальном единстве¹⁷. Отныне основой королевской власти становится не домен или же верность вассалов, а милость Божья. Именно с данной формулировкой государь стал именоваться абсолютным, держащим в неограниченной монаршей власти законодательство и верховный суд, управляющим с помощью штата «своих» чиновников. Сам факт политического становления абсолютизма быстро нашел и внешнее выражение: громоздкий двор обрастает церемониалами и титулами, а приобщенная к нему старая феодальная аристократия становится элементом представительности, обретая в то же время большую покорность. Рождается формула королевских ордонансов «*car tel est notre plaisir*» (ибо нам так угодно), ясно подчеркивающая верховенство воли государя. Теперь властная верхушка в полной мере осознает свою роль в упрочении установленного режима, что пройдет красной линией через новое столетие. Как вскоре покажет

¹⁴ Малов В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник. 2005. С. 118.

¹⁵ Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 230.

¹⁶ Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 232.

¹⁷ Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1902. С. 107.

время, семнадцатому веку предстояло не только организовать как следует абсолютную монархию во Франции, но перед этим и воссоздать ее вследствие феодальной реакции¹⁸.

Острый кризис французского абсолютизма выдался довольно длительным, отметившись противостоянием правительства с собственными подданными. Умиротворение страны выпало на долю первого представителя новой династии Бурбонов — Генриха IV, справившегося с возложенной задачей как нельзя лучше. Противостоя самостоятельной гугенотской республике, Католической лиге и восставшей столице, король сумел вновь вернуть управление в свои руки как дипломатическими переговорами с мятежными генерал-губернаторами, так и подкупом деньгами и привилегиями. Хорошим подспорьем в этом деле стало живое чувство национального единства и слабость реакции после поражения смуты. Общественное настроение вполне благоприятствовало монархической реставрации, которая осуществилась куда быстрее становления абсолютизма в стране.

Касаясь вопроса сословий, следует сказать, что в данный этап речь уже не шла о равновесии классов. Крестьяне подняли штыки против феодальной реакции старого дворянства, а военная прослойка последнего в мирное правление Генриха IV оказалась не у дел. В противоположной ситуации пребывала буржуазия: в год последовательного протекционизма она наверстала упущенное. Стоит отметить, что на протяжении всего лихолетья правительство сохранило опору в лице нового дворянства, представленного в парижском и муниципальных парламентах¹⁹. Вопреки ожиданиям многих, новый король не стал созывать Генеральные штаты, ограничившись мнением именитых лиц в Руане, что стало одним из многих доказательств зарождения абсолютистского характера в деятельности Генриха IV. Быть может, лишь такт самого короля являлся кое-каким ограничением?

Возродившись, исследуемая форма правления во Франции начинает приобретать черту, заметно отличающую ее от итальянской и эксплуататорской испанской монархии — правительственную опеку²⁰. Видя благосостояние всего государства в процветании народного хозяйства, король уже не ограничивается фискальным и судебно-полицейским интересом: правительство начинает заботиться о своем народе. Этот первый шаг впоследствии найдет отражение как в политике Жана-Батиста Кольбера, так и будущих постулатах «просвещенного абсолютизма».

Во второй четверти XVII в. укрепить существующий в стране порядок предстояло ярому стороннику абсолютистских взглядов — кардиналу Ришелье. Проводимая им политика может быть рассмотрена с двух сторон: паралич силы, которая еще имела смелость сопротивляться абсолютизму в лице протестантов и уцелевших сословно-представительных учреждений, или же создание угодной абсолютному монарху административной организации. Так, в рамках полного слома дворянского своеволия по инициативе кардинала издаются королевские эдикты по сносу феодальных замков, кроме пограничных, а также под страхом смертной казни запрещаются дуэли. Отмечается, однако, что дворяне сохранили привилегии, не имевшие чисто политического значения, так что при потере своего влияния на корону класс сильно укрепился в социально-экономических отношениях, вполне соответствуя тенденциям абсолютной монархии²¹. После ликвидации последнего оплота протестантизма в Ла-Рошели центральная власть продолжила атаку на вольности, то ограничивая права провинциальных штатов, видевшихся преемниками канувшего в лету сословного представительства всей страны, то уничтожая их вовсе...

Организаторская деятельность кардинала Ришелье не носила характера единой планомерной реформы, но также заслуживает пристального внимания.

¹⁸ Ардашев П. Н. Указ. соч. С. 109.

¹⁹ Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 237.

²⁰ Ардашев П. Н. Указ. соч. С. 116.

²¹ Ардашев П. Н. Указ. соч. С. 129.

Заполонившие страну чиновники и традиция занятия должностей некоторыми аристократическими семьями привели к тому, что большая часть госаппарата отмирающей сословно-представительной монархии оказалась подконтрольна сторонникам провинциального сепаратизма, корпоративной автономии, а также продажи должностей²². В сложившейся обстановке кардинал принял решение о параллельном сооружении системы госорганов из людей незнатных, но вполне способных, лично преданных монархии. Важно отметить, что данная политика привела к созданию чрезвычайно громоздкого, коррумпированного и дорогого бюрократического аппарата. Именно тогда появляются должности генерального контролера финансов и госсекретарей, что напоминало министерскую систему, функционировали тайный совет и аппарат почетного представителя короны — канцлера. Глава государства решал ключевые вопросы внешней и внутренней политики в узком кругу доверенных лиц.

Примечательно, что в рассматриваемый период территория Франции была разделена на генералитэ и губернаторства, диоцезы и бальяжи, интендантства. Постепенное введение института последнего стало одним из ключевых решений кардинала: незнатные уполномоченные королевского правительства на местах могли быть в любой момент отозваны. Особую роль в политике абсолютизма играли сословная регулярная армия и вездесущая полиция, провинциальные же штаты оказались в прямой зависимости от решений короля. Так, было положено начало административной централизации, продолжить которую после смерти Ришелье предназначалось королю Людовику XIV.

Стоит заметить, что в годы правления короля-солнце давление на выборы депутатов в штаты страны приобретает невиданные масштабы. Прослеживается и иная тенденция: постоянным становится вмешательство в дела городского и сельского самоуправления, переживающего упадок в силу эксплуатации городов фиском и упомянутой системы правительственной опеки²³. Последняя в полной мере нашла отражение в политике меркантилизма, проводимой министром короля Жаном-Батистом Кольбером, сделавшим ставку на косвенный налог. Поощрение строительства новых мануфактур, высокие импортные таможенные пошлины, грамотная колониальная политика на время сбалансировали бюджет и сократили государственный долг Франции. Однако позитивные результаты экономической политики оказались временными: казна вскоре вновь приобрела дефицитный характер вследствие бесконечных войн и трат королевского двора²⁴. На этот раз выход из сложившейся ситуации Людовик XIV видел в обложении всех сословий подушной податью, в том числе и дворян. Король увеличил косвенные налоги и практиковал откупную систему сбора податей. Так, результатом политики правительственной опеки стало не предупреждение новой задолженности, а стеснение городского и сельского самоуправления²⁵.

Не менее занимательным является и тот факт, что со времен Людовика XIV королевский абсолютизм становится возводимым в особый культ, теоретиком, творцом и первым поклонником которого становится сам монарх, а центром — невероятных размеров двор. Воспринимая себя как наместника Божьего, монарх писал в своих мемуарах: «Нация во Франции не составляет самостоятельного тела, она целиком заключается в особе короля»²⁶. Людовик XIV оставил своему наследнику разоренную страну с безграничным просветом в государственных финансах, а его длительное царствование в полной мере выявило отрицательные стороны прочно утвержденного абсолютизма. Несмотря на видные достижения монархической

²² История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. С. 125.

²³ Ардашев П. Н. Указ. соч. С. 155.

²⁴ История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. С. 130.

²⁵ Ардашев П. Н. Указ. соч. С. 156.

²⁶ Ардашев П. Н. Указ. соч. С. 172.

власти, именно в ее существовании кроется ключ к пониманию предпосылок Великой французской революции...

Анализируя проблему обозначения абсолютизма раннего Нового времени в историографии, возможно приблизиться к пониманию того, как сочеталась политико-правовая реальность французского абсолютистского общества с ее идеологическим обоснованием. Истинность достигается благодаря исследованию трансформации институтов государственного и общественного строя на разных этапах развития данной формы правления. В историческом контексте обнаруживаются все достоинства и недостатки сословной структуры абсолютистского общества, а также бюрократических схем государственного устройства. Несмотря на процесс централизации, ужесточение и упорядочение управления, французская монархия постепенно утрачивала прогрессивные черты, а успехи грамотной политики лучших правительств страны оказались временными. Сдерживая бурное развитие капитализма, короли продолжали защищать пережитки изживающего себя феодального строя, а социально-экономическое положение подавляющего большинства населения более и более ухудшалось.

Рассматривая различные подходы к трактовке абсолютизма, возможно проследить как вертикальные, так и горизонтальные связи абсолютистского общества. Помимо изучения внутренних социальных процессов, не менее важной видится оценка роли государственной машины в них. Работа аппарата чиновников в эпоху абсолютизма стала завершающей в истории французского феодального общества, ибо само население, доведенное до крайней степени недовольства, взяло на себя смелость низвержения институтов рассматриваемой формы правления. Вновь возвращаясь к предпосылкам, оказавшим влияние на становление и последующее укрепление абсолютной монархии, справедливым будет отметить, что неограниченная власть главы государства стала особым явлением переходной эпохи, сочетающей в себе традиции «старого порядка» и новые принципы управления. Истории попросту оказалось угодно так, чтобы именно Франция ранее других европейских государств встала на путь перехода к абсолютизму.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. — СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1902. — 196 с.
2. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / отв. ред. И. А. Исаев, Т. П. Филиппова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2021. — 448 с.
3. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2009. — 463 с.
4. Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. — Л. : Наука, 1982. — 279 с.
5. Малов В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник. — 2005. — С. 96–142.
6. Терехова О. Н. Абсолютная монархия в странах Западной Европы как социально-политическая система // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 3 (63). Т. 2. — С. 53–57.
7. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова, отв. ред. С. Е. Федоров. — СПб. : Алетей, 2003. — 272 с.

REFERENCES

1. Ardashev PN. Absolyutnaya monarkhiya na Zapade [Absolute monarchy in the West]. St. Petersburg: Brockhaus–Efron; 1902 (In Russ.).
2. Isaev IA, Filippova TP, editors. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran: uchebnik dlya bakalavrov [The Myth of absolutism: Textbook for bachelors]. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2021 (In Russ.).
3. Kareev NI. Zapadnoevropeyskaya absolyutnaya monarkhiya XVI, XVII i XVIII vekov: obshchaya kharakteristika byurokraticheskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva «starogo poryadka» [The Western European absolute monarchy of the XVI, XVII and XVIII centuries: general characteristics of the bureaucratic state and the class society of the «old order»]. State publ. hist. lib. of Russia. Moscow; 2009 (In Russ.).
4. Lyublinskaya AD, Frantsiya pri Rishelie. Frantsuzskiy absolyutizm v 1630–1642 gg. [France under Richelieu. French absolutism in 1630-1642]. Leningrad: Nauka Publ.; 1982 (In Russ.).
5. Malov VN. Tri etapa i dva puti razvitiya frantsuzskogo absolyutizma [Three stages and two ways of development of French absolutism]. *French Yearbook*. 2005;96-142 (In Russ.).
6. Terekhova ON. Absolyutnaya monarkhiya v stranakh Zapadnoy Evropy kak sotsialno-politicheskaya sistema [Absolute monarchy in Western Europe as a socio-political system]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;3(63): 53-57 (In Russ.).
7. Henshell N. Mif absolyutizma: Peremeny i preemstvennost v razvitii zapadnoevropeyskoy monarkhii rannego Novogo vremeni [The Myth of absolutism: [The Myth of absolutism: In the development of the Western European [The Myth of absolutism: of early Modern times]. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2003 (In Russ.).

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СПОРТИВНОГО СПОРА

Самойлова Алина Андреевна, аспирант кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48
anilas@mail.ru

© Самойлова А. А., 2022

Аннотация. В статье представлен обзор отечественных и зарубежных доктринальных концепций, а также сформулирован авторский взгляд на проблемы и особенности построения дефиниции, а также детерминации признаков и правовой природы спортивного спора как самостоятельной правовой категории. Элементы научной новизны настоящего исследования заключаются в комплексном подходе, сочетающем теоретико-правовой и практический анализ, проведенный на основе современных положений доктрины спортивного права, действующих норм профильного законодательства и актуальных позиций правоприменительной практики, в ходе которого предпринята попытка внести авторский вклад в развитие представлений о спортивном споре как правовом явлении, его правовой природе и признаках. По результатам исследования была установлена смысловая связь между социальным конфликтом и спортивным спором, что объясняет правовую природу общественных отношений, составляющих предмет данной категории юридических споров. Дополнительно сформулированы основные признаки спортивного спора, вытекающие из особенностей структуры, субъектного состава, объекта и предмета спортивных правоотношений. В качестве результирующей составляющей предложена авторская дефиниция правовой категории «спортивный спор». На основании изложенного, предложенная автором дефиниция понятия «спортивный спор» по своей конструкции полностью ассимилирует под уже устоявшуюся риторику законодательства в сфере физической культуры и спорта, не противоречит действующим отечественным правовым устоям и оставляет возможность для дальнейших реформ по данному вопросу, в связи с чем дополнительно было сформулировано предложение о легальном закреплении данного понятия в профильном федеральном законе. Указанное дополнение видится методологически необходимым и многоаспектно важным, как с теоретико-правовой и правоприменительной точек зрения, так и с материально-правовой и процессуальной сторон рассмотренного явления.

Ключевые слова: дисквалификация, допинг, защита права, олимпиада, спорт, спортивное право, спортивные правоотношения, спортивный арбитраж, спортивный спор, спортсмен, физическая культура и спорт.

THE CONCEPT, SIGNS, LEGAL NATURE OF A SPORTS DISPUTE

Alina A. Samoylova, Postgraduate Student, Department of Theory of Law and Civil Law Education, Herzen Russian State Pedagogical University
ul.Naberezhnaya reki Moiki, d. 48, St. Petersburg, Russia, 191186

anilas@mail.ru

Abstract. *The article presents an overview of domestic and foreign doctrinal concepts, as well as the author's view on the problems and features of the definition construction, as well as the determination of the signs and legal nature of a sports dispute as an independent legal category. The elements of the scientific novelty of this study consist in an integrated approach combining theoretical and legal and practical analysis conducted on the basis of modern provisions of the doctrine of sports law, current norms of relevant legislation and current positions of law enforcement practice, during which an attempt is made to make an author's contribution to the development of ideas about sports dispute as a legal phenomenon, its legal nature and signs. According to the results of the study, a semantic connection was established between a social conflict and a sports dispute, which explains the legal nature of public relations that constitute the subject of this category of legal disputes. Additionally, the main features of a sports dispute arising from the features of the structure, subject composition, object and subject of sports legal relations are formulated. The author's definition of the legal category «sports dispute» is proposed as the resulting component. Based on the above, the definition of the concept of «sports dispute» proposed by the author by its design completely assimilates to the already established rhetoric of legislation in the field of physical culture and sports, does not contradict the current domestic legal foundations and leaves room for further reforms on this issue, in connection with which a proposal was additionally formulated to legally consolidate this concept in the profile federal law. This addition is seen as methodologically necessary and multi-aspect important, both from the theoretical and legal and law enforcement points of view, and from the substantive and procedural sides of the phenomenon under consideration.*

Keywords: *disqualification, doping, protection of law, Olympics, sport, sports law, sports legal relations, sports arbitration, sports dispute, athlete, physical culture and sport.*

Спортивный спор представляет собой достаточно укорененное явление, сопровождающее спортивную деятельность начиная с самых ее истоков. С. А. Юрлов, исследуя греческую специализированную литературу, отметил наличие в Древней Греции спортивного Жюри («Элланодик») — органа, уполномоченного утверждать имена победителей соревнований и, в случае необходимости, рассматривать споры, возникшие между их участниками¹. Вероятнее всего, споры в то время носили технический характер: они касались либо недостатков в организации турнира, либо неправильности выполнения упражнений или некорректности отдельных действий соперников. В данном свете представляется совершенно справедливым суждение Е. В. Погосян, автора одной из первых отечественных концепций в теории спортивных споров: «спорт, в особенности профессиональный, не может существовать без конфликтов. Связано это прежде всего с тем, что спортивным отношениям присущи такие аспекты, как соревновательность и конкуренция, что и обуславливает возникновение конфликтных ситуаций в спортивной среде»².

¹ Юрлов С. А. Разрешение спортивных споров: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 20.

² Погосян Е. В. Формы разрешения спортивных споров : монография. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 28.

Трудно не согласиться и с мнением зарубежного теоретика в области физической культуры и спорта Ж. Эбера, который подчеркивал, что соревновательность является ведущим, доминантным психологическим акцентом в мире спортивных отношений. Без конкуренции нельзя было бы вообще говорить о таком социальном явлении, как спорт, а в системе человеческой деятельности в таком случае имело место лишь некое тривиальное или интенсивное выполнение упражнений³. Действительно, по своей природе спортивная деятельность основывается прежде всего на соревновательном аспекте, что неминуемо предполагает выявление «победивших» и «проигравших» на каждом отдельном старте. Поскольку мотивация первенствовать является для спортсмена центральнообразующим компонентом, вполне объяснима любая острая реакция на возникновение обстоятельств, незаслуженно отдаливших спортсмена от заветной победы, и такие ситуации становятся предметом для социального конфликта в сфере спорта.

Специалисты в области юридической конфликтологии под социальным конфликтом предлагают понимать некий процесс, в котором «два и (или более) индивида активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника»⁴. Следовательно, объектом социального конфликта выступает какая-либо материальная или духовная ценность, за право обладания которой конкурируют или спорят конфликтующие стороны.

В свете приведенной выше теории социального конфликта становится очевидна аналогия с миром спорта, в котором соревнующиеся стороны потенциально могут стать конфликтующими, поскольку всей своей деятельностью они стремятся к достижению единственной в содержательном смысле ценности — победы, которую разделить поровну между всеми участниками по определению невозможно. Как точно отмечено в англоязычной работе ученого К. Ньюмарка, «спортивные споры по своей природе представляют собой смешение разнообразных конфликтных ситуаций, возникающих в спортивном мире»⁵. При этом в целях терминологически корректного понимания рассматриваемой проблематики кратко остановимся на соотношении категорий «конфликт» и «спор». Представляется, что понятие «конфликт» во всяком смысле является более «широким» по отношению к термину «спор». Так, исследователи приходят к единодушному выводу о том, что спор является одной из форм конфликта, его формализованным воплощением, так как разрешение спора подчиняется строго закрепленным нормативным регламентам и правилам, включающим специфический юридический «арсенал» средств (подача претензий, протестов, заявлений, исследование доказательств и доводов сторон и др.).

В спортивной сфере наличествуют и конфликты, и споры. Не каждый конфликт преобразовывается в спор, т.к. конфликтующие субъекты по итогам коммуникации могут прийти к компромиссу, не прибегая к юридическим средствам защиты.

Само по себе возникновение конфликтов, в том числе полноценных юридических споров, в спортивной среде не является феноменом современности, в чем мы можем убедиться из источников, повествующих еще о временах Античности и первых Олимпийских играх. Однако несмотря на поистине долгую историю становления спорта как общественного явления, правовая действительность до сих пор не располагает единым пониманием о некоторых правовых составляющих спорта, в том числе о спортивном споре. Например, действующее законодательство Российской Федерации, представленное прежде всего профильным Законом о спорте⁶, не содержит

³ Эбер Ж. Спорт против физкультуры. Л. : Время, 1925. С. 43.

⁴ Юридическая конфликтология / отв. ред.: В. Н. Кудрявцев М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. С. 6.

⁵ *Newmark C. Is mediation effective for resolving sports disputes? The Netherlands: Asser press, 2002. P. 80 / Цит. по: Погосян Е. В. Формы разрешения спортивных споров (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 82.*

⁶ Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242 ; СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1400.

в себе развернутой дефиниции понятия «спортивный спор». Кроме того, понятие «спортивный спор» не раскрыто ни в одном из локальных нормативных документов спортивных федераций, тогда как именно нормативный массив спортивных федераций по замыслу призван дополнять положения Закона о спорте, в том числе восполняя существующие пробелы благодаря внутреннему ресурсу федераций⁷.

Вступившие в силу в 2016 г. изменения⁸ в Закон о спорте были всерьез направлены на расширение категориального аппарата в указанной области: легальное закрепление получили, например, такие понятия, как спортивная санкция; профессиональный спортивный клуб, профессиональная спортивная лига; профессиональные спортивные соревнования. И тем не менее законодателем в очередной раз было неоправданно проигнорировано включение в Закон о спорте одного из центральнообразующих понятий, — «спортивный спор», — тогда как в отечественной доктрине уже сформулированы и в достаточной степени обоснованы весьма детализированные определения. Так, Е. В. Погосян под указанным явлением предложила понимать «разногласия субъектов, участвующих в спортивных отношениях, по поводу взаимных прав и обязанностей, хотя и не являющихся спортивными, но оказывающих влияние на права и обязанности спортсменов как субъектов спортивных отношений»⁹. Оценивая приведенную выше дефиницию, следует отметить, что она скорее носит сугубо доктринальный характер и не подходит в качестве легального определения. Объясняется такое мнение тем, что в нем понятие «спортивный спор» раскрывается через фундаментальные теоретико-правовые категории — «спортивные отношения», «спортивные правоотношения» и «субъекты спортивных правоотношений». Указанное наблюдение не умаляет теоретической ценности и научной значимости концепции, сформулированной Е. В. Погосян, поскольку ее диссертационное исследование¹⁰ стало одним из первых трудов и фундаментом, отправной точкой для качественно нового этапа в развитии отрасли российского спортивного права и, в частности института разрешения спортивных споров. Принимая во внимание реалии того периода, науке спортивного права требовалось прежде всего методологически выверенное понятие, раскрываемое через всем известные и устоявшиеся категории из общей теории права.

Следуя логике определения Е. В. Погосян, рассмотрим соответственно категории «спортивные отношения», «спортивные правоотношения» и «субъекты спортивных правоотношений». Понимание сущности данных правовых явлений и их корреляции между собой и с понятием «спортивный спор» видится необходимым также и в свете необходимости определения круга отличительных признаков, присущих только спортивному спорту, что входит в перечень задекларированных задач в рамках настоящего исследования. Так, под спортивными отношениями принято понимать «комплексные общественные отношения, складывающиеся в процессе спортивной деятельности ее многочисленными по составу субъектами»¹¹. Соответственно, спортивные правоотношения следует рассматривать как охраняемые законом спортивные отношения, опосредованные комплексом правовых норм из многочисленных отраслей права.

К субъектам, о которых идет речь выше, следует относить как отдельно взятых спортсменов и тренеров, так и целые физкультурно-спортивные объединения и организации (федерации, клубы, спортивные школы и др.), наделенных определенным правовым статусом, т.е. комплексом коррелирующих друг с другом прав и обязанностей в связи с участием в спортивных и иных связанных с ними общественных отношениях. Например, в связи с коммерциализацией спорта в современное время, в качестве субъектов спортивных правоотношений следует держать в уме и спонсоров

⁷ Юрлов С. А. Указ. соч. С. 4.

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта» от 22.11.2016 № 396-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. 1). Ст. 6736.

⁹ Погосян Е. В. Указ. соч. С. 43–44.

¹⁰ Погосян Е. В. Указ. соч. 223 с.

¹¹ Юрлов С. А. Указ. соч. С. 6.

спортивных мероприятий, спортивных агентов, организаций-обладателей интеллектуальных прав (например, на трансляцию соревнований в средствах массовой информации, отличительную символику отдельных турниров и форумов и т.п.).

Не следует забывать и о том, что к субъектам спортивных правоотношений могут относиться и государственные органы. И даже отдельно взятые государства, являясь публичными субъектами, также способны вступать в юридические правоотношения в сфере спорта, в том числе являться стороной международного (межгосударственного) спортивного спора¹².

Раскрывая структуру спортивных правоотношений далее, выделим и их объекты. Представляется, что в качестве объекта спортивных правоотношений могут выступать различные нематериальные блага, прямо или косвенно относящиеся к сфере физической культуры и спорта. Естественно, круг данных объектов также весьма обширен, но при этом и специфичен: от спортивной символики и экипировки до чести и достоинства спортсмена. К тому же, к объектам также можно отнести и действия субъектов, осуществляемые ими в процессе спортивной деятельности.

Содержанием спортивных правоотношений является совокупность прав, обязанностей и законных интересов участников таких отношений. Традиционно, такие права и обязанности коррелируют друг с другом (например, спортсмен получает право тренироваться в определенной спортивной организации, достойное материально-техническое обеспечение при подготовке к соревнованиям, но взамен обязан выступать на соревнованиях от имени своей спортивной организации).

Исходя из описанной структуры, в науке спортивного права были выделены следующие признаки спортивных правоотношений:

- особый субъектный состав указанных правоотношений, что было исследовано выше;
- насколько многогранными по субъектному и предметному составу являются сами спортивные правоотношения, настолько комплексно необходимо подходить к выбору правовых норм, регулирующих данные правоотношения. В зависимости от конкретики, применению могут подлежать нормы различных отраслей права;
- весьма четкая временная определенность. Неслучайно большинство из всем известных и популярных летних и зимних видов спорта называются «циклическими», что означает, что тренировочный период в них подчинен четырехлетнему «олимпийскому циклу», от одних Олимпийских игр до следующих. Указанная цикличность сказывается не только на тренировочной деятельности, но и, например, на особенностях трудовых договоров со спортсменами и тренерами. Речь в данном вопросе может идти и о более сжатых сроках, особенно в рамках конкретного соревнования. Например, когда дело касается вопросов обжалования недопуска спортсмена к старту, а также вопросов подачи протеста по итогам соревнований. Так, согласно Правилам Международной Федерации фристайла, протест против действий других спортсменов или представителей организаторов подается в течение 15 минут с момента завершения соревнования, что имело существенное значение, например, при разрешении спортивного спора, рассмотренного временной палатой Спортивного арбитражного суда на XXII Зимних Олимпийских Играх в 2014 г. (дело CAS OG 14/04-05)¹³. Заявители (Федерация лыжных видов спорта Канады и Олимпийский комитет Канады) подали протест по итогам турнира по лыжному кроссу за пределами отведенного 15-минутного лимита, ссылаясь на то, что в указанный отрезок времени не представлялось

¹² Захарова Л. И. Разрешение споров в области спорта : учебное пособие. М. : Проспект, 2021. С. 9.

¹³ Arbitration CAS ad hoc Division (OG Sochi) 14/004 & 005 Alpine Canada Alpin (ACA), Canadian Olympic Committee (COC) & Olympic Committee of Slovenia (OCS) v. International Ski Federation (FIS) & International Olympic Committee (IOC), award of 23 February 2014 // CAS awards database. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2014-004,%20005.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).

возможным собрать доказательства в подтверждение факта допущенных соперником нарушений. Тем не менее Спортивный арбитражный суд не согласился с доводами заявителей, указав, что ожидание было необоснованным. А поскольку срок на подачу протеста был фактически пропущен, то обстоятельства дела было решено не рассматривать по существу;

— наконец, спортивным правоотношениям сопутствуют специфические формы защиты прав и законных интересов их участников.

Автор следующей концепции, С. В. Алексеев, понимает под спортивным спором «разнообразные по своему содержанию неурегулированные разногласия субъектов в сфере спортивных отношений по поводу прав и обязанностей»¹⁴. При этом прогрессивной составляющей концепции С. В. Алексеева является дифференциация понимания спортивного спора под призмой двух традиционных для общей теории права взглядов — «широкого» и «узкого» смысла рассматриваемого явления. В «широком» понимании спортивные споры — это разновидность юридических споров, связанных с участием многочисленных субъектов и следственно вытекающих из указанной деятельности межотраслевых правоотношений (собственно спортивных, а также иных, связанных с ними — государственно-правовых, гражданско-правовых, трудовых, предпринимательских и других правоотношений). Неслучайно, например, В. В. Блажеев акцентирует внимание на следующем: «несмотря на то что центральное место в спорте, безусловно, занимают непосредственно спортивные отношения, в то же время трудовые и иные связанные с ними отношения являются не менее важными»¹⁵.

Одну из альтернативных формулировок под углом «широкого» смысла спортивного спора находим и в зарубежной литературе: греческий ученый А. Малатос детерминировал рассматриваемую категорию споров как «возникающую из действий (или бездействия) субъектов, функционирующих в рамках спортивного пространства, и влекущую за собой нарушение прав, предусмотренных нормативными регламентами, регулирующими данное пространство»¹⁶.

Спортивные споры в «узком» смысле представляют собой юридические споры, вытекающие исключительно из спортивных отношений. Наиболее часто участниками спортивных споров в данном понимании выступают индивидуальные субъекты, а именно спортсмены и тренеры, чьи субъективные права были нарушены.

Резюмируя вышеуказанное, представляется возможным выделить и поименовать признаки, присущие исключительно спортивному спору:

- особый субъектный состав спора;
- специфичные объект и предмет спора;
- комплексный характер применимых к урегулированию данной категории спора норм права, заимствованных из различных отраслей;
- чрезвычайная требовательность к оперативности рассмотрения спортивных споров, особенно если указанный спор рассматривается в рамках конкретного спортивного соревнования, т.е. сжатость процессуальных сроков;
- как следствие — и специальные требования к субъектам, разрешающим рассматриваемую категорию споров, т.е. к арбитрам (спортивным функционерам, членам жюри, судьям, медиаторам и т.п.), обладающим узкой специализацией,

¹⁴ Алексеев С. В. Спортивное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2012. С. 367.

¹⁵ Зайцев Ю. В., Рогачев Д. И. Трудовые будни в мире спорта: особенности регулирования труда спортсменов и тренеров (предисловие В. В. Блажеева) М. : Статут, 2012. С. 1.

¹⁶ Малатос А. Спортивное правосудие как правовое понятие // Обозрение Спортивного права. № 1.2006. С. 19–20 / Цит. по: Юрлов С. А. Спортивные споры и их разрешение: теория и практика (на примере индивидуальных видов спорта). М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. 18.

желательно, в рамках конкретного вида спорта. Указанное требование в некоторых странах закреплено на законодательном уровне¹⁷.

Принимая во внимание изложенные выше позиции ведущих ученых в области спортивного права, исследовавших категорию «спортивный спор», автором настоящего исследования предлагается внести изменение в законодательную базу по данному вопросу, а именно дополнить п. 21 ст. 2 Закона о спорте понятием «спортивный спор» следующего содержания: «Спортивный спор — разногласия, возникшие между субъектами спортивных и иных связанных с ними отношений, по поводу взаимных прав и обязанностей, подлежащие разрешению органами, уполномоченными на рассмотрение указанных разногласий в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации».

Включение в ст. 2 Закона о спорте, посвященную основным теоретико-правовым понятиям в области спорта, дефиниции понятия «спортивный спор» видится целесообразным не только с точки зрения дальнейших перспектив развития данного вопроса, но и банально с позиции основ юридической техники, поскольку Закон о спорте также включает в себя гл. 5.1 под названием «Рассмотрение споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений», что, несомненно, предполагает наличие разъяснения о том, что законодатель подразумевает под «спортивным спором».

Спортивный спор представляет собой сложное социально-правовое явление, возникшее с древнейших времен. Генезис и правовая природа спортивного спора, исследованные в рамках статьи, представляют методологически и практически значимый интерес в контексте перспектив развития данной категории юридических споров на началах самостоятельности и специализированности.

Восполнение понятийного пробела в отношении категории «спортивный спор» позволит последовательно перейти к рассмотрению и разрешению прикладных проблем, сопряженных с их возникновением и разрешением. Кроме того, легальное закрепление термина «спортивный спор» помогло бы определить родовые признаки и критерии квалификации указанной категории споров, а также обеспечить разграничение с другими категориями споров, что представляется чрезвычайно важным при выборе эффективного способа защиты нарушенных прав и законных интересов участников спортивных правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. В.* Спортивное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / под ред. П. В. Крашенинникова. — М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2013. — 695 с.
2. *Зайцев Ю. В., Рогачев Д. И.* Трудовые будни в мире спорта: особенности регулирования труда спортсменов и тренеров (предисловие В. В. Блажеева) — М. : Статут, 2012. — 182 с.
3. *Захарова Л. И.* Разрешение споров в области спорта : учебное пособие. — М. : Проспект, 2021. — 192 с.
4. *Малатос А.* Спортивное правосудие как правовое понятие // Обозрение Спортивного права. — № 1. — 2006. — С. 15–22.
5. *Погосян Е. В.* Формы разрешения спортивных споров (сравнительно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009. — 223 с.
6. *Погосян Е. В.* Формы разрешения спортивных споров : монография. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 104 с.
7. *Эбер Ж.* Спорт против физкультуры. — Л. : Время, 1925. — 103 с.

¹⁷ *Юрлов С. А.* Спортивные споры и их разрешение: теория и практика (на примере индивидуальных видов спорта). М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. 38.

8. Юридическая конфликтология / отв. ред.: В. Н. Кудрявцев — М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. — 316 с.
9. Юрлов С. А. Разрешение спортивных споров: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2017. — 208 с.
10. Юрлов С. А. Спортивные споры и их разрешение: теория и практика (на примере индивидуальных видов спорта). — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 284 с.
11. Newmark C. Is mediation effective for resolving sports disputes? — The Netherlands: Asser press, 2002. — P. 78–83.

REFERENCES

1. Alekseev SV, Krashennnikov PB, editor. Sportivnoe pravo Rossii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyam «Yurisprudentsiya» i «Fizicheskaya kultura i sport» [Sports Law of Russia: textbook for university students studying in the areas of «Jurisprudence» and «Physical culture and sport»]. Moscow: Unity-Dana, Zakon i pravo Publ.; 2013 (In Russ.).
2. Zaitsev YuV, Rogachev DI. Trudovye budni v mire sporta: osobennosti regulirovaniya truda sportsmenov i trenerov (predislovie V. V. Blazheeva) [Working days in the world of sports: features of regulation of the work of athletes and coaches (foreword by V. V. Blazheyev)]. Moscow: Statut Publ.; 2012 (In Russ.).
3. Zakharova LI. Razreshenie sporov v oblasti sporta: uchebnoe posobie [Dispute resolution in the field of sports: textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 2021 (In Russ.).
4. Malatos A. Sportivnoe pravosudie kak pravovoe ponyatie [Sports justice as a legal concept]. *The Sports Law Review*. 2006;1:15-22.
5. Pogosyan EV. Formy razresheniya sportivnykh sporov (sravnitelno-pravovoy aspekt): dis. kand. jurid. nauk [Forms of sports dispute resolution (comparative legal aspect): Doctoral Dissertation]. Yekaterinburg; 2009 (In Russ.).
6. Pogosyan EV. Formy razresheniya sportivnykh sporov: monografiya [Forms of sports dispute resolution: monograph]. Moscow: Volters Kluwer Publ.; 2011 (In Russ.).
7. Eber Zh. Sport protiv fizkultury [Sport against physical culture]. Leningrad: Vremya Publ.; 1925 (In Russ.).
8. Kudryavtsev VN, editor. Yuridicheskaya konfliktologiya [Legal conflictology]. Moscow: Publishing House of IGiP RAS; 1995 (In Russ.).
9. Yurlov SA. Razreshenie sportivnykh sporov: voprosy teorii i praktiki: dis. kand. jurid. nauk [Resolution of sports disputes: issues of theory and practice: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2017 (In Russ.).
10. Yurlov SA. Sportivnye spory i ikh razreshenie: teoriya i praktika (na primere individualnykh vidov sporta) [Sports disputes and their resolution: theory and practice (on the example of individual sports)]. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2015 (In Russ.).
11. Newmark C. Is mediation effective for resolving sports disputes? The Netherlands: Asser press; 2002.

ОСНОВАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННОЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ НАСИЛИЯ ИЛИ УГРОЗЫ

Дельнова Алина Дмитриевна, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
mochalova.alinne@yandex.ru

Старшинова Ксения Ярославовна, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
ksenia.starshinova@mail.ru

© Дельнова А. Д., Старшинова К. Я., 2022

Аннотация. Анализ судебной практики, нормативных правовых актов и доктринальных источников позволяет авторам выявить основания признания недействительной сделки, совершенной под влиянием угрозы или насилия. В статье изучено понятие угрозы в доктрине и в судебной практике, а также приведен подробный анализ того, что суды понимают под совершением насилия при рассмотрении таких дел. Отсутствие четкой грани между двумя видами этих сделок по признаку наличия и соответствия воли волеизъявлению, затрудняет деятельность судов по отправлению правосудия касательно данного вопроса. Авторы приводят перечень определенных критериев, который может способствовать более объективному рассмотрению судами исковых заявлений о признании сделок, совершенных под влиянием угрозы или насилия, недействительными. В статье также обращается внимание на взаимосвязь уголовного и гражданского законодательства по данному вопросу, тем самым иллюстрируется значение приговора по уголовному делу для решения судом дела в рамках гражданского судопроизводства. По итогам исследования, учитывая значимость данного института для гражданского оборота, авторами сделан вывод о необходимости нормативного закрепления в российском гражданском праве понятий угрозы и насилия при совершении сделок, четких критериев определения данных правонарушений, а также оснований признания таких сделок недействительными. Более того, предлагается введение и развитие новых правил и норм, регулирующих сложные отношения участников таких сделок, исходя из особенностей психологических связей между ними, а также трудности доказывания неправомерных действий правонарушителя в рамках данного процесса.

Ключевые слова: юриспруденция, наука, практика, право, гражданское право, уголовное право, сделка, порок, насилие, угроза, недействительность сделки, критерии.

GROUNDS FOR INVALIDITY OF A TRANSACTION MADE UNDER THE INFLUENCE OF VIOLENCE OR THREAT

Alina D. Delnova, Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
mochalova.alinne@yandex.ru

Ksenia Ya. Starshinova, Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
ksenia.starshinova@mail.ru

Abstract. *The analysis of judicial practice, normative legal acts and doctrinal sources allows the authors to identify the grounds for invalidating a transaction made under the influence of threat or violence. The article examines the concept of threat in doctrine and in judicial practice, and also provides a detailed analysis of what courts understand by the commission of violence when considering such cases. The lack of a clear line between the two types of these transactions on the basis of the presence and compliance of the will with the expression of will, complicates the activity of the courts in the administration of justice on this issue. The authors provide a list of certain criteria that can contribute to a more objective consideration by the courts of claims for recognition of transactions made under the influence of threat or violence as invalid. The article also draws attention to the relationship between criminal and civil legislation on this issue, thereby illustrating the importance of a verdict in a criminal case for the court to decide a case in civil proceedings. According to the results of the study, taking into account the importance of this institution for civil turnover, the authors concluded that the concepts of threat and violence in transactions, clear criteria for determining these offenses, as well as grounds for recognizing such transactions as invalid, need to be normalized in Russian civil law. Moreover, it is proposed to introduce and develop new rules and regulations governing the complex relationships of participants in such transactions, based on the characteristics of the psychological connections between them, as well as the difficulty of proving the illegal actions of the offender in this process.*

Keywords: *jurisprudence, science, practice, law, civil law, criminal law, transaction, vice, violence, threat, invalidity of the transaction, criteria.*

Современной науке гражданского права известно большое разнообразие видов сделок. Принято выделять оспоримые и ничтожные сделки. Они подразделяются на множество иных классификаций: выделяют сделки с пороком формы, содержания, лиц, воли. Особый интерес представляют недействительные сделки с пороками воли. Главная проблема возникает при определении оснований для признания таких сделок недействительными, так как они базируются на сложных психологических взаимоотношениях между сторонами. Необходимо установить критерии для разграничения угрозы от насилия как с теоретической, так и с практической стороны, а также проанализировать судебные случаи признания таких сделок недействительными.

Рассматривая понятие угрозы, стоит отметить, что она представляет собой психическое воздействие на волю лица с целью принудить его к совершению сделки под страхом применения физического насилия, причинения нравственных страданий и иных противоправных действий¹. Каждая конкретная угроза должна

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. (Ч. I). Т. 1 / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. М. : Юрайт-Издат, 2007. (автор главы комм. Халфина Р. О., дополн. Коршунов Н. М.). С. 352.

рассматриваться судом с учетом мировоззрения человека, его моральной составляющей. Так, Г. Ф. Шершеневич в своем труде выделяет несколько оснований для признания рассматриваемой сделки недействительной:

- «прежде всего требуется противозаконность грозимого зла»;
- «требуется значительность грозимого зла, соответствие страдания, которым угрожают с вымогаемой сделкою»;
- «необходима основательность страха, должна быть вероятность приведения угрозы в исполнение».

Каждое обстоятельство нужно индивидуализировать, суд должен рассматривать угрозы не со своей стороны, а максимально приближенно к мышлению лица².

Помимо теоретического аспекта, также важно определить практическое значение ранее описанных оснований.

И. В. Кисельман обратился в Арбитражный суд Северо-Западного округа Вологодской области с иском к С. А. Анушкевичу о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале Общества. Как указывает истец, сделка была им совершена под давлением, поскольку он был похищен, вследствие чего под влиянием угроз, а также страха за свою жизнь и здоровье был вынужден подписать договор. Заявитель доказал наличие оснований для признания сделки недействительной³. Аналогичное дело было рассмотрено в Арбитражном суде Свердловской области по иску Индивидуального предпринимателя В. В. Киселевой к Муниципальному бюджетному учреждению культуры «Екатеринбургский центральный парк культуры и отдыха имени В. В. Маяковского». Стороны подписали агентский договор, однако ранее между истцом и ответчиком уже был заключен договор оказания услуг — совершение новой сделки было необоснованно. Заявитель указывает, что ответчик грозил воспрепятствовать осуществлению деятельности по первому договору в случае неподписания второго, а тем лицам, которые не заключили подобные договоры, был ограничен доступ к объектам и отключен свет. При разрешении дела большую роль сыграло то, что истец восприняла угрозы как реальные, в связи с чем суд признал договор недействительным⁴.

Под насилием в рамках ГК РФ понимается непосредственное физическое воздействие на личность участника сделки, которое может выражаться в нанесении побоев, телесных повреждений, убийствах и т.д.⁵ Так, в Голышмановском районном суде Тюменской области рассмотрено дело о признании недействительным договора розничной купли-продажи. Соглашение было заключено под влиянием насилия: нанесения ударов по лицу, спине и удушения. Важным аспектом является то, что продавец опасался за свою жизнь, видя физическое превосходство недобросовестного покупателя⁶. Также насильственные действия могут быть направлены на имущество стороны или же осуществляться по отношению к близким стороне лицам и т. п. Такой случай был рассмотрен Тверским судом. Истец М. Ю. обратилась с исковым заявлением к ответчику К. В. о признании недействительными договоров дарения и доверенностей, ссылаясь на то, что они были заключены при разводе К. В. под применением физической силы к ней и ее родителям. Из-за этого истец согласилась подписать договоры дарения спорного имущества в пользу своего супруга. Однако

² Шершеневич Г. Ф. Классика российской цивилистики / Учебник русского гражданского права. Т. 1 / науч. ред.: Ем В. С. М. : Статут, 2005. С. 196, 197.

³ Архив Арбитражного суда Северо-Западного округа // Постановление от двадцать четвертого января 2018 г. № Ф07-15905/2017 по делу № А13-17440/2016.

⁴ Архив Арбитражного суда Свердловской области // Решение от второго мая 2017 г. по делу № А60-57363/2016.

⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. (Ч. I). Т. 1 / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. М. : Юрайт-Издат, 2007. (автор главы комм. Халфина Р. О., дополн. Коршунов Н. М.). С. 352.

⁶ Архив Голышмановского районного суда Тюменской области // Решение от девятого января 2020 г. по делу № 2-5/2020 (2-495/2019).

несмотря на угрозу физической расправы суд все же отказал в удовлетворении иска из-за отсутствия достаточных оснований⁷.

Сделка признается недействительной при условии, если другая сторона знала об угрозах или насилии. Подобный случай рассматривается в определении Третьего кассационного суда — заявитель указывает, что договор о продаже недвижимости заключался под влиянием насилия и угроз со стороны не только недобросовестного участника соглашения, но и иных неизвестных лиц. Весомыми доказательствами по данному делу для признания сделки недействительной являются:

- показания свидетеля;
- судебная медицинская экспертиза, подтверждающая применение насилия к лицу⁸.

На практике очень важно подтвердить применение насилия со стороны недобросовестного участника соглашения, отсутствие волеизъявления другого, а также значительность нанесенного ущерба. На примере рассмотренных дел понятно, что суды даже в случаях с имеющимися у заявителя доказательствами не всегда удовлетворяют требования о признании сделки недействительной, поскольку законодательно не закреплены четкие критерии этого.

Рассмотрев основания признания сделок, совершенных под влиянием угрозы или насилия как с теоретической, так и с практической стороны. В уголовном кодексе закреплена норма, регулирующая поведение лиц по совершению сделки — ст. 179 УК РФ. Потерпевший может защищать свои права в рамках уголовного судопроизводства. Опираясь на судебную практику, можно утверждать, что если в рамках уголовного судопроизводства обвинительный приговор присутствует, то зачастую гражданский иск также будет удовлетворен. Так, в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции рассматривалось следующее дело: М. и Р. обратились в суд с иском к Ч., К., З., ООО «Биси Трейд» о признании недействительным договора купли-продажи транспортного средства, который был заключен под влиянием насилия и угроз. Вместе с этим было начато уголовное судопроизводство, по результатам которого Ч. признан виновным в совершении преступлений. Сделка была признана недействительной⁹. Однако законодательно взаимосвязь двух отраслей права напрямую не установлена. Данные положения отражены в Информационном письме Президиума ВАС РФ от десятого декабря 2013 г. № 162: «из статьи 179 ГК РФ не следует, что отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение исключают признание сделки недействительной»¹⁰.

Несмотря на четкую формулировку и правовое закрепление понятий угрозы и насилия в законе, на практике дела о признании сделок, совершенных под влиянием угрозы или насилия, недействительными являются трудно доказуемыми. Считаю необходимым установить определенный перечень оснований на законодательном уровне для решения данной проблемы. Ранее приведенные основания угрозы Г. В. Шершеневича на практике частично реализуются. Так, в рассмотренном судом деле перечисляются признаки, которым должна соответствовать угроза:

- реальность — возможность ее приведения в исполнение, практическая осуществимость;
- существенность — способность вызвать у субъекта представление о грозящей ему опасности¹¹.

⁷ Архив Тверского районного суда города Москвы // Решение от пятнадцатого марта 2021 г. по делу № 2-0200/2021(02-3910/2020).

⁸ Архив Третьего кассационного суда общей юрисдикции // Определение от седьмого июля 2021 г. № 88-8797/2021 по делу № 2-242/2019.

⁹ Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции // Определение от третьего февраля 2021 г. по делу № 88-1630/2021 (№ 2-47/20).

¹⁰ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от десятого декабря 2013 г. № 162 // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 28 февраля 2014. № 2.

¹¹ Архив Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда // Постановление от четвертого августа 2017 г. № 17АП-8920/2017-ГК по делу № А60-57363/2016.

Введение критерия «основательность страха» позволит индивидуализировать каждое рассматриваемое дело, а также обеспечить защиту прав и свобод сторон.

— Основания насилия должны включать:

— несовпадение воли и волеизъявления стороны;

— значительность нанесенного ущерба;

— реальное опасение лица за свою жизнь или близких людей.

Следствием законодательного урегулирования данного вопроса может стать более объективное принятие решений судами о признании таких сделок недействительными, а также уменьшение количества разногласий и споров по сходным делам в разных судебных инстанциях. Введение четких критериев позволит лицам, по отношению к которым проявляется насилие или угроза при заключении сделки, установить факт и доказать совершение неправомерных действий представителя другой стороны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Ч. I. Т. 1 / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 681 с.
2. *Шершеневич Г. Ф.* Классика российской цивилистики : учебник русского гражданского права. Т. 1. — М. : Статут, 2005. — 461 с.

REFERENCES

1. Abov T. E., Kabalkin AYu, editors. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu RF. (Chast I). Commentary on the Civil Code of The Russian Federation. (Part I). Moscow: Yurayt-Izdat Publ.; 2007 (In Russ.).
2. Shershenevich G. F. Klassika rossiyskoy tsivilistiki: uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Classics of Russian Civil Law: textbook of Russian Civil law]. Vol. 1. Moscow: Statute; 2005 (In Russ.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ГРУППОВЫМ ИСКАМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

Кулакова Екатерина Алексеевна, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
ekaterina11kulakova@mail.ru

© Кулакова Е. А., 2022

Аннотация. Наличие пробела в правовом регулировании порядка заключения мирового соглашения по групповым искам в гражданском процессе требует разработки механизмов его скорейшего устранения в силу того, что существующая модель группового производства в части совершения данного распорядительного действия препятствует соблюдению баланса интересов всех участников процесса. В поисках оптимального баланса автором предлагается несколько механизмов разрешения проблемного вопроса. В первую очередь указывается на необходимость законодательного закрепления возможности согласования заключения мирового соглашения лицом, ведущим дело в интересах группы, с ее членами, описывается несколько вариантов одобрения в зависимости от характера материальных правоотношений в основании спора (одобрение большинством членов группы при однородности общественных отношений или единогласное одобрение при неделимом правоотношении). В продолжении цели соблюдения интересов каждого члена группы разрешается проблема учета волеизъявления несогласившихся с условиями мирового соглашения лиц (при применении критерия большинства) путем определения для них дальнейшего пути развития процесса и судьбы заявленных требований. Выделяются категории споров, в отношении которых заключение мирового соглашения возможно исключительно путем его одобрения всеми членами группы. В завершении предлагается дополнить нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в части порядка заключения мирового соглашения в производстве по делам о защите прав и законных интересов группы лиц.

Ключевые слова: мировое соглашение, групповое производство, групповой иск, члены группы, процессуальное соучастие, баланс интересов, единое правоотношение.

A SETTLEMENT AGREEMENT IN CLASS ACTIONS IN CIVIL PROCEEDINGS: IN SEARCH OF A BALANCE OF INTERESTS

Ekaterina A. Kulakova, Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
ekaterina11kulakova@mail.ru

Abstract. *The existence of a gap in the legal regulation of the procedure for concluding a settlement agreement on class actions in civil proceedings requires the development of mechanisms to eliminate it as soon as possible due to the fact that the existing model of group proceedings regarding the commission of this administrative action prevents the balance of interests of all participants in the process. In search of an optimal balance, the author suggests several mechanisms for resolving the problematic issue. First, the author indicates the need for legislative consolidation of the possibility of approving the conclusion of a settlement agreement by the person conducting the case in the interests of the group with its members, describes several options for approval, depending on the nature of the material legal relations on the basis of the dispute (approval by the majority of the members of the group with the homogeneity of public relations or unanimous approval with an indivisible legal relationship). In continuation of the goal of observing the interests of each member of the group, the problem of taking into account the will of persons who disagree with the terms of the settlement agreement (when applying the majority criterion) is solved by determining for them the further path of development of the process and the fate of the stated requirements. There are categories of disputes in respect of which the conclusion of a settlement agreement is possible only by its approval by all members of the group. In conclusion, it is proposed to supplement the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation regarding the procedure for concluding a settlement agreement in proceedings on the protection of the rights and legitimate interests of a group of persons.*

Keywords: *settlement agreement, group proceedings, class action, group members, procedural complicity, balance of interests, unified legal relationship.*

С введением в 2019 г. в ГПК РФ¹ главы 22.3 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» существенно расширились возможности коллективной защиты однородных интересов граждан и организаций. Особенности новой формы искового производства, обусловленные главным образом множественностью лиц на стороне истца, законодатель попытался отразить на всех этапах процесса: с момента подачи искового заявления до вынесения судебного решения. Однако некоторые процессуальные вопросы все же остаются недостаточно определенными, требующими большей регламентации и разъяснений, а следовательно, вызывающими трудности на практике при использовании механизма групповой защиты. Одним из таких является процедура заключения мирового соглашения в групповом производстве как одно из распорядительных действий сторон.

В главе 22.3 ГПК РФ вопрос о мировом соглашении отдельно не урегулирован. Согласно ст. 244.22 ГПК РФ, лицу, ведущему дело в интересах группы, предоставлены все процессуальные права истца. В соответствии со ст. 39 ГПК РФ, стороны могут окончить дело мировым соглашением. Следовательно, на уровне гражданского процессуального законодательства право на совершение такого распорядительного действия, как заключение мирового соглашения в групповом производстве от имени истца предоставлено лицу, которое ведет дело в интересах группы.

Представляется, достижение мирового соглашения в групповом производстве — более сложный процесс, чем в ординарном исковом производстве. А распоряжение судьбой требований членов группы одним лицом несоразмерно тем безусловным правовым последствиям, которые наступают при заключении мирового соглашения для каждого участника группы, в частности невозможности повторного обращения с тождественным иском требованием. Поэтому, на наш взгляд, учет волеизъявления членов группы нельзя пренебречь.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ (14.11.2002). СЗ РФ. 2002. № 146. Ст. 4532.

Несмотря на недавнее закрепление института групповых исков в российском законодательстве, учеными-процессуалистами уже предлагается несколько подходов к одобрению участниками группы мирового соглашения².

Антагонистичным существующему в действующей редакции ГПК РФ варианту заключения мирового соглашения только лицом, которое ведет дело в интересах группы, без учета мнения ее членов, можно считать подход, при котором для достижения мирового соглашения требуется обязательное согласие всех участников группы. Однако такой идеализированный способ учета волеизъявления существенно затруднит или даже исключит возможность достижения мирового соглашения по групповым спорам. При этом риск исключения будет прямо пропорционален количественной характеристике группы: чем больше численность, тем вероятнее недостижение единогласного решения. Данный подход не является рациональным в силу его противоречия назначению группового производства — «эффективно защищать интересы больших групп граждан и организаций, оказавшихся в одинаковой юридико-фактической ситуации»³, так как отсутствие согласия даже одного члена группы исключит, возможно, наиболее эффективный способ защиты большого количества лиц и наиболее благоприятный для обеих сторон процесса результат.

Еще одной моделью учета волеизъявления группы является одобрение мирового соглашения не всеми ее участниками, а большинством. Предложенный подход менее категоричный, чем предыдущий, и позволяет разрешить спор наиболее действенным по мнению значительной части группы способом с приемлемым для них результатом. В данном случае дискуссию вызывает вопрос о том, каким должно быть большинство: абсолютным (50 % + 1 член группы) или квалифицированным (2/3 от общего числа членов группы). Прийти к однозначному выводу достаточно трудно, так как «дела, которые рассматриваются в рамках групповых исков могут быть очень разными»⁴. Но и предусмотреть различные вариации характера большинства в зависимости от категории спора будет также затруднительно. Представляется, оптимальным для одобрения мирового соглашения будет установление абсолютного большинства (согласие более половины членов группы), так как такой порог позволит оценить мировое соглашение как приемлемое в данном споре, учесть интересы значительного круга лиц, и в то же время для заключения соглашения преодолеть барьер в 50 % не так сложно, как при квалифицированном большинстве, поэтому вероятность достижения таким способом мирового соглашения выше и не столь сильно зависит от численности группы.

Безусловно, подобный подход неизбежно порождает весьма значимый вопрос игнорирования мнения меньшинства участников группы, не поддержавших мировое соглашение. Получается, что достижение таким способом мирового соглашения в групповом производстве, уже не нарушая интересы всей группы, вступит в противоречие с интересами определенной, хотя и меньшей, ее части, которая ожидала другой, например, более выгодный результат от присоединения к процессу, ведь «как правило, в соответствии с условиями мирового соглашения истцы получают меньше, чем могли бы получить по судебному решению»⁵, что также подтверждается судебной практикой⁶. Тогда групповое производство не только не реализует тех задач, которые

² См., например: Журбин Б. А. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам : дис. ... канд. юрид. наук (12.00.15.). 2013. Саратов. 224 с. ; Абнозова О. В., Аверков Ю. В., Решетникова И. В. (ред.) и соавт. Особенности арбитражного производства : учебно-практическое пособие. 2021. М. : Юстиция. 324 с.

³ Звиер П., Ярков В. В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели. 2020. Вестник гражданского процесса. № 1. Т. 10. С. 173.

⁴ Туманов Д. А. Групповые иски и общественные интересы (некоторые вопросы). 2021. Закон. № 2. С. 67.

⁵ Аболонин Г. О. Массовые иски. 2011. М. : Волтерс Клувер. С. 162.

⁶ Решение Тындинского районного суда Амурской области от 09.07.2020 по делу № 2-399/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrIe0aOsSxK/524#snippet> (дата обращения: 01.03.2022).

на него возложены (в частности, более эффективная, гарантированная защита больших групп), но еще и создаст для меньшинства дополнительный негативный эффект в виде изменения их требования, уменьшения его размера, недостижения ожидаемого результата не по решению суда, а по воле других лиц, которые даже могут быть не связаны друг с другом единым правоотношением. Такой эффект может выражаться, например, в виде недополучения возмещения морального вреда, которое не стало условием мирового соглашения по спору о защите прав потребителей.

Для нахождения баланса интересов можно обратиться к законодательству о групповом производстве США, которое достаточно подробно регламентирует все составляющие института групповых исков, в том числе порядок заключения мирового соглашения. Согласно Федеральным правилам гражданского судопроизводства США⁷, участникам группы, которые не согласны с невыгодными по их мнению условиями мирового соглашения, предоставляется право выйти из ее состава. Одновременно такое лицо «получает право на личный иск о возмещении убытков к ответчику»⁸. Таким образом, законодатель США закрепляет право несогласившегося с условиями мирового соглашения на переход от рассмотрения его требования в порядке группового производства к общеисковому. Для обеспечения использования такого права членами группы на практике каждому участнику группового производства на стороне истца судом направляется уведомление, в котором разъясняется процедура выхода из состава группы и срок реализации данного права.

Практика разрешения групповых споров в США является одной из показательных, в том числе в части заключения мирового соглашения. Подтверждением этому служит итог продолжительного группового спора по делу «In re Payment Card Interchange Fee and Merchant Discount Antitrust Litigation, № 05-MD-1720 (МКВ) (JO)» (Судебное разбирательство по делу о межбанковской комиссии при использовании платежных карт и торговой уступке)⁹. Основанием спора послужила выплата торгово-сервисными предприятиями по всему миру избыточных сумм комиссии за принятие платежных карт Visa и Mastercard в результате нарушения антимонопольного законодательства компаниями Visa и Mastercard по отдельности, а также совместно с соответствующими банками — участниками Федеральной резервной системы. Суть требований сводилась к выплате компенсации излишне уплаченных торгово-сервисными предприятиями сумм. Процесс рассмотрения дела продолжался 13 лет. Однако столь длительный и сложный судебный спор в итоге завершился заключением мирового соглашения, что доказывает действенность данного механизма урегулирования спора при его должной регламентации. Описанный спор показателен не только с точки зрения своего результата, но и с позиции обеспечения реализации права на выход из состава группы при выражении несогласия с условиями мирового соглашения: всем ее членам — торгово-сервисным предприятиям — судом было направлено уведомление¹⁰, в котором в том числе разъяснялось такое право и срок его реализации (до 23 сентября 2019 г.). Однако ни один из членов группы им не воспользовался, поэтому ее численный состав сохранился в первоначальном виде.

Отсутствие препятствий для реализации на практике процедуры выхода из состава группы позволяет сделать вывод, что такой механизм учета волеизъявления несогласившихся с условиями мирового соглашения членов группы допустимо установить и в российском законодательстве (далее — вариант № 1).

⁷ Federal Rules of Civil Procedure (20.12.1937). URL: <https://www.federalrulesofcivilprocedure.org/frcp/title-iv-parties/rule-23-class-actions/> (дата обращения: 01.03.2022).

⁸ Аболонин Г. О. Указ. соч. С. 168.

⁹ In re Payment Card Interchange Fee and Merchant Discount Antitrust Litigation № 05-MD-1720 (МКВ) (JO). URL: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1141391/000114139118000119/ex101-mdlclasssettlement.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

¹⁰ Уведомление по делу «In re Payment Card Interchange Fee and Merchant Discount Antitrust Litigation № 05-MD-1720 (МКВ) (JO)». URL: https://www.paymentcardsettlement.com/Content/Documents/New%20Docs/Publication%20Notice_RU.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Однако более упрощенным и адаптированным для отечественного правопорядка вариантом учета волеизъявления всех членов группы можно рассматривать деление процесса рассмотрения дела на две составляющие части для согласившихся и несогласившихся:

- для большинства группы лиц, поддержавших мировое соглашение, производство по делу должно прекратиться с вынесением соответствующего определения суда о его утверждении;
- для меньшинства, не поддержавшего заключение мирового соглашения, производство по делу продолжается до момента вынесения решения по существу (далее — вариант № 2).

Предложенный вариант сходен с возможностью заключения мирового соглашения при факультативном процессуальном соучастии¹¹. Наглядные примеры из практики заключения мирового соглашения в отношении одного из соучастников подтверждают жизнеспособность подобного способа правового регулирования порядка заключения мирового соглашения при множественности участников спора. Так, в резолютивной части решения Арбитражного суда Свердловской области от 22.10.2020¹² отчетливо можно проследить разделение судьбы требований истца ООО «Автотранс» к нескольким ответчикам. ООО «Автотранс» обратилось с требованием о взыскании суммы, необходимой для восстановительного ремонта транспортного средства, расходов на оплату услуг по подготовке экспертного заключения, расходов на оплату услуг эвакуации автомобиля к ответчикам ООО «Вторчермет НЛМК Центр» и ПАО «Альфастрахование» в размере 3 485 428 руб. Соучастие на стороне ответчика носит факультативный характер, так как требования истца о взыскании денежных сумм делимы, ответчики не относятся к солидарным должникам в силу различного характера материальных правоотношений в основании спора (ПАО «Альфастрахование» является ответчиком, так как наделен статусом страховщика по договору гражданской ответственности, заключенному с виновником транспортного средства; взыскание денежных средств с него осуществляется в пределах страховой суммы, указанной в договоре; ООО «Вторчермет НЛМК Центр» выступает ответчиком в силу причинения вреда транспортному средству истца работником ООО «Вторчермет НЛМК Центр»; взыскание возмещения производится сверх страховой суммы, выплачиваемой ПАО «Альфастрахование»). При таких обстоятельствах суд счел возможным разделение судьбы требований истца:

- по ходатайству сторон было утверждено мировое соглашение между ООО «Автотранс» и ООО «Вторчермет НЛМК Центр»; производство по делу прекращено в части требований к ООО «Вторчермет НЛМК Центр»;
- в части требований ООО «Автотранс» к ПАО «Альфастрахование» продолжилось рассмотрение спора по существу с вынесением решения об удовлетворении требований истца.

Предложенный способ является менее затратным по времени (с учетом периода последующего рассмотрения индивидуальных требований бывших членов группы при применении варианта № 1), а следовательно, более соответствует одной из основных целей группового производства — процессуальной экономии. Однако при подобном подходе к учету волеизъявления несогласившегося меньшинства членов группы остается ряд вопросов. В частности, оправдано ли продолжение группового производства и вынесение решения по существу для несогласившейся с условиями мирового соглашения части группы, если число оставшихся в процессе

¹¹ Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю., Рожкова М. А. (ред.). Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. 2008. М. : Статут. С. 256.

¹² Решение Арбитражного суда Свердловской области от 22.10.2020 по делу № А60-24008/2020. URL: <http://arb.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=62E9981E-7395AEC1D8AF124C83302C51&SORTTYPE=0&BASENODE=32835&ts=207778070805168140676313543&base=ASUR&n=2082278&rnd=0.6115342990899072#6st0dhj9ans> (дата обращения: 01.03.2022).

лиц меньше установленного законодателем порога (количественного критерия группы) (например, после заключения мирового соглашения в процессе осталось 5 участников, выразивших несогласие с условиями мирового соглашения). Очевидно, что в данном случае такие участники имеют право на рассмотрение своих требований в индивидуальном порядке, поэтому для них более эффективным было бы применение механизма выхода несогласившихся из состава группы с сохранением права на последующее обращение с самостоятельным требованием (по аналогии с практикой США). Не исключается и возникновение противоположной ситуации, когда, при изначально большом количестве присоединившихся к групповому иску лиц (например, 150 членов группы), мировое соглашение было одобрено большинством с небольшим перевесом (85 членами группы). Тогда индивидуальное рассмотрение требований каждого из 65 оставшихся членов группы будет нецелесообразным в силу траты на это большого количества времени, что автоматически нарушит принцип процессуальной экономии.

Для устранения возникшей проблемы можно предложить вариативное решение для сбалансированного учета волеизъявления несогласившихся членов группы — в зависимости от количества таких лиц (вариант № 3):

- если число неодобивших мировое соглашение не превышает законодательно установленного порога, являющегося количественным критерием группы, то несогласившиеся члены группы получают право на выход из ее состава с последующим обращением с самостоятельными исковыми требованиями;
- если количество несогласившихся превышает законодательно установленный порог, суд продолжает для этих лиц рассмотрение спора по существу в порядке группового производства. В любой из вышеуказанных ситуаций волеизъявление членов группы не будет ограничено, а право на защиту сохранится.

Заключение мирового соглашения частью группы тем не менее применимо не ко всем категориям дел. В процессуальной науке приводятся примеры, когда одобрение мирового соглашения невозможно никаким иным образом, кроме единогласного решения, т. е. по первой вышеназванной модели. Например, в случае «незаконного отчуждения общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме (чердаков, подвалов и пр.)»¹³. На основании указанного примера, а также споров, встречающихся в судебной практике¹⁴, можно сделать вывод, что такая ситуация возникает при наличии между членами группы единого правоотношения, общих прав и идентичных фактических обстоятельств в их основании, а также неделимого требования к ответчику.

Для подтверждения существования потенциальной проблемы на практике обратимся к решению Октябрьского районного суда г. Барнаула от 25.05.2020. Истец-представитель в интересах группы лиц подал исковое заявление к АО «Барнаульская генерация» о возложении обязанности заключить с собственниками многоквартирного дома прямые договоры на отопление и горячее водоснабжение, об установлении в прямых договорах, заключенных с собственниками многоквартирного дома, что они распространяются на правоотношения сторон, возникшие с дд.мм.гг. Решением Октябрьского районного суда г. Барнаула требования были удовлетворены полностью. В споре отчетливо можно проследить все вышеперечисленные признаки, которые препятствуют одобрению заключения мирового соглашения большинством членов группы:

- члены группы — собственники многоквартирного дома, между которыми сложилось единое правоотношение по управлению многоквартирным домом и принятию общих решений в форме проведения собраний;
- в силу наличия единого правоотношения между собственниками, целей и задач их объединения в группу, каждый ее член имеет одинаковый набор прав, а в основании спора лежат общие для всех фактические обстоятельства в виде отказа

¹³ Туманов Д. А. Указ. соч. С. 67.

¹⁴ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Барнаула от 25.05.2020 по делу № 9-783/2019~М-3128/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YiEq8olWloYC/> (дата обращения: 01.03.2022).

АО «Барнаульская генерация» в переходе во внесудебном порядке на прямые договоры с собственниками многоквартирного дома;

— само требование о заключении прямых договоров на отопление и горячее водоснабжение является неделимым, так как для собственников многоквартирного дома заключается единый договор на отопление и единый договор на горячее водоснабжение, заключение с каждым собственником индивидуального договора невозможно.

Если предположить, что в сложившемся споре у сторон возникло бы намерение достичь мирового соглашения, то его одобрение большинством с возможностью выхода несогласившихся членов группы (вариант № 1) или продолжения для меньшинства судебного разбирательства (вариант № 2) только бы усложнило разрешение спора между собственниками многоквартирного дома и АО «Барнаульская генерация». Удовлетворение первоначальных требований собственников многоквартирного дома в полном объеме в решении по групповому иску при продолжении процесса для меньшинства или в индивидуальных решениях каждого из несогласившихся сделало бы невозможным исполнение и условий мирового соглашения, и решения/решений суда, вынесенных в пользу несогласившихся. К тому же, такая ситуация породила бы конфликт между самими членами группы.

Действительно, для одобрения мирового соглашения по таким категориям дел применение критерия большинства только затруднит разрешение спора. Поэтому здесь может быть уместен другой механизм учета волеизъявления участников, не поддержавших заключение мирового соглашения. В частности, в законодательстве США предусмотрена процедура подачи возражений от несогласившихся с мировым соглашением. Она отличается от механизма выхода из состава группы своим назначением и последствиями. Направленность возражений продиктована «заботой о соблюдении прав и законных интересов всех участников многочисленной группы лиц, а не основана исключительно на желании участника...обеспечить собственную выгоду»¹⁵. Такое возражение оценивается с точки зрения обоснованности и впоследствии принимается или отклоняется судом. В случае принятия возражений мировое соглашение не утверждается. Однако для практического решения вопроса учета волеизъявления членов группы с точки зрения действующего российского правопорядка можно обратиться к практике заключения мирового соглашения при обязательном соучастии на стороне истца.

Несмотря на то что в процессуальном законодательстве этот вопрос также не нашел закрепления, в науке достаточно четко сложилась позиция о том, что мировое соглашение для утверждения его судом должно быть одобрено всеми обязательными соучастниками. «Если соучастие является обязательным (характер спорного материального правоотношения таков, что не позволяет решить вопрос о правах и обязанностях участников без привлечения остальных субъектов материального правоотношения в процесс по делу), то мировое соглашение может быть заключено только при наличии согласия на это всех соучастников.»¹⁶ В случае, если мировое соглашение одобряется не всеми, суд выносит определение об отказе в утверждении мирового соглашения в силу его несоответствия закону и нарушения прав других участников процесса в соответствии с ч. 6 ст. 153.10 ГПК РФ.

Аналогичная позиция сложилась и в судебно-арбитражной практике. Так, определением Арбитражного суда Краснодарского края от 25.02.2010 о демонтаже самовольно возведенной постройки было отказано в утверждении мирового соглашения между Администрацией МО г. Новороссийск, Муниципальным учреждением «Комитет по архитектуре и градостроительству» (соистцы) и ООО Многопрофильное хозяйственное объединение «Рассвет» (ответчик) в том числе по причине неподписания его обязательным соучастником на стороне истца — Муниципальным учреждением «Комитет по архитектуре и градостроительству»¹⁷. Такое решение спорного вопроса

¹⁵ Аболонин Г. О. Указ. соч. С. 168.

¹⁶ Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю., Рожкова М. А. (ред.). Указ. соч. С. 256.

¹⁷ Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 25.02.2010 по делу № А-32-22088/2007-15/38. URL: <http://aoas.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D->

в виде отказа в утверждении мирового соглашения представляется логичным, так как при отсутствии согласия одного из обязательных соучастников на заключение мирового соглашения спор не может быть урегулирован окончательно. Игнорирование же судом отсутствия согласия соучастника на утверждение мирового соглашения прямо нарушает принцип диспозитивности, поскольку заключение мирового соглашения — одно из распорядительных действий сторон, право осуществлять или не осуществлять которое, проверяя в действии принцип диспозитивности, имеет каждый соистец и соответчик, тем самым оказывая влияние на ход процесса. Нет никаких препятствий применить по аналогии сложившуюся практику утверждения мирового соглашения при обязательном процессуальном соучастии к групповому производству в части единого правоотношения в основании группового иска. Приведенные варианты одобрения мирового соглашения в групповом производстве — лишь один из возможных путей устранения пробела в правовом регулировании данного вопроса. По мнению Д. А. Туманова, «в действительности вряд ли можно предложить универсальную модель, в которой одобрение мирового соглашения со стороны членов группы будет считаться легитимным»¹⁸.

Вопрос совершения распорядительных действий в групповом производстве в ГПК РФ регламентирован достаточно скудно. Поэтому при буквальном толковании положений ст. 244.22 ГПК РФ можно без существенных затруднений в реализации доверить право на заключение мирового соглашения только лицу, которое ведет дело в интересах группы. Такое лицо не лишено возможности уполномочить на совершение данного распорядительного действия представителя.

Однако, если относиться к производству по групповым искам не только как к средству достижения цели процессуальной экономии, но и как к особому эффективному механизму защиты прав и законных интересов коллективов, нельзя не учесть факт множественности лиц на стороне истца при разрешении судьбы требований группы посредством заключения мирового соглашения. Несомненно, для достижения полноценной защиты прав всех членов группы необходимо внесение изменений в процессуальное законодательство путем закрепления порядка учета волеизъявления членов группы при заключении мирового соглашения.

Ключевыми аспектами, на которые должен обратить внимание законодатель в вопросе заключения мирового соглашения в групповом производстве, являются в первую очередь допустимость учета мнения членов группы, дифференциация способа одобрения мирового соглашения группой в зависимости от характера спорного материального правоотношения, а также определение судьбы требований лиц, не поддержавших заключение мирового соглашения. В любом случае, соблюдение баланса интересов — главная задача как законодателя при определении правил достижения мирового соглашения в групповом производстве, так и суда при утверждении такого соглашения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абознова О. В., Аверков Ю. В., Решетникова И. В.* (ред.) и соавт. Особенности арбитражного производства : учебно-практическое пособие. — М. : Юстиция, 2021. — 324 с.
2. *Аболонин Г. О.* Массовые иски. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 416 с.
3. *Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю., Рожкова М. А.* (ред.). Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. — М. : Статут, 2008. — 528 с.
4. *Журбин Б. А.* Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам : дис. ... канд. юрид. наук (12.00.15.). — Саратов, 2013. — 224 с.

[8DC2EE10773DBD843DA983AD6E9C7CF&SORTTYPE=0&BASENODE=32867&ts=4654521009005056637431315&base=ADSK&n=519639&rnd=0.5670116576722011#2ibaj0c54y0](https://www.rus-law.online/8DC2EE10773DBD843DA983AD6E9C7CF&SORTTYPE=0&BASENODE=32867&ts=4654521009005056637431315&base=ADSK&n=519639&rnd=0.5670116576722011#2ibaj0c54y0)
(дата обращения: 01.03.2022).

¹⁸ Туманов Д. А. Указ. соч. С. 67.

5. Звиер П., Ярков В. В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 1. — Т. 10. — С. 143–197.
6. Туманов Д. А. Групповые иски и общественные интересы (некоторые вопросы) // Закон. — 2021. — № 2. — С. 58–70.

REFERENCES

1. Aboznova OV, Averkov YuV, Reshetnikova IV, editors. Osobennosti arbitrazhnogo proizvodstva: uchebno-prakticheskoe posobie [Features of arbitration proceedings: educational and practical guide]. Moscow: Yustitsiya Publ.; 2021 (In Russ.).
2. Abolonin G. O. Massovye iski [Mass lawsuits]. Moscow: Walters Kluwer Publ.; 2011 (In Russ.).
3. Eliseev NG, Skvortsov OYu, Rozhkova MA, editors. Dogovornoe pravo: soglasheniya o podsudnosti, mezhdunarodnoy podsudnosti, primiritelnoy protsedure, arbitrazhnoe (treteyskoe) i mirovye soglasheniya [Contract law: agreements on jurisdiction, international jurisdiction, conciliation procedure, arbitration (arbitration) and settlement agreements]. Moscow: Statut Publ.; 2008 (In Russ.).
4. Zhurbin BA. Protsessualnye osobennosti rassmotreniya sudami del po gruppovym i proizvodnym iskam [Procedural features of consideration by courts of cases on group and derivative claims]. Cand. Sci. (Law). Saratov; 2013 (In Russ.).
5. Zvier P, Yarkov V. V. Gruppovye iski v pravovoy istorii SShA i Rossii: v poiskakh optimalnoy modeli [Class Action in the Legal History of the USA and Russia: Searching of an Optimal Model]. Herald of Civil Procedure. 2020;10:143-197 (In Russ.).
6. Tumanov DA. Gruppovye iski i obshchestvennye interesy (nekotorye voprosy) [Class actions and public interests (some issues)]. Zakon. 2021;2:58-70 (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 687)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

1 / 2022

WWW.RUS-LAW.ONLINE